

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Тезадова Диана Артуровна

**СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
Мирошниченко Инна Валерьевна,
доктор политических наук, доцент

Краснодар
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Теоретико-методологические аспекты исследования сетевой трансформации социальной политики в современных государствах	32
1.1 Социальная политика в современных государствах: теоретические основания исследования и практические модели реализации.....	32
1.2 Социальные вызовы цифровой эпохи.....	46
1.3 Трансформация социальной политики в условиях цифровизации: сетевые компоненты и ресурсы развития	57
2. Сетевые акторы, механизмы и технологии развития социальной политики в современной России	77
2.1 Социальная политика в современной России: основные этапы и результаты развития.....	77
2.2 Конструирование социально-политической повестки сетевыми акторами: российские практики.....	92
2.3 Механизмы межсекторного взаимодействия в решении проблем в сфере социальной политики	111
3. Цифровизация как фактор развития социальной политики в современной России	134
3.1 Политика преодоления цифрового неравенства в системе социальной политики РФ.....	134
3.2.Цифровые политико-управленческие технологии в российской социальной политике.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена общепризнанным кризисом в мировом масштабе социального государства, основанного на модели экономического роста и конвертации его результатов в социальное благополучие граждан. Современные страны столкнулись с серьезными противоречиями и рисками в социальной политике, которые обусловлены, с одной стороны, пределами достигнутого экономического роста, существенно ограничивающими возможности современных государств в социальном прогрессе, с другой – стремительной трансформацией социальной реальности под воздействием цифровых технологий в единстве технологической, экономической, социальной и политической составляющих. Турбулентная социальная динамика общества получила ускорение в последние несколько лет благодаря глобальным социальным вызовам. Пандемия COVID-19, угрозы национальной безопасности (общественной, энергетической, продовольственной, информационной), вызванные противостоянием Запада и России в условиях вынужденной специальной военной операции, усугубляют существующие социальные противоречия и риски, заставляют политическое руководство России и всех без исключения европейских стран оперативно выстраивать стратегические приоритеты в социальной политике, формировать новые управленческие подходы, искать ресурсы для решения социальных проблем.

Социальная политика становится неопределенной с точки зрения перспектив изменения социального ландшафта и социальной мобильности, спектра социальных проблем и источников их возникновения, надежности действующих институтов и инструментов по обеспечению социального благополучия граждан и субъективной оценке данного состояния. Актуализация новой социальной повестки, дефицит материально-финансовых ресурсов государства, а также возрастающая нестабильность и социальная напряженность обуславливают острую потребность в научном осмыслении данной проблематики. Нелинейность социальной динамики и множественность управленческих альтернатив в решении

социальных проблем, качество и скорость которых связаны с цифровыми технологиями и использованием потенциала негосударственных субъектов и самих граждан, определяет сетевое исследовательское поле. Сетевая парадигма в социально-политических исследованиях открывает новые возможности для объяснения разных по содержанию, темпоральному происхождению явлений, которые характеризуют особенности институциональных, процессуальных, контекстуальных и технологических компонентов социальной политики современных государств.

Российская Федерация, оказавшаяся перед вызовами масштабных санкций и беспрецедентного экономического и политического давления со стороны западных стран, вынуждена искать внутренние драйверы для дальнейшего социально-экономического развития, которые находятся в области сетевых ресурсов и цифровых технологий. Осмысление сетевого измерения существующих и проектируемых социальных и политико-управленческих практик позволит выработать новые подходы к формированию практических моделей социальной политики, жизнеспособных в условиях общественных и технологических трансформаций, доказывающих свою эффективность в реализации антикризисных социальных стратегий.

Степень научной разработанности проблемы. Предметное поле диссертации формируется на стыке различных направлений современных исследований социальной политики в работах зарубежных и отечественных ученых.

Теория социального государства впервые была описана и обоснована в работах Лоренца фон Штейна¹. Развитие идей социальных функций государства в конце XIX – первой половине XX в. было связано с работами таких классиков, как

---

¹ Stein L. von. Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unserc Tage. Bd. III. Munchen, 1921. Русский перевод: Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872; Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874.

Карл Маркс (классовая интерпретация социальных функций государства)¹, Милтон Фридман и Фридрих Август фон Хайек (либеральная социальная политика и свободный рынок)². Трудовые аспекты генезиса социальной политики раскрыты Ю. Кучинским, А. Шлепаковым, Ч. Бутом³.

Теория социального государства нашла свое практическое отражение в типологиях государств всеобщего благосостояния: классификации Ричарда Титмуса⁴ и Роберта Пинкера⁵, типология Госты Эспинг-Андерсена⁶. Современные исследования социального государства и государств всеобщего благосостояния актуализированы работами Н.В. Гоффе, Г.А. Монусовой, И.С. Семененко, Е.С. Садовой, К. Холдена, К. Андерсона, Дж. Боноли, В. Дикона⁷.

К фундаментальным исследованиям, заложившим теоретические основы исследования социетальных процессов трансформации современного общества (сетевизации, цифровизации, нарастания различных рисков и угроз), в том числе и социальной сферы, относятся работы М. Кастельса, З. Баумана, У. Бека, Ю. Хабермаса⁸.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4.

² Фридман и Хайек о свободе / пер. с англ. под ред. А. Бабича. Минск, 1990.

³ Кучинский Ю. История положения рабочего класса при капитализме. Мировой обзор. М.: Прогресс, 1970; Шлепаков А. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М.: Мысль, 1966; Booth Ch. Life and Labour of the People in London. London, 1969.

⁴ Titmuss R.M. Essays on the Welfare State. London: Allen and Unwin, 1963.

⁵ Pinker R.A. The Welfare State: A Comparative Perspective. London: Bookstall Publications, 1973.

⁶ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

⁷ См.: Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН, 2020; Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Весь Мир, 2020; Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019; Holden Ch. Global Social Policy: An Application of Welfare State Theory // Journal of International and Comparative Social Policy. 2018. Vol. 34, Is. 1. P. 40–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/21699763.2017.1413993>; Anderson K.M. Social Policy in the European Union. London: Palgrave, 2015; Bonoli G. Political Institutions, Veto Points, And the Process of Welfare State Adaptation // The New Politics of the Welfare State / ed. by P. Pierson. New York: Oxford University Press, 2001; Deacon B. Global Social Policy and Governance. London: Sage, 2007.

⁸ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000; Бауман З. Текучая

Научное осмысление трансформационных процессов в современной практике социальных государств в компаративной перспективе представлено в исследованиях российских ученых ИМЭМО РАН¹. Авторы обозначили ключевые глобальные вызовы, связанные с сетевизацией и цифровизацией общества, и результаты их влияния на изменения в системе непрерывного образования, медицины, сферы занятости и рынка труда. Социальные последствия цифровой трансформации экономики представлены Е.В. Садовой, С.А. Стрижовым, О.А. Золотаревой, Л.А. Давлетшиной². Модели социальной политики в современных государствах на примере отдельных стран, а также оценка их эффективности изучаются В.А. Подольским³.

Определенный пласт работ и аналитических обзоров посвящен пандемии коронавируса, оценке ее влияния на отдельные сегменты социальной сферы

современность. СПб.: Питер, 2008; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt a/M, 1995; Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.

¹ Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24–34; Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020; Зенков А.Р., Удовенко И.П. Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 7–19; Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019.

² Садовая Е.В. Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 9. С. 14–24; Стрижов С.А. Барьеры и риски цифровой экономики // Управление экономическими системами. 2018. № 12 (118). С. 86–95; Золотарева О.А., Давлетшина Л.А. О мониторинге социально-экономических последствий цифровой трансформации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 228, № 2. С. 380–404.

³ Подольский В.А. Социальное государство в Великобритании: формирование и функционирование // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 183–197; Подольский В.А. Социальная политика в Германии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 6. С. 145–155; Подольский В.А. Социальная политика в Китае // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 10 (160). С. 98–105; Подольский В.А. Хрупкое общество: генезис, смысл и издержки социальной политики // Социодинамика. 2022. № 11. С. 16–27; Подольский В.А. Сравнение эффективности систем социальной политики // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4182–4191.

общества, а также изменения институциональных практик в системе социального управления современных государств¹.

Исследования зарубежных и отечественных ученых в рамках предметного поля сетевой публичной политики и управления, сетевых аспектов выработки и реализации отраслевых государственных политик заложили основу для концептуализации сетевых ресурсов развития социальной политики², цифровых

---

¹ См.: Квашнин Ю.Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // *Общественные науки и современность*. 2021. № 1. С. 94–104; Синявская О.В. Пандемия коронавируса: ключ к решению или катализатор социальных проблем? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pandemiya-koronavirusa-klyuch-ili-katalizator/> (дата обращения: 23.05.2022 г.); Владиславлева Т.Б., Керов В.А. Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 83. С. 22–46; Кожумратова А.К. Реализация государственной политики в экономической и социальной сферах в условиях пандемии COVID-19 // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2021. Т. 16, № 2. С. 45–55; Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Трансформация институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной вирусной пандемии // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2020. № 3. С. 116–120; Чорный О.В. Социально-экономические факторы государственной политики здравоохранения в современных условиях пандемии и карантинных ограничений в обществе // *Sciences of Europe*. 2020. № 59-2 (59). С. 73–77; Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии: Социальный бюллетень / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/social/social.2020.3.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² См.: Kooiman J. *Modern Governance: New Government-society Interactions*. London: Sage, 1993; Kooiman J., Jentoft D. *Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices* // *Public Administration*. 2009. Vol. 87. P. 818–836; Jessop B. *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press, 2002; Sorensen E., Torfing J. *The Democratic Anchorage of Governance Networks* // *Scandinavian Political Studies*. 2005. Vol. 28. P. 195–218; Goldsmith S., Eggers W.D. *Governing by Network – The New Shape of the Public Sector*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004; Termeer C.J.A.M., Koppenjan J.F.M. *Managing Perceptions in Networks* // *Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector* / ed. by W.J.M. Kickert, E.-H. Klijn, J.F.M. Koppenjan. London: Sage, 1997; Михайлова О.В. Оценка эффективности сетевого взаимодействия в государственном управлении: возможности и вызовы // *Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021*. Томск: Томский гос. ун-т; РАПН, 2021. С. 88–102; Михайлова О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // *Политическая наука*. 2021. № 4. С. 14–30; Михайлова О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // *Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество)*. 2019. № 4. С. 23–39; Михайлова О.В. Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 46. С. 167–175; Михайлова О.В. Сетевые альянсы как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // *Государственное управление: электронный вестник*. 2017. № 62. С. 137–155; Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика: контуры проблемного поля // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 2. С. 82–102; Мирошниченко И.В. *Сетевая публичная политика и управление*. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016; Соловьев А.И.

трансформаций институционального дизайна публичных институтов выработки государственных решений¹.

Инновационные подходы к выработке и реализации социальной политики в современных государствах, в том числе в практиках межсекторного партнерства и сетевого сотрудничества, представлены западными и отечественными учеными².

Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216–230; Соловьев А.И. Фронтальные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3. С. 183–204; Соловьев А.И., Пушкарёва Г.В. Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 67–75.

¹ См.: Сморгунов Л.В. Совместное управление и сотрудничество в системе публичной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 14–20; Сморгунов Л.В. Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021. Томск: Томский гос. ун-т, 2021. С. 9–33; Сморгунов Л.В., Игнатъева О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 101–112; Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 3. С. 6–19; Сморгунов Л.В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 43–49; Сморгунов Л.В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. Т. 27, № 5. С. 9–19; Соколов А.В., Комаров О.Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 26–37; Комаров О.Е., Соколов А.В. Перспективы развития краудсорсинга как формы диалога органов управления и общества // PolitBook. 2021. № 1. С. 150–176.

² Policy Innovations for Transformative Change / United Nations Research Institute for Social Development. 2017. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210601023c005#:~:text=Innovations%20in%20social%20policy%20th at,development%3B%20more%20inclusive%20forms%20of> (дата обращения: 23.05.2022 г.); Grindle M.S. Social Policy in Development: Coherence and Cooperation in the Real-World CID Working Paper № 203. October 2010. URL: <https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/203.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.); Abrahamson P. Welfare Pluralism: Towards a New Consensus for a European Social Policy? // Current Politics and Economics of Europe. 1995. Vol. 5, № 1. P. 29–42; Evers A. Part of the Welfare Mix: The Third Sector as an Intermediate Area // Voluntas. 1995. Vol. 6, № 2. P. 159–182; Donati P. Towards an Integrated and Synergized Social Policy. Concepts and Strategies // Innovation in Social Science Research. 1992. № 5. P. 97–107; Donati P. Towards an Integrated and Synergized Social Policy. Concepts and Strategies // Innovation in Social Science Research. 1995. № 5. P. 97–107; Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации. Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 29–52; Кулькова В.Ю. Цифровая эволюция социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях COVID-19 // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 88–100.

Эволюция российской социальной политики описана Н.И. Лапиным, Т.Ю. Сидориной, И.П. Скворцовым, И.А. Григорьевой¹. Отечественными авторами проанализированы прикладные отрасли социальной политики на федеральном и региональных уровнях РФ: политика образования (М.Н. Кичерова, М.А. Гильтман, В.Н. Борисова, М.Е. Баскакова, Л.Л. Шпаковская)²; политика здравоохранения (Л.М. Мухарямова, С.В. Шишкин, И.Б. Кузнецова, И.С. Паутов, О.А. Кислицына)³; политика труда и занятости (Е.Ю. Рождественская О.Г. Исупова, В.В. Уткина, О. Пинчук, Д. Попов, Э. Наберушкина)⁴; семейная политика (А.А. Гнедаш,

---

¹ Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019; Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005; Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика. М.: ГУ ВШЭ, 2009; Скворцов И.П. Социальная политика региона. Теория и практика. М.: Кнорус, 2010; Григорьева И.А. Сто лет трансформаций социальной политики в России // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(4). С. 497–514; Григорьева И.А. Российская социальная политика в последние годы: между уже пройденным путем и все еще неопределенным будущим // *The Journal of Social Policy Studies*. 2010. № 5(1). С. 7–24; Кислицына О.А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(4). С. 547–558. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-547-55>

² Кичерова М.Н., Гильтман М.А. Инвестиции в неформальное образование: проблемы измерения отдачи и разработки рекомендаций для социальной политики // *The Journal of Social Policy Studies*. 2021. № 19(3). С. 523–532. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-523-532>; Борисова Н.В. Социальная политика в области инклюзивного образования: контекст либерализации и российские реалии // *The Journal of Social Policy Studies*. 2010. № 4(1). С. 103–120; Баскакова М.Е. Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. М.: Гелиос АРВ, 2002; Шпаковская Л.Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // *The Journal of Social Policy Studies*. 2015. № 13(2). С. 211–224.

³ Мухарямова Л.М., Кузнецова И.Б., Петрова Р.Г., Салахатдинова Л.Н. Региональное здравоохранение в условиях реализации национального проекта «Здоровье» и разграничения бюджетных полномочий // *The Journal of Social Policy Studies*. 2010. № 6(4). С. 483–504; Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2008; Мухарямова Л.М., Кузнецова И.Б. Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оценки // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(4). С. 651–659. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-651-659>; Паутов И.С., Паутова Н.И. Продвижение здорового образа жизни как инструмент реализации государственной политики в сфере охраны здоровья в современной России // *The Journal of Social Policy Studies*. 2014. № 12(4). С. 493–508; Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // *The Journal of Social Policy Studies*. 2015. № 13(2). С. 289–302.

⁴ Рождественская Е.Ю. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // *The Journal of Social Policy Studies*. 2012. № 9(4). С. 439–454; Исупова О.Г., Уткина В.В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // *The Journal of Social Policy Studies*.

Н.С. Григорьева, А. Липасова, М.В. Курникова, М.Э. Елютина)¹; пенсионная политика (И.В. Василенко, Е.А. Богданова)²; молодежная и культурная политика (М. В. Певная, А. Холявин, Е.Л. Омельченко, Н.Г. Жидкова, Н.В. Астахова)³.

Теоретические и эмпирические аспекты исследования межсекторного партнерства в социальной сфере в контексте решения задач социальной политики отражены в работах Л.И. Никовской, М.А. Молоковой, В.Н. Якимца,

---

2018. № 16(3). С. 473–486. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-473-486>; Пинчук О., Миняжев Т. Рынки и рестораны Москвы: сетевые сообщества трудовых мигрантов из Азербайджана // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(2). С. 251–266. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-251-266>; Попов Д., Стрельникова А. Работа, образование и грамотность в России: проблема неконсистентности // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(2). С. 267–280. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>; Наберушкина Э. Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальных дистанций // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(2). С. 333–340. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-333-340>

¹ Гнедаш А. А. Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3-4(76-77). С. 96–108; Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанина В., Шарова М.А. Социальная политика в области родительства: сравнительный анализ (Россия–Франция) // *The Journal of Social Policy Studies*. 2014. № 12(1). С. 21–38; Липасова А. Отцовство в российской провинции: теоретический и эмпирический анализ // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(4). С. 629–642. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-629-642>; Курникова М.В., Придатченко М.В. Семья ребенка с инвалидностью в сфере адаптивной физической культуры: социально-правовые аспекты // *The Journal of Social Policy Studies*. 2021. № 19(4). С. 727–736. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-727-736>; Елютина М.Э., Трофимова О.А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(1). С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-1-37-50>.

² Василенко И.В. Ожидания населения от пенсионной реформы 2018 г. как основа формирования социальной напряженности // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. № 18(2). С. 269–282. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-269-282>; Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // *The Journal of Social Policy Studies*. 2016. № 14(4). С. 535–550.

³ Певная М.В., Шуклина Е.А., Асоян Л.А. Социальное участие студентов России и Армении: институциональный контекст и нереализованный потенциал некоммерческого сектора в социокультурном развитии региональных городов // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. № 18(3). С. 445–460. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-445-460>; Холявин А. Отношение к чаепитию как маркер профессионализации сообщества третьего сектора в Санкт-Петербурге // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. № 18(1). С. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-99-114>; Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // *The Journal of Social Policy Studies*. 2010. № 4(2). С. 151–182; Жидкова Н.Г., Тулаева С.А. Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. № 18(3). С. 429–444. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-429-444>; Астахова Н.В., Большаков Н.В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(1). С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-1-51-66>

И.С. Семененко, С.П. Перегудова, А.В. Бородиной, В.И. Патрушева, Г.Д. Горбуновой и др.¹ Инновационные подходы и практики в развитии межсекторного взаимодействия в социальной сфере представлены в зарубежных исследованиях и аналитических докладах международных экспертных сообществ². Инновационные модели в практиках социального партнерства в условиях современной России рассматриваются И.И. Краснопольской, И.В. Мерсияновой, И.С. Семененко, С.П. Перегудовым, Я.С. Ясницкой, Д.В. Роднянским.³ Л.И. Ильичева с коллективом исследователей рассматривают активность гражданских структур через призму социальных размежеваний и социального неравенства в современном российском обществе⁴. Отдельные аспекты цифровизации и

---

¹ Никовская Л.И., Молокова М.А. Социальное государство и социальная политика: вызовы для некоммерческого сектора // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 74–79; Якимец В.Н. Социальное партнерство в России: исследования, механизмы, опыт // Социальное партнерство. Российский опыт. 2000. СПб.: Интерлэнт, 2001. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы // Труды Института системного анализа РАН. М., 2004; Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Прогресс-Традиция, 2008; Акрамовская А.Г. Межсекторное социальное партнерство в России: состояние, механизмы, стратегии и управление развитием в регионах: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007; Бородина А.В. Социальное партнерство как общественно-исторический феномен и принцип регулирования взаимоотношений социальных групп: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2005; Патрушев В.И., Горбунова Г.Д. Межсубъектное социальное партнёрство в Республике Башкортостан: этапы эволюции и основные акторы // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 63–69.

² Moore M. Harley J. Innovations in Governance // Public Management. Review. 2008. Vol. 10, № 1. P. 3–20; Grimma R., Foha C., Bainesb S., Albertsonc K. Social Innovation, an Answer to Contemporary Societal Challenges? Locating the Concept in Theory and Practice // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2013. Vol. 26, № 4. P. 436–455; Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // Harvard Business Review. 2007. № 84(12). С. 78–92.

³ Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 29–52; Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008; Ясницкая Я.С., Роднянский Д.В. Межсекторное взаимодействие и его роль в развитии регионов России // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 104–106.

⁴ Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 362–391; Пророк В., Ильичева Л.Е., Сафиуллин В.А. Гражданское общество в условиях возрастающего неравенства современного общества // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 1. С. 36; Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Анализ моделей экосистем в ракурсе социальной деполаризации в обществе // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 157–171; Ильичева Л.Е., Авдои Д.Т.

цифровой трансформации системы государственного управления в современных государствах раскрываются в работах зарубежных ученых¹. Эволюция процессов сетевизации и цифровизации публичной политики и управления в современных российских условиях исследована отечественными учеными².

Процессы конструирования социально-политической повестки дня в онлайн- и офлайн-пространствах в условиях цифровизации и социальных приоритетов государства раскрыты в работах Л.Н. Тимофеевой, И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко, О.П. Малышевой, А.А. Гнедаш, Е.Б. Шестопал, Дж.Т. Физелли, С. Макгрегора, Ф. Джиларди, М. МакКомбса и Д. Шоу³.

Власть и гражданское общество: взаимодействие как ответ на вызовы и риски новой социально-политической реальности (на примере Приморского края) // *Власть*. 2022. Т. 30, № 3. С. 140–150.

¹Bellamy C. From Automation to Knowledge Management: Modernizing British Government with ICTs // *International Review of Administrative Sciences*. 2002. Vol. 68, № 1. P. 213–230; Government as a Platform, 2018 GaaP Readiness Index. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf- (дата обращения: 23.06.2022 г.); O’Reilly T. Government as a Platform, 2011. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/pdfplus/10.1162/INOV_a_00056 (дата обращения: 23.06.2022 г.); Winners of the European Digital Skills Awards 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/winners-european-digital-skills-awards-2018> (дата обращения: 23.06.2022 г.); UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development). Building Digital Competencies to Benefit from Frontier Technologies. New York: United Nations Publications, 2019. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2449> (дата обращения: 23.06.2022 г.); OECD Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas. OECD Publishing, Paris. 2016. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Digital-Government-Strategies-Welfare-Service.pdf> (дата обращения: 23.06.2022 г.); Исследование ООН: электронное правительство-2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2018. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.); Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: доклад НИУ ВШЭ при участии Всемирного Банка. М., 2019. URL: http://gos.hse.ru/upload/Libv/Cifrovaya_transformatsiya_doklad_2019.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² См.: Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018; Кулик А.Т. «Электронное государство» как вызов для отечественной политической науки // *Управление государством: проблемы и тенденции развития. Политическая наука: ежегодник. 2007* / гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008; Трахтенберг А.Д. Традиционные тактики взаимодействия с властью и готовность к электронному правительству // *Современные исследования социальных проблем: электронный журнал*. 2011. Т. 7, № 3. С. 57; Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии: материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием) / под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Курочкина, О.А. Игнатьева. М.: Аспект Пресс, 2022.

³ Тимофеева Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология*. 2020. № 2. С. 64–69; Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П.,

Российские исследования политической повестки базируется на теоретических концептах, предполагающих анализ данного феномена в контексте изучения публичной политики и политического процесса. Именно этому посвящены работы А.И. Соловьева, Т.Н. Митрохиной, Д.В. Сосунова, А.А. Казакова, А.В. Соколова, С.В. Володенкова¹ и монография коллектива авторов под редакцией проф. А.В. Глухой².

Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.04>; Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация VS сдерживание в официальных СМИ // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 2. С. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-142-155>; Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В., Гнедаш А.А. От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях Рунета (практики сетевых сообществ) // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 3. С. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-20-36>; Шестопап Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 7–24; Feezell J.T. Agenda Setting Through Social Media: The Importance Of Incidental News Exposure And Social Filtering In The Digital Era // Political Research Quarterly. 2018. № 72(2). С. 482–494. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>; McGregor S.C. Social Media as Public Opinion: How Journalists Use Social Media to Represent Public Opinion // Journalism. 2019. № 20(8). P. 1070–1086. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884919845458>; Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social Media and Political Agenda Setting // Political Communication. 2021. Vol. 39. P. 39–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1910390>; Communication and Democracy: Exploring The Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory / ed. by M.E. McCombs, D.L. Shaw, D.H. Weaver. New York: Routledge, 2013. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203810880>

¹ Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>; Митрохина Т.Н. Политическая повестка дня: понятие, специфика, субъекты формирования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1 (75). С. 176–180; Сосунов Д.В. Формирование политической повестки дня современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 143–146; Казаков А.А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 138–143; Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 42–47; Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97–118.

² Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России: монография / под ред. А.В. Глухой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020.

Исследования политической повестки дня также связаны с анализом политических последствий пандемии COVID-19¹, ревизией политики Д. Трампа², политическими процессами в современных государствах³, политическими практиками на локальном уровне⁴.

Ряд зарубежных исследований посвящен платформенным решениям и цифровым сервисам как в системе государственного управления, так и в сфере социальной политики⁵.

---

¹ Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8, № 1. С. 52–58; Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 23–39. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.03>;

² Шевченко Е. С. Концептуальные основы формирования и реализации политической повестки Д. Трампом: выбор инструментария принятия решений // PolitBook. 2018. № 2. С. 58–71.

³ Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л. Сетевая аудитория политической повестки в республике Беларусь в 2020–2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 2. С. 97–108; Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 1 (21). С. 30–45.

⁴ Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 135–149. DOI: [10.21638/spbu23.2021.202](https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.202); Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. Сетевой дискурс и российский мэр: формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 100–111. DOI: [10.37972/chgpu.2021.112.3.013](https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.112.3.013).

⁵ См.: Hartmann T. «Arbeitgeberzusammenschlüsse in Deutschland – Kooperationsmodell für die Zukunft» (Employer associations in Germany – Cooperation Model for the Future), conference presentation FlexStrat, Dortmund, 20 June. Dortmund, 2012; Hargittai E., Jennrich, K. The Online Participation Divide // The Communication Crisis in America, and How to Fix It / ed. by M. Lloyd, L. A. Fried-land. New York: Palgrave Macmillan, 2016; Jenson J. Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism: Moving towards Social Investment // Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges / ed. by N. Morel, B. Palier, J. Palme. Bristol: Policy Press, 2012; Marx P., Nguyen C.G. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25(6). P. 912–943; Misuraca G., Pasi G, Urzi Brancati C. ICT – Enabled Social Innovation: Evidence & Prospective. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017; Ильичева Л.Е., Пирожков Н.С. Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 21–26.

Российские ученые М.В. Петров, В.В. Буров, М.С. Шклярчук, А.В. Шаров связывают новые модели перспективы цифровой трансформации современной системы публичного управления с государством-платформой¹.

Сущность цифрового неравенства как нового вида социального неравенства раскрыта в исследованиях М. Гильберта, П. Норрис, Э. Хелспер, О.В. Шиняевой, О.М. Слеповой, О.В. Волченко, М.А. Дедюлиной². Значимые проявления цифрового неравенства в России рассмотрены в трудах А.Р. Сафиуллина, О.А. Моисеевой, И.А. Быкова, Т.Э. Халла, Т.В. Александровой, А.Л. Бардина, А.Н. Швецова, А.А. Шабуновой, М.А. Груздевой, О.Н. Калачиковой, В.М. Жеребина, О.В. Махровой³. Важность политики преодоления цифрового неравенства для решения социальных проблем и структура этой политики

---

¹ Петров М.В., Буров В.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018; Государство как платформа: люди и технологии / под ред. М.С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2019.

² Hilbert M. Technological Information Inequality as an Incessantly Moving Target: The Redistribution of Information and Communication Capacities between 1986 and 2010 // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2014. Т. 65, № 4. P. 821–835; Norris P. Digital divide: Civic Engagement, Information Poverty, And The Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; Helsper E., van Deursen A.J.A.M. Digital Skills in Europe: Research and Policy // *Digital Divides* / ed. by K. Andreasson. Boca Raton: CRC Press, Taylor & Francis Group, 2015; Шиняева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // *Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология*. 2019. Т. 19, № 1. С. 53–61. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61; Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 163–182; Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // *Studia Humanitatis*. 2017. № 2. С. 23.

³ Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602; Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 5. С. 151–163; Александрова Т.В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // *Journal of Economy and Business*. 2019. Т. 8. С. 9–12; Бардин А.Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 6. С. 73–88. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.06; Швецов А.Н. Цифровое неравенство российских городов и регионов: методы оценки и политика выравнивания // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2014. № 3. С. 51–63; Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // *Проблемы развития территории*. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1; Жеребин В.М., Махрова О.Н. Цифровой раскол между поколениями // *ФЭС: Финансы, экономика, стратегия*. 2015. № 4. С. 5–9.

освещены в трудах Н.В. Плотичкиной, Е.В. Морозовой, И.В. Мирошниченко, З.А. Хоткиной, Р. Рибейро, Дж. Орлик и др.¹

Несмотря на сложившиеся научные представления в социально-политической науке о содержании, практических моделях и факторах трансформации социального государства, проблематика сетевых ресурсов и цифровых политико-управленческих технологий развития социальной политики, в том числе в разрезе исследования современных российских практик в условиях общественных и цифровых трансформаций, остается неразработанной.

Объектом исследования являются сетевые и цифровые практики выработки и реализации социальной политики в современной России.

Предмет диссертационной работы – сетевые ресурсы и цифровые политико-управленческие технологии как основа развития российской социальной политики в условиях современных вызовов.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать сетевые ресурсы и цифровые политико-управленческие технологии в практиках выработки и реализации социальной политики России в условиях современных вызовов.

Задачи диссертационного исследования:

– раскрыть содержание теоретических оснований исследования социальной политики и описать практические модели ее реализации в современных государствах;

– охарактеризовать комплекс социальных вызовов цифровой эпохи как факторов трансформации социальной политики в современных государствах;

– определить сетевые компоненты и сетевые ресурсы развития социальной политики в условиях цифровизации;

---

¹ Плотичкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 4. С. 70–83; Хоткина З.А. Преодоление цифрового гендерного разрыва // *Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всерос. конф. с междунар участием*. Иваново: ИвГУ, 2018; Rosa Ribeiro F. Digital Inclusion as Public Policy Disputes in The Human Rights Field // *International Journal of Human Rights*. 2013. Vol. 10, № 18. P. 33–54; Orlik J., Casasbuenas J., Helkkula K. *Digital Frontrunners – Designing Inclusive Skills Policy for the Digital Age*. London: NESTA, 2018.

- выявить и описать основные этапы развития социальной политики в современной России;
- охарактеризовать практики конструирования социально-политической повестки дня сетевыми акторами в современной России;
- определить институциональные и технологические особенности межсекторного партнерства в решении проблем в сфере российской социальной политики;
- выявить влияние цифрового неравенства на социальную сферу современной России, раскрыть содержание политики преодоления цифрового неравенства в контексте управления социальной сферой;
- определить роль цифровых политико-управленческих технологий в развитии социальной политики современной России.

Исследовательский вопрос диссертационного исследования. Какие сетевые ресурсы и цифровые политико-управленческие технологии актуализируются в практиках выработки и реализации российской социальной политики в условиях общественных и технологических трансформаций?

Хронологические рамки исследования – с середины второго десятилетия 2000-х гг. по 2022 г., в котором отражаются процессы и результаты трансформации социальной политики под воздействием глобальных вызовов.

Теоретико-методологические основания диссертации. Исследование основано на методологических принципах сетевого и неинституционального подходов, соответствующих предмету и поставленным задачам. Эвристические возможности сетевого подхода были использованы в двух исследовательских проекциях. Теории М. Кастельса (сетевое общество) и У. Бека (общество риска) в широком социальном исследовательском контексте данной проблематики позволили определить и охарактеризовать источники, направления и результаты социетальных трансформаций общества, обуславливающих возникновение новых социальных проблем и рисков¹.

---

¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика,

В политико-управленческом измерении аналитический инструментарий сетевого подхода помог выявить и охарактеризовать сетевые аспекты институциональных, процессуальных и технологических компонентов социальной политики. Теории сетевого публичного управления¹, определяющие содержание сетевых структур и механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов социальной политики для эффективного решения специфических задач, позволили выйти за границы традиционной модели и разработать институциональные компоненты публичной социальной политики в авторской объяснительной модели.

Для анализа многообразия практик социальной политики через формально закрепленные институты и неформальные практики были использованы неинституциональный подход и концепция «смешанного благосостояния» (welfare mix), согласно которой государство утрачивает монополию на функции производителя общественных благ и разделяет социальную ответственность и реализацию социальных задач с другими субъектами социальной политики (коммерческими структурами, некоммерческими организациями, отдельными гражданами)².

общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

¹ См.: Kooiman J. *Modern Governance: New Government-society Interactions*. London: Sage, 1993; Kooiman J., Jentoft D. *Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices* // *Public Administration*. 2009. Vol. 87. P. 818–836; Jessop B. *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press, 2002; Sorensen E., Torfing J. *The Democratic Anchorage of Governance Networks* // *Scandinavian Political Studies*. 2005. Vol. 28, № 3. P. 195–218. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2005.00129.x; Goldsmith S., Eggers W.D. *Governing by Network – The New Shape of the Public Sector*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004; Termeer C.J.A.M., Koppenjan J.F.M. *Managing Perceptions in Networks* // *Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector* / ed. by W.J.M. Kickert, E.-H. Klijn, J.F.M. Koppenjan. London: Sage. 1997. P. 79–97.

² См.: Abrahamson P. *Welfare Pluralism: Towards a New Consensus for a European Social Policy?* // *Current Politics and Economics of Europe*. 1995. Vol. 5, № 1. P. 29–42; Evers A. *Part of the Welfare Mix: The Third Sector as an Intermediate Area* // *Voluntas*. 1995. Vol. 6, № 2. P. 159–182; Donati P. *Towards an Integrated and Synergized Social Policy. Concepts and strategies* // *Innovation in Social Science Research*. 1992. № 5. P. 97–107.

Научное осмысление Л.Н. Кочетковой¹ теории социального государства Л. фон Штейна² и анализ практических моделей реализации данной теории в интерпретации Е.С. Садовой³ были применены для рассмотрения процессов эволюции социальной политики в зарубежных странах и современной России.

Исходя из типологии государств всеобщего благосостояния Г. Эспинг-Андерсона⁴, современная модель социальной политики в России была определена как синтетическая модель, объединившая элементы государственно-социалистической и неолиберальной социальных политик.

Концептуальные положения сетевой публичной политики, предложенные И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой⁵, заложили основу для понимания роли новых сетевых акторов социальной политики, которые, используя информационно-коммуникативные технологии, участвуют в конструировании социальной повестки и выработке решений общественно значимых проблем.

Результаты теоретического анализа современных реалий социального государства исследовательским коллективом ИМЭМО РАН были продуктивны при разработке объяснительной модели социальной политики, учитывающей изменения в социальном ландшафте и особенности выработки и реализации политики в новых технологических и общественных реалиях.

При рассмотрении политики преодоления цифрового неравенства для решения задач социальной политики были применены концептуальные разработки

---

¹ Кочеткова Л.Н. Социальное государство: опыт философского исследования. М.: ЛИБРОКО», 2009.

² Stein L. von. Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unserc Tage. Bd. III. Munchen, 1921. Русский перевод: Штейн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872; Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А.С. Гиероглифов, 1874.

³ Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020; Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019.

⁴ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

⁵ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика: контуры проблемного поля // Полис: Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102; Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.

П. Норрис, Э. Хелспер. Для оценки потенциала цифровых политико-управленческих технологий в развитии социальной политики использовались объяснительные модели цифровой трансформации государственного управления «партиципаторной управляемости»¹ и «государство как платформа»².

При рассмотрении структурных и технологических характеристик социально-политической повестки в сфере социальной политики использовалась объяснительная модель цифровой повестки, под которой понимается дискурсивная деятельность новых сетевых акторов политики по конструированию, тиражированию и потреблению контента об общественно важных проблемах³.

В качестве эмпирических методов исследования применялись вторичный анализ данных социологических исследований, традиционный анализ документов, интерактивный анализ цифровых ресурсов в управлении социальной сферой современной России.

Метод кейс-стади позволил провести исследование процессов и технологий конструирования социально-политической повестки сетевыми акторами в современной России на различных уровнях (повседневном, социокультурном, институциональном) публичной социальной политики и определить социально-политические и экономические эффекты данных процессов.

Эмпирическая база диссертации представлена эмпирическими источниками, характеризующими сетевые ресурсы и практики социальной политики современной России в условиях цифровой трансформации.

---

¹ Сморгунов Л.В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации...; Сморгунов Л.В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество...

² Петров М.В., Буров В.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018; Государство как платформа: люди и технологии / под ред. М.С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2019.

³ Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление...; Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса»...; Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели...

В первую группу источников вошли нормативно-правовые акты, регламентирующие институциональные изменения в сфере социальной политики, среди них:

– Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), закрепляющая систему социальных приоритетов и гарантий на уровне государства¹;

– подзаконные акты и нормативные документы, определяющие приоритеты развития социальной сферы и политики по преодолению цифрового неравенства в рамках реализации национальных проектов (Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изм. и доп.)²; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (Правительство РФ, 1 октября 2021 г.) (с изм. и доп.); Поручение Правительства РФ от 22 мая 2018 г. № ДМ-П13-2858 «Об обеспечении реализации Указа Президента России “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и нацпроектам 24 декабря 2018 г., протокол № 16); Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”» от 26 декабря 2017 г. № 1642; паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в РФ» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25 октября 2016 г. № 9);

---

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

– законодательные и подзаконные акты, регулирующие деятельность некоммерческих и волонтерских организаций (Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 02 июля 2021 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2022 г.); Распоряжение Правительства РФ «О концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.» от 15 ноября 2019 г. № 2705-р).

Вторая группа источников представлена аналитическими докладами и результатами мониторинговых исследований, характеризующих состояние цифрового неравенства в современных государствах, в том числе и в России:

– аналитические доклады Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹;

– аналитические доклады Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) «Формирование цифровых компетенций для использования преимуществ передовых технологий»² и ежегодного глобального исследования «Digital 2020»³;

– аналитические доклады Института исследования развивающихся рынков (IEMS) Сколково «Цифровая Россия»;

– результаты мониторинга индекса «Цифровая Россия»⁴.

Третья группа эмпирических данных включает официальные ресурсы грантовой поддержки социально ориентированных проектов и инициатив в РФ:

– Фонд развития межсекторного социального партнерства (spdfund.org), Фонд президентских грантов (<https://президентскиегранты.рф>; оценка.гранты.рф);

---

¹ OECD Digital Economy Outlook 2019. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284en> (дата обращения: 23.05.2022 г.); Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives – Summary, OECD. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: www.oecd.org/going-digital/going-digital-synthesis-summary.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Building Digital Competencies to Benefit from Frontier Technologies. UNCTAD New York, United Nations Publications, 2019. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2449> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ Digital 2020. Global Digital Yearbook. URL: <https://Media.rbcn.ru> (дата обращения: 29.11.2021 г.).

⁴ Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Сколково, 2020. URL: www.skolkovo.ru (дата обращения: 23.05.2022 г.).

– официальные сайты всероссийских добровольческих движений и организаций (мывместе.рф, волонтеры-медики.рф, добро.ру).

В четвертую группу источников вошли открытые данные в Интернете:

– крупнейших российских онлайн-сообществ: «Рыбалка» (https://vk.com/vk_fishing), «Реальный Футбол» (<https://vk.com/re.foot>), «АУТО» (<https://vk.com/pubauto>), «МАМА™» (https://vk.com/love_mama); «GEEK PICNIC» (<https://vk.com/geekpicnic>), «Science|Наука» (<https://vk.com/sci>), «Putin Team» (<https://vk.com/putinteam>), «Теплица социальных технологий» (<https://vk.com/teplitsast>), «Поисковый отряд “Лиза Алерт”» (https://vk.com/lizaalert_real), «Помоги городу» (<https://vk.com/club94091190>);

– краудсорсинговых и краудфандинговых проектов: коллективные петиции (Change.org), «Российская общественная инициатива» (<https://www.roi.ru/>), интерактивная карта помощи (холода.инфо, <https://rynda.org/>).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в обосновании сетевых ресурсов развития социальной политики современной России в условиях общественных и технологических трансформаций. Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

1) установлена взаимосвязь между практиками социальной политики на протяжении XIX–XXI вв. и их научным осмыслением в виде различных теоретических моделей с определением роли государства и других субъектов в процессе выработки и реализации социальной политики;

2) выявлены и охарактеризованы такие контекстные социальные вызовы, как цифровая трансформация и пандемия COVID-19, а также общие и специфические характерные для разных уровней публичного управления социальные вызовы, которые определили многосоставные изменения во всех сегментах социальной сферы современных государств, привели к усилению существующих социальных проблем и актуализации новых рисков;

3) предложена объяснительная модель трансформации социальной политики в условиях цифровизации, включающая структурные, процессуальные и технологические компоненты, а также сетевые ресурсы развития;

4) определены содержательные характеристики этапов эволюции социальной политики в современной России: модернизация в условиях системного кризиса и инерционного наследия (1993–2000 гг.); регламентация трудового законодательства и введение минималистской системы социальной политики (2000–2006 гг.); демографический приоритет социальной политики (2007–2018 гг.); реализация нацпроектов как драйверов социально-экономической политики (2019–2024 гг.);

5) выявлены технологии конструирования социально-политической повестки на различных уровнях субъектности сетевых акторов и описаны результаты влияния публичного дискурса на российскую социальную политику;

6) определены институциональные формы межсекторного партнерства в социальной политике (государственно-частного, государственно-общественного и общественно-частного), технологические особенности его реализации в конкретных сферах; охарактеризована роль межсекторного партнерства как сетевого ресурса в формировании модели публичной (преобразующей) социальной политики в современной России;

7) выявлены основные проявления и риски цифрового неравенства в сфере российской социальной политики, обозначены институциональные основы политики преодоления цифрового неравенства, проблемы и перспективы реализации этой политики в контексте управления социальной сферой в РФ;

8) оценены возможности внедрения цифровых политико-управленческих технологий в практики управления социальной сферой, определены перспективы успешного развития новой модели социальной политики, основанной на сетевых ресурсах и цифровых технологиях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эволюция теоретических представлений о социальной политике тесно связана с реалиями, которые обусловлены трансформацией социальной структуры общества и рынка труда, ориентацией государства на приращение человеческого капитала как основного ресурса социально-экономической и политической модернизации стран, растущей дифференциацией социально уязвимых групп

населения и их специфических потребностей. Основные объяснительные модели социальной политики концентрируются на определении роли государства в реализации социальных функций: от социально-защитных через поддержку по остаточному принципу к модели государства всеобщего благосостояния. На современном этапе развития происходит научное переосмысление роли социальной политики, согласно которому она приобретает характер публичной социальной политики посредством вовлечения всех субъектов (государство, работодатель, НКО и домохозяйства) в обеспечение социальной защиты, процесса предоставления социальных услуг и социальных сервисов, повышающих уровень социального благополучия всех граждан.

2. Глобальными социальными вызовами современного общества, которые усиливают традиционные и порождают новые социальные проблемы, являются цифровая трансформация всех сфер общественной жизни и пандемия COVID-19. Цифровая трансформация как новая парадигма социального развития, основанная на прорывных цифровых технологиях, принципиально изменяет экономические отношения, социальную структуру и характер социальной мобильности, рынок труда и занятость населения, системы непрерывного образования и здравоохранения, закрепляет и усиливает социальное неравенство за счет появления цифровых расколов (цифровое неравенство) в обществе. Пандемия COVID-19 обострила социальные риски и проблемы в сфере общественного здравоохранения, непрерывного образования, социальной поддержки населения, ускорила процессы перехода к цифровой экономике, усилила существующее цифровое неравенство в обществе. Социальные вызовы цифровой эпохи имеют многосоставный и многоуровневый характер, они актуализируются практически во всех отраслях социальной сферы (образовании, здравоохранении, сфере труда, социальной защите) и на всех уровнях публичного управления – от глобального до локального.

3. Технологические и общественные трансформации обусловили кризис государства всеобщего благосостояния и поиск новых объяснительных и практических моделей социальной политики. Ответом на кризис существующей

модели социальной политики стало ее переформатирование в публичную (преобразовательную) социальную политику, при которой ключевую роль приобретают сетевые ресурсы, способствующие включению негосударственных субъектов в решение социальных проблем общества и управление социальной сферой на принципах разделенной ответственности или смешанного благосостояния (welfare mix). Основными характеристиками объяснительной модели трансформации социальной политики в условиях глобальных социальных вызовов являются: структурные компоненты (субъекты политики и сетевые структуры, их объединяющие); процессуальные компоненты (этапы цифровой эволюции, характеризующие уровень включенности субъектов социальной политики и ее благополучателей в цифровое пространство); технологические компоненты (конкретные цифровые технологии, способствующие эффективной деятельности субъектов, реализации инструментов социальной политики, получению гражданами социальных услуг и общественных благ). В различных компонентах преобразующей социальной политики формируется комплекс сетевых ресурсов (дискурсивный, ресурс онлайн-солидарности, мобилизационный ресурс, ресурс межсекторного партнерства, ресурс технологических сервисов и платформ, ресурс цифровой включенности субъектов социальной политики и граждан), обеспечивающих ее развитие.

4. Выделяется четыре этапа развития социальной политики в современной России. Первый этап связан с модернизацией в условиях системного кризиса и инерционного наследия (1993–2000 гг.) – нормативно-правовым и институциональным переходом от советских административно-командных основ социальной политики к генезису модели социального государства в условиях рыночной экономики и демократизации всех публичных сфер. На втором этапе на основе регламентации трудового законодательства и введения минималистской системы социальной политики (2000–2006 гг.) произошло формирование остаточной системы помощи и поддержки реципиентов социальной политики вследствие монетизационной реформы социальных льгот и продолжившейся пенсионной реформы на фоне роста благосостояния и социальной независимости

граждан от государственных сервисов. Третий этап, обозначивший демографический приоритет социальной политики в РФ (2007–2018 гг.), прошел под эгидой формирования новой системы финансово-материальной помощи семьям с детьми и экономическим стимулированием уровня рождаемости в стране. На четвертом этапе, определившем нацпроекты как драйверы социально-экономической политики России (2019–2024 гг.), произошло закрепление функций социального государства в виде синтетической модели социальной политики, объединившей элементы государственно-социалистической и неолиберальной социальных политик.

5. Институциональный дизайн российской модели социальной политики в современных условиях определяется новым содержанием социально-политической повестки и практиками ее конструирования негосударственными субъектами. На уровне повседневных практик конструирования социально-политической повестки сетевые онлайн-сообщества посредством дискурсивной активности в социальных сетях преодолевают административные барьеры в решении локальных социальных задач, способствуют принятию и распространению кастомизированных практик предоставления социальных услуг на основе интеграции ресурсов активных граждан и других субъектов социальной политики. На субкультурном уровне гражданско-дискурсивные сообщества ориентированы на формирование публичных ценностей и смыслов в отношении социально значимых проблем региона или муниципалитета, а также на выработку способов их решения. На уровне политической институционализации социально и политически проактивные онлайн-сообщества не только формируют социально-политическую повестку и способы решения социально значимых вопросов, но и интегрируются в реальные институциональные структуры социальной политики, межсекторные партнерства, основанные на сетевых ресурсах и механизмах взаимодействия.

6. В условиях возрастающей социальной нагрузки в контексте глобальных и национальных вызовов государство концентрируется на предоставлении и расширении мер социальной поддержки уязвимым категориям населения, наращивая свои возможности для развития человеческого капитала. Ресурсы для

осуществления социальных инвестиций в человеческий капитал находятся в пространстве сетевого взаимодействия субъектов, представляющих государственный, коммерческий и некоммерческий секторы. Институциональной формой данного сетевого взаимодействия является межсекторное социальное партнерство, которое в современной России наиболее успешно реализуется в сегментах образования, науки, здравоохранения и социального обслуживания населения на основе гибридных, организационно-структурных, конкурсных, социально-технологических и информационно-коммуникативных институциональных механизмов в формах государственно-частного, государственно-общественного и общественно-частного партнерства. Межсекторное партнерство позволяет отвечать на социальные вызовы путем сопроизводства общественных благ, способствуя росту их разнообразия и повышению качества. Дальнейшее развитие межсекторного партнерства как сетевого ресурса в новой модели социальной политики будет обеспечиваться формированием высокого уровня институционального доверия к институтам управления обществом.

7. Цифровое неравенство как новый вид социального неравенства в современной России проявляется главным образом на межрегиональном, поселенческом, поколенческом и гендерном уровнях. Основные риски существующего цифрового неравенства заключаются в его кумулятивных эффектах, угрозах социальной безопасности, углублении диспропорций на рынке труда и в сфере образования, развитии «цифрового» расслоения общества. В условиях цифровизации социальной политики данное неравенство затрудняет, а в ряде случаев даже исключает доступ к социальной помощи, социальным услугам и социальным сервисам для значительных групп населения. Эссенциальным основанием политики преодоления цифрового неравенства является признание цифровых прав как новой группы прав человека. Институциональный фундамент данной политики в настоящее время составляют национальные проекты, включающие мероприятия, направленные на преодоление трех уровней неравенства (инфраструктурные, компетентностные и мотивационные).

Результаты политики преодоления цифрового неравенства имеют противоречивый характер: несомненные успехи в обеспечении доступа к цифровым технологиям сопровождаются недостаточным вниманием к проблемам развития цифровых навыков и мотивации использования преимуществ цифровизации в социально-экономической сфере.

8. Цифровые ресурсы и технологии в управлении социальной сферой в РФ получили свое развитие благодаря триггерной активации пандемией COVID-19. На первом этапе (в период 2020 г.) было оцифровано и предоставлено на портале «Госуслуги» более 70 государственных услуг социальной направленности. На втором этапе (в период с 2021 г. по настоящее время) Правительством РФ был запущен организационно-технологический проект цифровизации управления социальной сферой. Проект направлен на интеграцию основных субъектов социальной политики (Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральной службы по труду и занятости, Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования, учреждений медико-социальной экспертизы, ведомственных региональных органов власти и местного самоуправления, работодателей) в сфере социального обеспечения и предоставления государственных мер поддержки проактивного, оперативного и адресного характера на основе платформенного решения ЕГССО. Платформенное решение имеет ряд существенных недостатков системного (неадаптивность к условиям новых социальных вызовов; ориентация в основном на меры социальной поддержки; унификация региональных и местных мер социальной поддержки; закрепление патерналистских установок граждан) и технического (риски информационной безопасности и нарушения прав граждан) характера. Перспективы цифровой трансформации и использования цифровых политико-управленческих технологий в социальной политике связаны с внедрением модели «государство как платформа» на основе прорывных цифровых технологий (хранилища данных, предиктивной аналитики, искусственного интеллекта); включением бизнеса и организаций некоммерческого сектора в «разделение» социальной ответственности при платформенных решениях.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования. В теоретическом плане результаты данного исследования определяют сетевые ракурсы развития политико-управленческого комплекса социальной политики, которые могут получить свое дальнейшее научное осмысление на широких эмпирических обобщениях. Предложенная автором объяснительная модель трансформации социальной политики в условиях цифровизации и обоснование сетевых ресурсов ее развития создает теоретические рамки для выработки и реализации стратегических решений в сфере социальной политики с учетом многоуровневых социальных вызовов.

Практическая значимость полученных автором результатов заключается в оценке возможностей использования сетевых ресурсов в дальнейшем проектировании нового институционального дизайна преобразующей социальной политики, предполагающей включение в конструирование социально-политической повестки и выработку решений социально значимых проблем государственных и негосударственных субъектов. Основные практические выводы диссертационного исследования могут быть использованы в качестве ориентиров для дальнейшего развития цифровых платформ в управлении социальной сферой РФ для реализации комплекса актуальных задач и предоставления социальных услуг на основе сетевых механизмов межсекторного партнерства. Материалы исследования могут быть интегрированы в программы высшего и дополнительного профессионального образования по направлениям подготовки «Политология», «Государственное и муниципальное управление».

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности **5.5.3 Государственное управление и отраслевые политики** в части пунктов 9. «Государственная политика, отраслевые государственные политики», 10. «Механизмы, инструменты и стадии государственной политики и отраслевых политик. Разработка политической, общественной и медиаповесток», 11. «Публичная политика и управление публичной политикой».

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования были апробированы на научных мероприятиях всероссийского

уровня (Всероссийская школа молодых ученых «Субъектность в политике: трансформации современной публичности, идентичность и политическое действие», г. Краснодар, 10–13 октября 2013 г.; Всероссийская школа молодых ученых «Субъектность в политике: трансформации современной публичности, идентичность и политическое действие», г. Краснодар, 10–13 октября 2013 г.; Всероссийская научная конференция РАПН «Время больших перемен: политика и политики», г. Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Политика в сетевом обществе», Адлер, 16–19 мая 2019 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы», Москва: МПГУ, 27–28 ноября 2020 г.;). Основные положения диссертации изложены автором в 11 научных публикациях объемом более 10 печатных листов, в том числе в 3 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов кандидатских диссертаций, 1 монографии. Ряд научных результатов диссертационного исследования был апробирован в ходе реализации проекта МК-6036.2014.6 «Стратегии и технологии взаимодействия семьи и государства в условиях формирующегося постинформационного общества» (грант Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, 2014–2015 гг.) в качестве исполнителя.

Диссертация подготовлена и обсуждена на заседании кафедры государственной политики и государственного управления факультета управления Кубанского государственного университета.

Структура работы состоит из введения, трех глав, восьми параграфов, заключения, списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

1.1 Социальная политика в современных государствах: теоретические основания исследования и практические модели реализации

Социальная политика как государственная политика имеет недолгую, но фундаментальную историю в масштабах развития человечества, которая отражается как в эволюции теоретических представлений о функциях государства в социальной сфере, их объеме и способах практического воплощения, так и в практиках выработки и реализации социальной политики современных государств. Российский исследователь в области социальной политики Т.Ю. Сидорина пишет: «С практической стороны появление социальной политики обусловлено насущными потребностями человечества, с теоретической – ее формирование сложилось под влиянием социально-философской и экономической мысли прошлых веков»¹. К основным социально-философским и политико-экономическим предпосылкам можно отнести христианские догматы заботы о ближнем (в Средние века именно церковь и монастыри на территории нынешней Западной Европы оказывали благотворительность беднякам, крестьянам, городским мигрантам²), теории общественного договора (в интерпретации Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо)³, концепцию справедливости Джона Ролза⁴, либеральную и марксистскую парадигму и дебаты в русле данных парадигм о степени вмешательства государства и рынка в социальную сферу.

---

¹ Сидорина Т.Ю. Социальная политика между экономикой и социологией. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/16/1214863195/Sidorina.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² The Origins of Modern Welfare: Juan Luis Vives: On The Relief of the Poor, Or of Human Need / ed. by P. Spicker Oxford: Peter Lang, 2020. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-0353-0017-8>

³ Субботин А.Л. Общественный договор // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2675521> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

Истоками генезиса социальной политики в современном ее понимании стали промышленная и аграрная революции XVIII в., которые привели к возникновению классовой структуры общества, повлияли на социально-экономическое расслоение граждан и вызвали комплекс социальных проблем в странах Европы и Америки в XIX в. Появившиеся проблемы требовали в первую очередь теоретического осмысления, а во вторую – построения нормативно-правовой и институциональной систем для их решения¹.

В результате роста промышленности, миграции рабочей силы из села в город в этот период произошел массовый рост городов, возникла необходимость в создании социально-экономической инфраструктуры для проживания разных слоев населения (в основном фабричного пролетариата) в городе и наполнении этой инфраструктуры различными социальными благами, в создании которых участвовали бы формирующиеся в тот период органы власти, предприниматели и городские сообщества граждан. При этом проблема бедности и нищеты, отсутствие системы образования и здравоохранения (которые приводили к высокой смертности в среде рабочего класса, отсутствию квалифицированной и распространению малоквалифицированной рабочей силы), неразвитость рынка труда и вакуум трудовых социальных гарантий для работников, вопросы санитарии и организации городских районов, недостаток в социальных услугах для семей, детей, работающих матерей, пожилых граждан, больных и инвалидов труда и войн, – все эти вопросы на протяжении XIX в. вызывали общественные дискуссии, появление обличительных статей в газетах и журналах об ужасном труде детей и женщин в шахтах, на фабриках и заводах, порождали дебаты и споры в стенах парламента и мэриях².

---

¹ Бригс П., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени с 1789 года и до наших дней. М.: Весь мир, 2008; Дидерикс Г.А., Линдбланд И.Т. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы в XV в. до 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 1998; Статистическая история США. XVII – начало XXI в. / под ред. В.В. Согрина. М.: ИВИ РАН, 2012; Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии: 1815–1917. М.: ИМО, 1959; Candranestri F. A Handbook of Comparative Social Policy. UK: Edward Elgar Publishing, 2004.

² Allen R.C. Engels' Pause: Technical Change, Capital Accumulation, And Inequality in The British Industrial Revolution. URL: https://istmat.org/files/uploads/58305/allen_engels_pause.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.); McCulloch J.R. A Descriptive and Statistical Account of the British Empire.

Модернизационные процессы в сферах экономики, технические изобретения и научные открытия, изменение в сфере коммуникаций и транспорта еще больше обострили социальные проблемы и привели к возникновению научных теоретических дискуссий и поиску прикладных решений нарастающих социальных проблем.

В поисках решений проблем нищеты и социального дисбаланса, вызванных индустриализацией, власти стран Европы и Америки пытались обеспечить баланс между развивающимися экономикой и социальной политикой. Миграция в промышленно развитые регионы привела к появлению новых профессий, но высветила непригодные условия жизни и труда, а также спровоцировала городскую бедность, особенно в среде пролетариата.

Первую попытку теоретического осмысления социальных задач государства на научном уровне предпринял Лоренц фон Штейн¹, именно его считают основоположником идеи социального государства во второй половине XIX в. Его мысли относительно зависимого положения пролетариата от буржуазии были революционными для того времени, несмотря на то, что сам теоретик придерживался консервативного направления в немецкой философии. Л. фон Штейн предполагал, что капитал – это средство, вызывающее зависимость рабочего класса в буржуазном обществе, и именно государство должно предоставить каждому человеку условия благосостояния. В этом и заключается, по его мнению, социальная функция государства. Государство не стремится трансформировать классовую структуру общества. Социальное государство сглаживает и минимизирует противоречия между классами и уровнями жизни, содействуя труду через систему страхования на предприятии².

London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1847; Mitch D. Education and Skill of the British Labour Force // The Cambridge Economic History of Modern Britain, Industrialisation, 1700–1860 / ed. by R. Floud, P. Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Vol. I.

¹ Основные работы: Stein, L. von. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd. III. München, 1921. Русский перевод: Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872; Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.

² Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А.С. Гиероглифов, 1874.

Л. фон Штейн определил социальное государство как государство, которое «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти... обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан»¹. Как отмечает Л.Н.Кочеткова², современные интерпретации концепта «социальное государство» отличаются от видения XIX в., но именно немецкий философ первым выделил:

- обязательственную природу государства в отношении выполнения социальных функций;
- ограничительную функцию государства в отношении интересов более сильных классов и приоритет социальных интересов более слабых классов;
- заинтересованность государства в выполнении социальных функций с целью сохранения политической стабильности в стране, так как именно социальный результат (нужда и бедность) классовых противоречий может привести к революционным изменениям.

Итак, в конце XIX в. генезис социальной политики в европейских странах был неразрывно связан со сферой труда и занятости. Именно для того, чтобы обеспечить развитие экономического роста в индустриальную эпоху, принимались законы о бедных, организовывались работные дома и возникла система трудового законодательства (8-часовой рабочий день, условия труда, выходные, пособия по нетрудоспособности, больничные и т.д.); постепенно вводилась система начального и профессионального образования для заполнения рынка труда квалифицированной рабочей силой; развивалось медицинское обслуживание работников и определялись санитарные условия труда работников³. Данная зависимость социальной поддержки и социальной защиты от профессионального

---

¹ Stein L. von. Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unserc Tage. Bd. III. Munchen, 1921. Русский перевод: Штейн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872.

² Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 69–79.

³ Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4, № 4. С. 501–525.

стажа и трудовой деятельности легла в основу так называемой бисмарковой модели социальной политики, которая сформировалась в Германии к концу XIX в. Основой этой модели является теоретическая концепция социального государства Лоренца фон Штейна и нормативно-правовая основа в виде системы обязательного социального страхования: закон о страховании на случай болезни (1883 г.), закон о страховании от несчастных случаев на производстве (1884 г.), закон о страховании на случай старости и инвалидности (1889 г.) для работающих граждан¹. В реальности данная модель поддерживала необходимый и достаточный уровень только занятых граждан.

В конце XIX – начале XX в. на фоне экономического роста стали явными социальные лакуны, требующие вмешательства государства в решение социальных проблем; развивающаяся капиталистическая экономика не могла в полной мере удовлетворять растущие потребности работающих и неработающих граждан в социальном благосостоянии и социальных услугах (в том числе и бытовых услугах в растущем секторе муниципального жилья)². Возникло понимание того, что необходимо государственное политическое вмешательство для обеспечения форм социальной поддержки и защиты населения, особенно той части социально-демографических групп, которые не имели входа на рынок труда (женщины, дети, люди преклонного возраста, инвалиды и т.д.).

Уильям Беверидж, «главный архитектор» британского государства всеобщего благосостояния, выделил 5 основных социальных проблем: нищета и бедность, слабое здоровье, плохие жилищные условия, недостаточное образование и безработица³. В период после Второй мировой войны аналитики и исследователи

---

¹ Кучинский Ю. История условий труда в Германии / пер. с нем. и вступ. Б. Герцовича. М.: Изд. Иностранная литература, 1949.

² Кертман Л.Е., Рахшмир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков. (На путях к общему кризису капитализма). М.: Высшая школа, 1984; Дидерикс Г.А., Линдбланд И.Т. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы в XV до 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 1998; Кучинский Ю. История положения рабочего класса при капитализме: Мировой обзор / пер. с нем. М.: Прогресс, 1970.

³ Social Insurance and Allied Services. Report by Sir William Beveridge. URL: <https://www.sochealth-co-uk.translate.google.com/translate?sl=en&tl=ru&hl=ru&pt=op,sc> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

вопросов социальной политики добавили к данным проблемам измерения, интерсекционально усилившие действие этих проблем – сексизм и расизм¹.

По У. Бевериджу, модель социальной политики – это «британская революционная попытка» порвать с наследием закона о бедных, нивелировать критические аспекты бисмарковой модели и заложить основы британского варианта государства всеобщего благосостояния (welfare state). В 1942 г. У. Беверидж предложил систему национального страхования, имевшую три особенности:

- система семейных пособий;
- создание и функционирование национальной службы здравоохранения;
- ликвидация безработицы и обеспечение полной занятости населения.

В последующие годы был принят ряд законов для внедрения данной модели². Поскольку социальные ожидания того, что государство должно эффективнее удовлетворять социально-экономические потребности граждан, возросли, реализовать модель удалось посредством принципов кейнсианской политики. Кейнсианский экономический подход предполагал интервенционистскую и регулируемую государственную модель социальной политики. Инклюзивное вмешательство государства и дальнейшее развитие системы социальной политики как системы социальных сервисов для всех групп граждан привело к возникновению моделей государств всеобщего благосостояния.

В середине XX в. теория социального государства развивается как теория государства всеобщего благосостояния.

---

¹ История женщин на Западе: в 5 т. Т. 5. Становление культурной идентичности в XX столетии / под ред Ф. Тебо, Ж. Дюби, М. Перро. СПб.: Алетейя, 2018.

² Закон о национальном страховании 1945 г., предусматривающий обязательные взносы сотрудников и пособия по безработице, смерти, болезни и пенсии; Закон о семейных пособиях, предусматривающий выплаты многодетным семьям; Закон о производственном травматизме 1946 г., предусматривающий поддержку людей, пострадавших на работе; Закон о национальной помощи 1948 г. для оказания помощи всем нуждающимся; Закон о национальном здравоохранении 1948 г. об организации всеобщей бесплатной для всех социальной системы здравоохранения. См.: Moroney R. The Family and the State. Considerations for Social Policy. London: Longman, 1976; Laybourn K. The Evolution of British Social Policy and The Welfare State. Keele University Press, 1995.

Исследователь Аса Бриггс в 1961 г. определила государство всеобщего благосостояния как социальное государство, которое регулирует рынок с целью¹:

- гарантирования отдельным лицам и семьям минимального дохода независимо от рыночной стоимости рабочей силы, места работы или имущества;
- предоставления возможностей группам граждан для преодоления социальных непредвиденных обстоятельств (например, болезни, старости и безработицы), которые ведут к индивидуальному и семейному кризису;
- обеспечения всем гражданам без различия статуса или класса социальных стандартов (образование, здравоохранение, культура и другие социальные сервисы) через работу социальных учреждений.

Начиная с 1950-х гг. в североамериканских и западноевропейских странах были реализованы практические вариации модели государства всеобщего благосостояния. Концепт welfare state предполагает симбиоз:

- элементов социально ориентированной рыночной экономики (свобода + госрегулирование) на основе синтеза монетаристской политики (главенство рынка, невмешательство государства, конкуренция) и патерналистской (доминирование государства как главного актора в сфере социальной политики) модели социальной политики;
- плюрализма всех форм собственности;
- системы трипартизма (социально-страховое партнерство сотрудников, работодателя, органов власти);
- прогрессивной системы налогообложения и налоговых льгот для незащищенных или приоритетных в поддержке слоев населения (например, освобождение от налогов одного из родителей многодетной семьи).

В целом государства всеобщего благосостояния – это те общества, в которых большая часть благосостояния граждан оплачивается за счет государства и обеспечивается непосредственно за счет органов власти различного уровня (федеральный и/или местный). Основой модели социальной политики в

---

¹ Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective // European Journal of Sociology. 1961. Vol. 2(2). P. 221–258.

государствах всеобщего благосостояния являются принципы равенства возможностей, справедливого распределения общественного богатства и социальных благ, а также принцип общественной ответственности за тех, кто не в состоянии самостоятельно обеспечивать себя социальными сервисами в тот или иной период жизненного цикла. При этом в государстве всеобщего благосостояния сочетаются возможности получения государственных социальных сервисов (например, в форме здравоохранения, образовательных программ, пенсии по старости и т.д.) и других форматов социальных сервисов и социальной помощи в частном предпринимательском секторе как через схемы страхования и через благотворительные учреждения, так и через добровольческие организации¹.

Наиболее известные типологии государств всеобщего благосостояния и моделей социальной политики в развитых странах предложены тремя зарубежными исследователями.

Ричард Титмус (Великобритания) выделил модель остаточного благосостояния (Residual Welfare), модель индустриального благосостояния (Industrial achievement/performance Welfare), модель институционального благосостояния (Institutional Welfare)². Согласно первой модели социальной политики, которую автор называл либеральной, потребности граждан могут быть удовлетворены только по двум каналам: рынок и семья. Если эти социальные институты не работают, то социальная политика реализуется через благотворительные и общественные организации. То есть социальное обеспечение временно получают только наиболее нуждающиеся граждане. Задача государства в этой модели – научить граждан самостоятельно решать свои социальные проблемы.

Вторая модель социальной политики основана на производственных достижениях (консервативная, или компаративистская модель) и включает систему

---

¹ Павлов В.С. Социальная политика западноевропейских государств в рыночной экономике // Вестник Нижегородского университета. 2008. № 6. С. 165–170; Дэли М., Льюис Дж. Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // SPERO. 2014. № 19. С. 117–136.

² Titmuss R.M. *Essays on the Welfare State*. London: Allen and Unwin, 1963.

солидарного социального страхования как основной канал получения социальных благ. То есть социальные потребности гражданина реализуются за счет его производительности труда и количества его социальных взносов в государственные страховые системы (так называемая модель служанки экономики).

Третья модель институционального благосостояния рассматривает социальное обеспечение как социальный институт, предоставляющий универсальные социальные услуги всем гражданам в зависимости от потребностей. Частично эта модель основана на принципе социального равенства и системе перераспределения ресурсов между разными слоями населения, поэтому данная модель также известна как социалистическая, или распределительная модель.

Роберт Пинкер (Великобритания) в своих работах описал модель остаточного благосостояния (Residual welfare) и модель институционального благосостояния (Institutional welfare). В первой модели, согласно его типологии, социальная помощь из государственного бюджета предоставляется лишь нуждающимся гражданам, которых меньшинство, по остаточному принципу. Вторая модель предполагает распределение помощи и ресурсов между всеми гражданами, но при объективном дефиците ресурсов всегда будут граждане с неудовлетворенными социальными потребностями¹.

Третья, наиболее известная типология welfare state, была разработана шведским исследователем Гостой Эспинг-Андерсеном², который выделил три режима государства всеобщего благосостояния:

– консервативно-корпоративистский режим, ориентированный на активную социальную политику в отношении работающих граждан в зависимости от их индивидуального вклада в рынок труда и в систему социального страхования³ (Франция, Германия, Италия и др.);

---

¹ Pinker R. A. The Welfare State: A Comparative Perspective. London: Bookstall Publications, 1973.

² Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

³ Гутник В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии: монография. М.: Экономика, 2002.

– социал-демократический режим социальной политики, предполагающий обеспечение всех граждан государства всеми социальными благами на принципах социальной уверенности, солидарности, равенства, справедливости, универсальности и коллективности¹ (Финляндия, Швеция, Дания и др.);

– либеральный режим, наиболее близкий к моделям остаточного благосостояния, выделенным Р. Титмусом и Р. Пинкером.

В странах, реализующих последнюю модель социальной политики (США, Великобритания и др.), исследователи отмечают активный рост маркетизации государственных структур по предоставлению социальных услуг гражданам².

Отметим, что социальная политика в Великобритании и Швеции (несмотря на то, что страны иллюстрируют разные режимы welfare state) носит институциональный (распределительный) характер, но в Великобритании социальная поддержка бедных минимальна и отсутствуют программы сокращения бедности.

Социальная политика во Франции сочетает принципы институционального благосостояния с принципами солидарного корпоративизма, при этом проблемными остаются вопросы высоких пенсий из-за особых привилегий, предоставляемых определенным профессиональным группам, и высоких расходов за услуги здравоохранения, предоставляемые в основном на негосударственном рынке.

Как уже говорилось, немецкая экономика и система социального обеспечения развивались на основе корпоративистских принципов, разработанных Отто фон Бисмарком и включивших сеть существовавших ассоциаций взаимопомощи. Поэтому немецкая модель государства всеобщего благосостояния почти полностью ориентирована только на работающих граждан (и систему их социального страхования) и исключает социальную поддержку людей с высокими

---

¹ Антропов В.В. Шведская модель социальной защиты // Народонаселение. 2005. № 4. С. 122–129.

² Гонтмахер Е., Трубин В. Эволюция системы социальной поддержки населения // Общество и экономика. 2000. № 9-10. С. 30–69.

доходами. Принцип субсидиарности в Германии обозначает остаточный уровень государственного вмешательства в социальную политику.

Самой большой проблемой в социальной сфере США остается бедность и количество бедных людей, при этом государственные программы по борьбе с бедностью полностью отсутствуют. В США нет единой системы социального обеспечения на национальном уровне; социальные функции (например, социальная помощь нуждающимся, схемы здравоохранения, обязательное медицинское страхование и т.д.) реализуются на уровне штатов. Либеральный режим социальной политики сочетается с моделью остаточного благосостояния, но при этом реализуются программы государственного школьного образования, развита система социального страхования для военнослужащих и их семей, а крупные компании реализуют схемы корпоративной социальной поддержки своих работников. Такую мозаичность американской социальной политики исследователи называют дорогостоящим «децентрализованным социальным альтруизмом»¹.

Шведскую модель можно рассматривать как идеальный вариант реализации welfare state. Приверженность принципам социального равенства и принципам универсальных социальных минимумов для всех граждан позволяет реализовывать институциональное (перераспределительное) благосостояние. Таким образом, социальное обеспечение сочетается с эгалитаризмом в сфере социальных сервисов для граждан и не предполагает дифференциацию в зависимости от положения на рынке труда, как во французской и немецкой моделях социальной политики.

Бельгийская исследовательница А. Сапир дополнила типологию государств всеобщего благосостояния Г. Эспинг-Андерсона средиземноморской моделью, представленной Грецией, Италией, Португалией и Испанией, в которых «преобладают пенсионные выплаты, получатели государственных социальных пособий сегментированы по статусу, система социальной защиты направлена на

---

¹ Klass G. Explaining America and The Welfare State // British Journal of Political Science. 1985. № 15. P. 427–450.

поддержку молодых работников и вытеснение с рынка труда пожилых работников»¹.

Основным итогом развития моделей социальной политики в развитых странах к концу XX в. можно назвать разрыв связки социальной политики и сферы труда. Постиндустриальная экономика позволила создать достаточное количество благ, чтобы в поле реципиентов социальных услуг и социальных сервисов оказались включены неработающие группы или временно находящиеся вне трудовой занятости (женщины с маленькими детьми, молодежь, инвалиды, пенсионеры и т.д.).

Режимы государства всеобщего благосостояния, возникшие в результате промышленной революции и индустриализации, а также системы инклюзивного вмешательства государства в сферу социальной политики на базе принципов кейнсианской экономики, на рубеже XX–XXI вв. были вынужденно реструктурированы в связи с началом «информационного века» и глобализационных процессов в последней четверти XX в. Кризис государства всеобщего благосостояния и постоянная дискуссия в публичной сфере о роли и степени государственного вмешательства в социальную политику заставили теоретиков и практиков погрузиться в новые поиски эффективной модели социальной политики. Еще одним фактором, оказавшим влияние на реструктуризацию системы социальной политики и содержания социальных пособий, структуры реципиентов социальных сервисов, стала пандемия COVID-19 в 2019–2022 гг.²

Рассматривая развитие социальной политики в исторической ретроспективе в XX в., мы согласимся с точкой зрения Е.С. Садовой, И.П. Цапенко и И.В. Гришина, которые определяют ее эволюцию как «транзит от государства

---

¹ Sapir A. Globalisation and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005). URL: <http://www.bruegel.org> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Влияние цифровизации и пандемии на модели социальной политики в современных государствах будут рассмотрены в следующем параграфе.

благополучия к государству справедливости, а затем – ответственности (от Бисмарка через Бевериджа к Гидденсу)»¹.

Раскрыв теоретические основания и практические модели реализации социальной политики в современных государствах, подходы российских и зарубежных исследователей мы разделили на две группы:

– социальная политика как комплекс минимальных мер (например, гарантированный государством минимальный уровень доходов граждан и различных социальных пособий и выплат)²;

– социальная политика как расширенный комплекс социальных услуг (в области образования, здравоохранения, семьи, детства, материнства, отцовства, труда и занятости, пенсионной сферы и других направлений социальной политики и социальной защиты населения)³ для всех социально-демографических групп населения.

Новый виток научного осмысления проблематики социального государства и моделей социальной политики был обусловлен разработкой антикризисных стратегий по решению социального и экономического коллапса в результате развития и устранения последствий пандемии. Системный (степень эффективности функционирования старой модели в новых кризисных условиях) и научный (поиск ответов на вопрос, как оказывать социальную помощь и поддержку всем группам граждан) кризисы позволили органам власти и исследователям выработать и предпринять новые инициативы (описанные ранее), показавшие свою продуктивность и адекватность при решении социальных и экономических проблем в условиях пандемии, глобализации и цифровизации современной жизни.

Несмотря на всю критику, государства всеобщего благосостояния по-прежнему с разной долей успешности реализуют социальную политику в текущий

---

¹ Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

² Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 11–28.

³ Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 29–44.

период. По прогнозам ученых, модели государства всеобщего благосостояния продолжат свое существование в новых формах и останутся классическим эффективным способом регулирования социальной политики в будущем.

Эволюция теоретических представлений о социальной политике тесно связана с реалиями, которые обусловлены трансформацией социальной структуры общества и рынка труда, ориентацией государства на приращение человеческого капитала как основного ресурса социально-экономической и политической модернизации стран, растущей дифференциацией социально уязвимых групп населения и их специфических потребностей. Основные объяснительные модели социальной политики концентрируются на определении роли государства в реализации социальных функций: от социально-защитных (социальной помощи тем, кто работает) через поддержку по остаточному принципу (помощь всем нуждающимся) к модели государства всеобщего благосостояния (социальная политика для всех граждан). На современном этапе развития происходит научное переосмысление роли социальной политики, согласно которому она приобретает характер публичной социальной политики посредством вовлечения всех субъектов (государство, работодатель, НКО и домохозяйства) в обеспечение социальной защиты, процесс предоставления социальных услуг и социальных сервисов, повышающих уровень социального благополучия всех граждан. Такая социальная политика становится преобразовательной, поскольку ориентирована на достижение трех основных целей:

- развитие благополучия граждан (определенный органами власти минимальный уровень жизни и создание возможностей саморазвития и самореализации граждан);

- создание социально-экономической системы перераспределения ресурсов от богатых к бедным для создания кумулятивного эффекта устойчивого экономического роста;

- определение экономических и неэкономических измерений результатов реализации социальных программ для развития человеческого капитала страны.

Современные государства, несмотря на разные практические подходы к выработке и реализации социальной политики, на рубеже десятилетий 2020-х гг. столкнулись с комплексом социальных вызовов, актуализирующих вопрос о пересмотре как научных представлений, так и практических моделей реализации социальной политики в мировом масштабе. Процессы цифровизации и вынужденного социального ответа всех субъектов социальной политики на развитие социально-экономического кризиса вследствие пандемии привели к ряду изменений в области моделей социальной политики в современных странах. Во-первых, структура и масштаб мер реагирования политики в ситуации пандемии COVID-19 сильно различаются от страны к стране, что частично отражает существующее наследие национальной политики в области социального обеспечения. Во-вторых, эти ответы основаны на неотъемлемой исторической тенденции, согласно которой государства всеобщего благосостояния работают на сохранение, а не бросают вызов основным институтам, на которых базируется капиталистическая рыночная экономика. В-третьих, социальная политика в период развертывания пандемии COVID-19, наоборот, по своей сути отличалась от политики жесткой экономии в период предыдущих экономических кризисов, что в некоторых странах даже усилило неравенство между хорошо защищенными основными работниками и аутсайдерами рынка труда.

1.2 Социальные вызовы цифровой эпохи

Социальная политика государства, проявляющаяся в реализации комплекса функций, обеспечивающих социальную защиту населения, а также создающих условия для социального благополучия граждан и развития человеческого капитала страны, претерпевает многосоставные изменения. Изменения имеют характер мировых трендов и определяются общественными и технологическими трансформациями современного общества. Появление новой социально-политической повестки (регулирование рынка труда и занятости в условиях

перехода к цифровой экономике, антикризисные меры в условиях пандемии COVID-19, увеличивающаяся нагрузка на систему здравоохранения, стремительный переход системы непрерывного образования в дистанционный формат, возрастание социального неравенства под воздействием цифрового и др.), которая обостряет традиционные проблемы социальной сферы (социальная защита населения, поддержка систем здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения, регулирования рынка труда и занятости, уровня безработицы и т.д.), требует выработки инновационных подходов к управлению социальным развитием и обеспечению социальной стабильности государства, что отражается в научном поиске современными учеными адекватных социальным реалиям объяснительных моделей.

Трансформация социальной сферы и социальной политики в современных государствах в XXI в. оценивается учеными как новая парадигма развития в условиях цивилизационных сдвигов¹. Цифровая революция как «синергетический драйвер» мирового общественного развития² проявляется в накоплении и обработке информации, ее структурировании и анализе, что создает условия для создания и тиражирования новых знаний, технологических инноваций, которые стремительно проникают во все сферы жизни общества. В хозяйственной деятельности внедрение информационно-коммуникативных технологий сопровождается также использованием кибернетических систем в бизнес-процессах, роботизацией производства, изменением бизнес-моделей и организационных структур³. С одной стороны, цифровизация способствует

---

¹ Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24–25.

² Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (6). С. 6–28.

³ Красильникова Ю. Манифест Четвертой промышленной революции. 21 января 2016. URL: [https://hightech.fm/2016/01/21/industrial_revolution_the4th_\(дата_обращения:_23.05.2022_г.\)](https://hightech.fm/2016/01/21/industrial_revolution_the4th_(дата_обращения:_23.05.2022_г.)); Palier B. Work, Social Protection and The Middle Classes: What Future in The digital Age? // International Social Security Review. 2019. Vol. 72(3). P. 113–133.

форсированному развитию цифровой экономики¹, с другой – влечет за собой серьезные социальные риски и издержки, формируя новые императивы для социального государства. Результаты компаративных исследований социальной политики показывают тесную связь между состоянием экономической эффективности и институциональными механизмами в управлении социальной сферой². В условиях нарастающего с 1990-х гг. кризиса политики всеобщих общественных благ, который обусловил изменение приоритетов государств в отношении параметров (объемы финансирования, целевые группы населения, механизмы обеспечения социального благополучия и защиты) социальных расходов, пандемия COVID-19 обнажила все накопившиеся социальные противоречия и риски, в том числе вызванные глобальной цифровизацией общества. По мнению экспертного сообщества, цифровая экономика оказывает принципиальное влияние, прежде всего, на сферу труда и занятости, институты образования и здравоохранения, которые способствуют формированию человеческого капитала, адекватному инновационному технологическому скачку³.

Ядром цифровой экономики являются промышленные предприятия с производством высокотехнологической продукции, что составляет лишь 16% мирового ВВП⁴. Остальные инновации «Индустрии 4.0» концентрируются преимущественно в сфере услуг, в которых «претерпевают не способы оказания услуг, а их содержание (характер труда)... механизмы организации рабочей

---

¹ Холоденко Ю.А. Социальные риски цифровой революции: фактор глобализации // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 9. С. 88–93.

² Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

³ Зенков А.Р., Удовенко И.П. Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4. С. 7–19.

⁴ Четвертая промышленная революция: целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. Информационный документ. Всемирный экономический форум, Женева, 2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_A7B5D182B5D180D182B0D18F_BF_D180BEBCD18B88BBB5BD0BD0B0D18F20D180B5B2BE0BBD18E86B8D18F.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

силы»¹. В условиях цифровизации происходит не только трансформация структуры занятости, связанной с появлением новых профессий, сменой вертикальной трудовой мобильности на горизонтальную, но и изменение социальной структуры общества. Трудовая занятость в высокотехнологичной экономике сокращается за счет автоматизации и роботизации производственных процессов, использования интеллектуальных информационных систем в организации бизнеса. При этом рост производительности труда обеспечивается за счет постоянного совершенствования профессиональной подготовки, развития надпрофессиональных навыков и личностного развития, что требует от индивида постоянных образовательных инвестиций для того, чтобы быть конкурентноспособным и сохранить свой статус. Освобождающиеся трудовые ресурсы становятся востребованными в сфере услуг, осуществляемых на базе краудворкинговых платформах (работы по запросу), переходя на поденную заработную плату на новом технологическом уровне. По мнению исследователей, такое изменение рынка труда, с одной стороны, разрушает сложившиеся механизмы социальной защиты, основанные преимущественно на социальной ответственности работодателей и страховых взносов, с другой – обуславливает трансформацию института непрерывного образования в двухполюсную модель. Данная модель включает:

1) элитарное качественное образование, обеспечивающее выпускникам преодоление входного барьера в сферу квалифицированного труда и постоянную занятость в высокотехнологичных отраслях экономики в соответствии повышающимся уровнем запросов работодателей²;

2) систему переобучения в течение всей жизни (включая практики неформального образования), но не профессии, а наборам компетенций для платформенной занятости³ или неустойчивой занятости.

---

¹ Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24–34.

² Зенков А.Р., Удовенко И.П. Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 7–19.

³ Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 21–22.

Цифровая трансформация экономики, влияя на рынок труда, структуру занятости населения, механизмы профессиональной социализации, порождает серьезные социальные риски¹ в связи с цифровым неравенством, повышает уровень фактической сегрегации в обществе. Наложение цифровизации на существующее в современных государствах социальное неравенство создает условия для исключения разных сообществ из цифровых процессов, проникающих и определяющих вектор преобразований в экономической, социальной, политической сферах. Цифровое неравенство, обозначенное в Программе развития ООН еще в 1997 г. как результат информатизации общества, связано с появлением цифровых разрывов в обществе и является новым измерением бедности, характеризующимся отсутствием или ограничением доступа широких слоев населения к Интернету и информационно-коммуникативным технологиям².

Сегодня цифровое неравенство стало для современных стран комплексной социальной проблемой, которая приобрела многосоставные измерения в отношении включенных и исключенных групп населения к цифровым технологиям: между жителями разных государств, отличающихся уровнем социально-экономического и технологического развития; населением мегаполисов, крупных городов и сельских территорий; молодым и старшим поколениями; здоровыми людьми и лицами с ограниченными возможностями³.

Цифровое неравенство в зарубежном научном дискурсе, а затем и в практике европейских государств неразрывно связано с понятием «цифровая инклюзия» (*digital inclusion*). Цифровая инклюзия отражает результаты включения человека в реалии цифрового общества. Различают три ее уровня: уровень доступа к Интернету (технологический компонент); уровень освоения цифровых компетенций гражданами и личной мотивацией пользователей (различия в навыках

---

¹ Стрижов С.А. Барьеры и риски цифровой экономики // Управление экономическими системами. 2018. № 12 (118). С. 86–95.

² Бондаренко С. Цифровое неравенство // Наука и жизнь. 2001. № 6. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6053/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ Al-Muwil A., Weerakkody V., El-haddadeh R., Dwivedi Y. Balancing Digital-By-Default with Inclusion: A Study of the Factors Influencing E-Inclusion in the UK // Information Systems Frontiers. 2019. № 21. P. 635–659.

онлайн-пользователей); уровень эффективности и результативности использования цифровых технологий для различных целей граждан (приобретаемые выгоды и результаты, получаемые пользователями в профессиональной, социальной, экономической, культурной и политической сферах деятельности)¹. Для стран цифрового лидерства (страны Европейского союза, США, Австралия, Великобритания, Канада, Австралия, Япония, Корея, Индия, Китай²) политика по преодолению цифрового неравенства стала зонтичной стратегией преодоления социальных рисков, вызванных цифровизацией общества и изменением социального ландшафта.

По мнению Э. Хелспер, инициативы успешной цифровой инклюзии в современных государствах начинаются и заканчиваются видимыми результатами, потому что концентрируются на решении проблем, возникающих в реальной жизни «онлайн исключенных» групп³. Цифровые навыки приобретают важное значение в практической деятельности граждан, когда становятся очевидными преимущества и выгоды от использования информационно-коммуникативных технологий в повседневных практиках⁴.

Социальные противоречия и риски, вызванные цифровым неравенством, цифровой трансформацией экономики, рынка труда и структуры занятости населения, а также систем непрерывного образования и здравоохранения, обострились в условиях пандемии COVID-19. В короткий период 2021 г. большинство стран было вынуждено выработать комплекс государственных мер карантинного и ограничительного характера. Это обусловило стремительный переход к дистанционному режиму работы большинства занятых в различных отраслях экономики и социальной сферы и дистанционному обучению

---

¹ Van Deursen A.J.A.M., Helsper E., Eynon R., van Dijk J.A.G.M. The Compoundness and Sequentiality of Digital Inequality // *International Journal of Communication*. 2017. № 11. P. 452–473.

² Digital Around the World in 2020. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ Helsper E., van Deursen A. J.A.M. Digital Skills in Europe: Research and Policy // *Digital Divides* / ed. by K. Andreasson. Boca Raton: CRC Press, Taylor & Francis Group, 2015.

⁴ Плотицкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 4. С. 70–83.

организаций и учреждений в системе непрерывного образования, сокращение предприятий малого и среднего бизнеса, деятельности индивидуальных предпринимателей, перевод большинства услуг на платформенный формат¹.

Пандемия коронавируса также существенно повлияла на системы здравоохранения всех государств², обнажив ряд проблем, к числу которых относятся:

– дефицит медицинских кадров, повышение стабильности их занятости, комфортные и безопасные условия труда, их социальная защищенность в контексте обеспечения устойчивости системы здравоохранения и обеспечения общественной безопасности;

– сокращение государственных и муниципальных медицинских учреждений за счет «приватизации» сферы здравоохранения коммерческими структурами; перегрузка медицины государственного сектора в связи с экспонентным ростом заболеваемости;

– увеличение предоставляемых медицинских услуг на коммерческой основе и нахождение баланса между государственным и частным секторами в условиях сокращения доходов населения, роста уровня безработицы, сокращения занятости в малом и среднем бизнесе³.

В цифровом аспекте проблемы здравоохранения в период пандемии актуализировали потребности граждан в цифровом доступе к медицинским услугам, в понятной и достоверной информации о заболевании, мерах его диагностики, профилактики и лечения в так называемой модели совместного

---

¹ Социальный бюллетень Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/social/social.2020.3.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.)

² Квашнин Ю.Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 94–104.

³ Отраслевая справка МОТ: Кризис COVID-19 и сектор здравоохранения. Международная организация труда. 11 апреля 2020 г. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_747870.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.); Говорова Н.В. Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19 // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С.75–87.

производства¹, когда в условиях ограничительных мер и ресурсов для непосредственной консультации врача в медучреждении пациенты могут воспользоваться онлайн-консультациями и др.

Рассматривая модели социальной политики в современных государствах и интерпретируя социальные риски, выделенные Ульрихом Беком², можно выделить следующие социальные вызовы цифровой эпохи, влияющие на развитие государственной социальной политики:

- гражданство как «переменный фактор»: современные страны сталкиваются с тем, что гражданство все больше рассматривается как «личный выбор». Граждане могут сами выбирать где жить и на протяжении жизни такой выбор можно сделать не единожды, поэтому правительства вынуждены вступать в «гонку за граждан». Выбор индивидом гражданства обусловлен балансом: граждане платят налоги, работают и несут военную службу; взамен они хотят получать права, социальные сервисы и обеспеченный уровень жизни;

- перераспределение богатства и социальная справедливость: несмотря на XXI в. вопросы равенства возможностей и равенства результата стоят в публичной повестке дня не только развитых, но и развивающихся стран. Как показывают опросы населения в разных странах, уровень доверия граждан власти в 2021 г. сильно упал³ из-за отсутствие четких структур и эффективных мер реагирования на развернувшуюся в 2020 г. короновирусную пандемию.

- этнические и религиозные разрывы свойственны не всем государствам, в современный период данные разрывы, а также вызванный ими кризис идентичности и насилие им порожденное являются основным социальным вызовом для такого государства как Афганистан. В результате прихода к власти талибов в афганистанском обществе наблюдаются значительные барьеры для

---

¹ Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24–34.

² Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

³ 2021 Edelman Trust Barometer fieldwork. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

инклюзивного государственного строительства и резкий деструктивно-патриархатный откат в государственной социальной политике, особенно в сферах культуры, образования и здравоохранения для женщин и девочек;

- последствия пандемии COVID-19 (о которых было написано выше в данном параграфе): пока можно только прогнозировать их дальнейшее дискретное воздействие на социально-экономическую политику в разных государствах;

- старение населения и сокращение «трудовой жизни»: данный социальный вызов можно назвать перманентным эффектом цифровой эпохи и стабильной характеристикой уровня развития социально-экономического благосостояния развитых стран. Комбинация более долгого срока жизни в сочетании с более быстрым обретением новых знаний и навыков, которые также быстро устаревают, требует внедрения программ «обучения сквозь всю жизнь».

Решение перечисленных социальных вызовов осложняются, во-первых, технологическими вызовами, связанными с вооружением, государственной и национальной безопасностью. Во-вторых, экологическими вызовами, порожденными изменениями климата, так как последствия стихийных бедствий, засух, ураганов, землетрясений невозможно просчитать, предупредить и решить силами одной страны.

Таблица 1 – Социальные вызовы цифровой эпохи с учетом контекстных кризисов

Контекстные кризисы цифровой эпохи	Пандемия COVID-19
	Миграционный кризис
	Цифровое неравенство
«Старые» социальные вызовы	Перераспределение богатства и социальная справедливость
Новые социальные вызовы	Гражданство как «переменный фактор»
	Последствия пандемии COVID-19

Социальные вызовы, связанные с демографическими проблемами	Старение населения и дефицит труда в развитых государствах, высокая рождаемость и трудоизбыточность в развивающихся странах
Социальные вызовы, связанные с социальными размежеваниями	Этнические, расовые, религиозные и территориальные разрывы в «разделенных обществах»

Наряду с глобальными вызовами, такими как пандемия или миграционный кризис, существуют вызовы на уровне страны, региона или локального сообщества.

Наиболее распространёнными видами вызовов на национальном уровне вступают межрегиональные диспропорции социально-экономического развития. Они приводят к замедлению развития, снижению качества жизни, обеднению человеческого и социального капитала и повышению спроса на популистские политические лозунги и программы. Вклад различных регионов в общероссийский ВРП различается более чем в 28 раз. ВРП на душу населения в Тюменской и Сахалинской областях сравним с показателями Сингапура и Нидерландов, а аналогичный показатель Ингушетии и Карачаево-Черкессии – с Конго и Гондурасом. Разрыв в среднедушевых доходах населения между регионами – в 4,5 раза¹.

Социально-экономические диспропорции характерны для многих государств постсоветского пространства. Например, в Казахстане плотность населения различается в 8,8 раза между максимальной и минимальной плотностью. Среднемесячная зарплата в Казахстане превысила 312 011 тенге (\$685) в 2022 году². При этом в 12 регионах республики среднемесячные зарплаты не дотягивают до среднереспубликанского уровня. Такой диспаритет зарплат в значительной

---

¹ Какие регионы вносят наибольший вклад в экономику РФ (ВВП). URL: <https://zen.ru/a/YjwsCc52NR9t7uh7> (дата обращения: 23.05.2022).

² Средняя зарплата выросла в РК. URL: <https://bizmedia.kz/2022/08/10/srednyaya-zarplata-vyroslo-v-rk/?ysclid=1f0u4g90du117530169> (дата обращения: 23.05.2022).

степени является следствием 9-кратной разницы в уровне социально-экономического развития регионов – это разница в ВРП на душу населения. Помимо разницы в ВРП существует разница в уровне обеспеченности основными благами. По сфере образования дисбаланс следующий: по обеспеченности населения детскими садами разница между максимальным и минимальным уровнем доходит до 3,5 раз, школами – 8 раз, вузами – 15 раз. По жилищным условиям: по центральному отоплению – 4 раза, центральным горячим водоснабжением – 9 раз, ванной или душем – 8 раз. Эксперты полагают, что такое положение сохранится и в ближайшие годы, поэтому можно безошибочно прогнозировать сохранение «коэффициента размаха» на очень высоком уровне.

Краснодарский край, один из самых динамично развивающихся, инвестиционно- и миграционно- привлекательных регионов РФ, заметно отстает от большинства субъектов РФ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов по числу студентов обучающихся по программам высшего образования. Так, в 2020-2021 учебном году на 10 тысяч населения в Ростовской области насчитывалось 316 студентов, в Республике Адыгея – 306, в г. Севастополь – 277, а в Краснодарском крае – 185¹. В «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на долгосрочный период»² отмечается, что с точки зрения глобальной конкурентоспособности край имеет системные проблемы в развитии человеческого капитала,

Учет этих вызовов особенно важен для разработки и осуществления социальной политики в гетерогенных социальных пространствах, отличающихся высоким уровнем этнического и конфессионального многообразия. В случае «наложения» вызовов развиваются кумулятивные эффекты и нарастает конфликтогенный потенциал.

---

¹ Ракачев В.Н., Морозова Е.В. Высшее образование как ресурс политики развития региона // Вестник РУДН. Серия Политология. 2022. № 4. С. 827-856.

² О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ (с изменениями на 27 декабря 2021 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 23.05.2022).

Таким образом, пандемия коронавируса, по единодушному мнению экспертов, стала мощнейшей встряской, которая, как лакмусовая бумажка, выявила системообразующие проблемы и противоречия социальной политики и спровоцировала рост социальной напряженности в обществе¹. Цифровизация и ее форсирование в период пандемии коронавируса привели к тому, что прежние социальные институты перестали быть адекватными существующим социальным реалиям, эффективно отвечать на глобальные и национальные вызовы. Социальные вызовы цифровой эпохи имеют многосоставный и многоуровневый характер, они актуализируются практически во всех отраслях социальной сферы (образовании, здравоохранении, сфере труда, социальной защите) и на всех уровнях публичного управления – от глобального до локального. Достигшие пределов своего совершенствования еще в 1990-х гг. модели и институты социальной политики требуют кардинальной перестройки², оценки рисков и ресурсов социального развития, а также проектирования стратегических решений и институциональных механизмов в сфере социальной политики с учетом цифровой революции.

1.3 Трансформация социальной политики в условиях цифровизации: сетевые компоненты и ресурсы развития

В междисциплинарном научном ракурсе остается открытым вопрос о содержании и институциональных компонентах новой парадигмы социальной политики, объясняющей кризис ее развития в условиях глобальных, национальных и региональных социальных вызовов. Однако существуют различные объяснительные конструкции и теоретические модели, объясняющие точки роста инноваций в социальной политике, появившиеся в практике современных

---

¹ Синявская О.В. Пандемия коронавируса: ключ к решению или катализатор социальных проблем? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pandemiya-koronavirusa-klyuch-ili-katalizator/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 21–22.

государств и предвещающие качественные изменения. Эксперты Научно-исследовательского института социального развития ООН, проанализировав современные социальные реформы, выделили ряд ключевых приоритетов и инструментов социальной политики, которые дают наибольшие результаты¹.

Во-первых, наиболее действенной стратегией социальной политики с усилением трансформации рынка труда и снижением гарантий труда является универсализация социальной политики, согласно которой ни одна из категорий граждан не должна исключаться из приоритетов социального развития и социальной защиты. Этому способствует создание социальных и политических институтов, которые переводят общественную социальную повестку в политическую, тем самым обеспечивая инклюзивность и демократичности социальной политики. Во-вторых, успешность социальной политики определяется степенью ее интеграции с другими политиками, прежде всего экономической, экологической и политикой по преодолению цифрового неравенства, когда институты и инструменты развития человеческого капитала и меры социальной защиты имеют сквозной характер, что обеспечивается многосторонним партнерством различных субъектов (государственных, разнообразных структур коммерческого и гражданского секторов). В-третьих, преобразующий потенциал социальных реформ может быть реализован только при эффективных механизмах значимого общественного участия, что обеспечивает согласование интересов между заинтересованными сторонами, участвующими в выработке и реализации социальной политики, а также открытой и прозрачной системы ее публичной оценки. Такой подход позволяет проектировать и реализовывать на уровне государственного управления преобразовательную социальную политику, которая включает не только комплекс защитных мер, но и создает условия для развития человеческого капитала и общественных ресурсов страны.

---

¹ Policy Innovations for Transformative Change. United Nations Research Institute for Social Development. 2017. P. 59–86. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210601023c005#:~:text=Innovations%20in%20social%20policy%20that,development%3B%20more%20inclusive%20forms%20of> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

Выявленные ключевые вызовы, тренды и инновации в сфере социальной политики, а также сформулированный экспертами подход преобразующей социальной политики, находят свое объяснение в предметном поле сетевых исследований в публичной политике и управлении, которые актуализируют сетевые ресурсы и сетевые механизмы выработки и реализации публичных решений в различных отраслях государственной политики¹. На современном этапе в изменяющихся социально-экономических, политических, социокультурных условиях формирование и реализация социальной политики в современных государствах происходит во взаимодействии разнообразных политических и социальных акторов, заинтересованных в решении публичных проблем. Социальная политика, характеризующаяся сложностью и многосоставностью публичных проблем, многоальтернативностью вариантов их решений с учетом специфики и взаимосвязи с другими видами отраслевых политик государства, затрагивает интересы большинства социальных общностей и групп, что определяет многосоставность акторов (государства и политических партий, структур коммерческого сектора и гражданского общества), участвующих в ее выработке, и фрагментарность публичных интересов, требующих их согласования. В данном контексте государство от доминирующего субъекта социальной политики, определяющего институциональные и процессуальные компоненты в выработке стратегических решений в социальной сфере, становится координирующим, а государственная политика приобретает характер открытой и публичной.

Цифровизация и последствия пандемии коронавируса способствовали усилению взаимного проникновения государства и публичной сферы как пространства обсуждения общественно значимых проблем и формирования

---

¹ Kooiman J. Social-Political Governance: Introduction // *Modern Governance. New Government – Society Interactions*. London: Sage, 1993. P. 1–6; Kooiman J. *Governing as Governance*. London: Sage Publications, 2003; Pierre J. *Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2000; Pierre J., Peters B. *Guy Governance, Politics and the State*. London: Macmillan Press, 2000; Hirst P. *Democracy and Governance // Debating Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 13–35; Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M. *Public Management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management*. 2000. Vol. 2, № 2. P. 135–158.

суждений о них¹. Социальная политика в условиях технологических и общественных трансформаций приобретает характеристики публичной, что определяется несколькими факторами. Во-первых, сложность угроз, исходящих от публичной сферы (пандемии и социальные эпидемии, технологические и экологические катастрофы, цифровизация, усиливающая цифровые разрывы и социальное неравенство, влияющие на качество жизни населения, научные открытия в области генетики и биологии, появление новых девиантных социальных общностей, пропагандирующих нетрадиционные форматы образа жизни и т.д.), требует согласования интересов заинтересованных акторов, которые в области социальной политики должны представлять не только уязвимые категории населения, но и все группы населения с учетом специфики их социальных проблем. Во-вторых, современные государства все чаще осуществляют поиск мобилизационных ресурсов для решения проблем в социальной сфере, в которой концентрируются интересы и ресурсы негосударственных акторов, включая самих граждан с их «индивидуальной социальной ответственностью». В-третьих, публичная сфера как «агрегатор» интересов различных групп общественности, получающих большинство общественных благ, в итоге становится ресурсом для производства легитимности государства и его конкурентоспособности.

Взаимное проникновение государства и публичной сферы определяет не только публичный, но и сетевой характер выработки социальной политики, что характеризуется двумя ключевыми моментами. С одной стороны, социальные акторы, реализующие свои субъектные функции в выработке социальной политики и являющиеся одновременно потребителями общественных благ, все чаще имеют сетевую структуру. С другой стороны, многоакторный состав социальной политики требует от государства реализации функции координации и интеграции потребностей и интересов всех заинтересованных сторон в систему публичного

---

¹ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt a/M, 1995; Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.

управления. В данном случае речь идет о сетевых механизмах координации в обеспечении сотрудничества по достижении поставленных целей в решении публичных проблем, или сетевом управлении¹.

При сетевом управлении государство становится проектировщиком сетевых структур и сетевых механизмов взаимодействия с государственными и негосударственными акторами социальной политики для эффективного решения специфических задач, создавая для этого определенные институциональные условия. В политической науке функциональные возможности такого управления сетевыми практиками в сфере публичной политики нашли отражение в концепции метауправления («governance of governance»)². Особенности метауправления позволяют учитывать специфику реализации задач в сфере социальной политики на разных ее уровнях (национальном, региональном, локальном) в различных институциональных конфигурациях (традиционные иерархии, рынок с передачей функций коммерческим или некоммерческим структурам, сети сотрудничества и партнерства) или их взаимной интеграции в виде гетерархических форм³. Технологические характеристики метауправления основываются на сетевом менеджменте, который предполагает определение дизайна сетевой структуры или сетевых коммуникаций (институциональные условия и организационные формы; менеджмент согласования интересов сетевых акторов, порядка интеграции и использования ресурсов, коммуникаций и др.) для достижения конкретных целей⁴.

---

¹ См.: Михайлова О.В. Оценка эффективности сетевого взаимодействия в государственном управлении: возможности и вызовы // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021. Российская Ассоциация политической науки; Томский государственный университет. Томск, 2021. С. 88–102; Михайлова О.В. Сети в современном государственном управлении...

² Kooiman J. *Modern Governance: New Government-society Interactions*. London: Sage, 1993.

³ Kooiman J. *Modern Governance: New Government-society Interactions*. London: Sage, 1993; Kooiman J., Jentoft D. *Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices* // *Public Administration*. 2009. Vol. 87. P. 818–836; Jessop B. *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press, 2002.

⁴ Sorensen E., Torfing J. *The Democratic Anchorage of Governance Networks* // *Scandinavian Political Studies*. 2005. Vol. 28, № 3. P. 195–218; Goldsmith S. Eggers W.D. *Governing by Network – The New Shape of the Public Sector*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004; Termeer C.J.A.M., Koppenjan J.F.M. *Managing Perceptions in Networks* // *Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector* / ed. by W.J.M. Kickert, E.-H. Klijn, J.F.M. Koppenjan. London: Sage, 1997.

Использование принципов и институциональных форм сетевого управления в практике современных государств делает социальную политику более чувствительной к изменяющимся социальным проблемам граждан и их представлениям о социальном благополучии, что обеспечивает социально-политическую стабильность в стране. Согласованность и многостороннее сотрудничество разнообразных акторов социальной политики в парадигме сетевого управления позволяет успешно сопоставлять политические приоритеты в социальной сфере с их реализацией в определенном контексте¹.

Идеи сетевого управления и сотрудничества применительно к управлению социальной сферой государства тесно интегрируются с концептуальными основаниями системы «смешанного благосостояния» (welfare mix), согласно которой государство утрачивает монополию на функции производителя общественных благ, приобретая статус их заказчика другим субъектам социальной политики (коммерческих структур, некоммерческих организаций, граждан в виде индивидуальной социальной ответственности)². Активное участие заинтересованных сторон коммерческого и гражданского сектора в решении социальных задач, с одной стороны, снижает финансовую нагрузку с государства, постоянно находящегося в условиях бюджетных ограничений, с другой – обеспечивает синергетический эффект от интеграции использования ресурсов стейкхолдеров, который проявляется не только в повышении качества предоставляемых общественных благ и социальных услуг, но и в производстве инноваций как новых способов решения социальных проблем, обеспечивающих социальное благополучие граждан и развитие человеческого капитала. И.И. Краснопольская, И.В. Мерсиянова оценивают характеристики системы

---

¹ Grindle M.S. Social Policy in Development: Coherence and Cooperation in the Real World. CID Working Paper. 2010. № 203. October. URL: <https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/203.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Abrahamson P. Welfare Pluralism: Towards a New Consensus for a European Social Policy? // Current Politics and Economics of Europe. 1995. Vol. 5, № 1. P. 29–42; Evers A. Part of the Welfare Mix: The Third Sector as an Intermediate Area // Voluntas. 1995. Vol. 6, № 2. P. 159–182; Donati P. Towards an Integrated and Synergized Social Policy. Concepts and Strategies // Innovation in Social Science Research. 1992. № 5. P. 97–107.

смешанного благосостояния как «управление без управления», подразумевая масштаб перераспределения задач и функций государственного управления социальной сферой среди обозначенных акторов¹, что соответствует принципам сетевого управления. При сетевом управлении социальной сферой государство не только определяет политические приоритеты, задачи совместной деятельности органов власти различного уровня, коммерческих структур и некоммерческих организаций², но и создает нормативное пространство в виде законодательства для стимулирования гражданского участия, развития организаций некоммерческого сектора и социальных инноваций. Поэтому одной из ключевых составляющих сетевого управления социальной политикой становятся ресурсы самоорганизации граждан, их конструктивная, а не протестная включенность в решение социальных проблем, формирующая основания для индивидуальной и коллективной ответственности за достижение определенных стандартов качества жизни, успешной самореализации в различных сферах.

Представленные концептуальные основания сетевого управления в социальной сфере позволяют определить параметры новой модели политики на уровне политико-управленческих механизмов без учета их цифровизации. За пределами исследовательской оптики новой модели социальной политики остаются параметры включенности граждан в определение приоритетов в социально-политической повестке, общественного запроса на решение конкретных социальных проблем, сетевых механизмов формирования солидарных связей в практиках повседневности, сетевые ресурсы мобилизации и интеграции граждан в инновационные социальные практики. Данные практики прочно вошли в пространство политики повседневности граждан в социальной сфере и связаны с сетевизацией общества. Согласно теории М. Кастельса, сетевое общество как результат цифровизации или проникновения информационно-коммуникативных

---

¹ Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 29–52.

² Donati P. Towards an Integrated and Synergized Social Policy. Concepts and Strategies // Innovation in Social Science Research. 1995. №. 5. P. 97–107.

технологий во все сферы общественной жизни формирует новую логику социетальных изменений, в которых ключевое значение приобретают сетевые коммуникации, сетевые ресурсы и сетевые структуры, интегрированные в единое глобальное информационно-коммуникативное пространство¹. Сетевое общество становится обществом непредсказуемых изменений² и рисков³, которое обуславливает выработку новых когнитивных конструкций для их понимания. Сетевизация политики под воздействием информационно-коммуникативных технологий также приобретает необратимые качественные изменения, которые характеризуются такими параметрами публичной политики, как:

– расширение и усложнение пространства публичной политики за счет интеграции реальной сферы с онлайн-средой, с развитой технологической инфраструктурой сетевых и цифровых сервисов;

– формирование коммуникативной власти как результата конструирования социально-политическими акторами (от институционализированных субъектов до отдельных граждан) дискурсивными практиками публичных пространств в виде репрезентации себя и других, существующих проблем и альтернатив их решения;

– сетевая трансформация гражданского общества, в результате которой проявляются гибридные политические субъекты (политические партии, некоммерческие организации 2.0, новые социальные движения) и сетевые акторы политики (сетевые онлайн-сообщества различной направленности: от дискурсивных до деятельностных, гражданские журналисты и др.);

– сетевая трансформация публичного управления с внедрением цифровых технологий (от функционирования порталов и информационных автоматизированных систем в системе государственного управления до создания государств-платформ)⁴.

---

¹ Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.

² Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁴ Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.

Осмысление результатов сетевизации публичной политики, влияющих на выработку и реализацию отраслевых государственных политик, нашло свое отражение в концепте сетевой публичной политики. Согласно определению И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой¹, данный вид политики «разворачивается в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве и представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику». Ее положения продуктивны для разработки актуальной для современной политической науки объяснительной модели социальной политики, учитывающей изменения, как в социальном ландшафте, так и в особенностях выработки и реализации политики в новых технологических и общественных реалиях, обусловленных процессами сетевизации и цифровизации общества. Ключевыми характеристиками данной объяснительной модели являются:

– структурные компоненты социальной политики, представляющие собой субъекты политики и сетевые ресурсы актуализации и развития как субъектов, так и сетевых структур, их объединяющих;

– процессуальные компоненты в виде этапов цифровой эволюции, характеризующие уровень включенности субъектов социальной политики и ее благополучателей в цифровое пространство;

– технологические компоненты как конкретные цифровые технологии, способствующие эффективной деятельности субъектов, реализации инструментов социальной политики, получению гражданами социальных услуг и общественных благ, успешному развитию человеческого и социального капитала.

Основаниями для дифференциации структурных и технологических компонентов объяснительной модели современной социальной политики служат

---

¹ Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика: контуры проблемного поля // Полис: Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102.

этапы цифровой эволюции – сетевизации и цифровой трансформации¹. Этап сетевизации характеризуется появлением и распространением нового типа сетевых коммуникаций и сетевых структур, которые базируются на цифровых технологиях web 2.0 и web 3.0 (сетевые платформы, облачные сервисы). Сетевизация способствует появлению разнообразных сетевых сообществ и сетевых социальных движений, которые участвуют в формировании новой социально-политической повестки, приближенной к интересам и проблемам конкретных социальных групп, исключенных из приоритетов реализуемой социальной политики государства. Конструктивный потенциал субъектности новых субъектов социальной политики заключается в сетевых ресурсах, среди которых:

– дискурсивный сетевой ресурс как результат обсуждения сетевым сообществом конкретной социальной проблемы, содержание и причины возникновения которой были непрозрачны для органов власти, осуществляющих управление в данном сегменте социальной сферы;

– сетевой ресурс онлайн-солидарности, который проявляется не только в общности интересов и проблем, но и в готовности участников сетевого онлайн-сообщества осуществлять взаимопомощь в решении социальных проблем в повседневных практиках с опорой на собственные силы, не рассчитывая на содействие государства или других негосударственных субъектов;

– мобилизационный сетевой ресурс, имеющий защитный или антикризисный характер и предполагающий выход представителей субъектов субъектов (сетевых онлайн-сообществ, новых социальных движений, гражданских журналистов) в офлайн для протестных акций или осуществления антикризисных мероприятий;

---

¹ Кулькова В.Ю. Цифровая эволюция социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях COVID-19 // *Общественные науки и современность*. 2021. № 3. С. 88–100; Малышева Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 3. С. 60–74; Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // *Социологические исследования*. 2019. № 2. С. 78–87.

– ресурс межсекторного партнерства как объединение широкого круга участников на основе механизмов межсекторного партнерства и решения социально значимых проблем;

– ресурс технологических сервисов и платформ для выработки способов решения общественно значимых проблем и/ или их реализации на практике различными субъектами социальной политики, а также предоставления государством социальных услуг гражданам в цифровом формате;

– ресурс доступа к цифровой инфраструктуре, обеспечивающий включенность доступ к технологическим сервисам и платформам различных субъектов социальной политики и граждан;

– технологический ресурс экосистемы публичного управления социальной сферой, который способствуют предоставлению социальных услуг гражданам и осуществления сетевого взаимодействия различных субъектов социальной политики на государственных платформах;

– ресурс цифровой включенности (инфраструктура, навыки и возможности) различных субъектов социальной политики и ее благополучателей, который способствует увеличению доли граждан, получающих социальные услуги социальную помощь в цифровом формате; повышению уровня цифровой грамотности населения; преодолению межрегиональных и поселенческих диспропорций в социальном развитии и качестве жизни граждан.

Функциональные возможности в осуществлении деятельности субъектов социальной политики расширяются посредством таких цифровых сервисов государства, как электронное правительство и электронное правление. Электронное правительство, основанное на базовых цифровых технологиях сетевой коммуникации web 2.0, обеспечивает: информационную открытость и доступность органов власти, размещая информацию о деятельности на официальных электронных ресурсах; предоставление государственных услуг в онлайн-формате на базе единого цифрового сервиса; обратную связь с гражданами

по ключевым направлениям реализации социальной политики¹. Цифровые технологии электронного правления, нацеленные на преодоление главного недостатка функционирующих систем электронного правительства (односторонние сетевые коммуникации с гражданами-потребителями), позволяют интегрировать систему электронного правительства в структуру сетевых платформ и сервисов web 3.0 в виде официальных паблик органов власти и чиновников в социальных сетях-онлайн, проектирования и использования для выявления и решения проблем гражданами краудсорсинговых ресурсов².

Этап цифровой трансформации представляет собой комплексную интеграцию цифровых технологий разного поколения, включая web 4.0 (искусственный интеллект и big data) в деятельность конкретных субъектов, которая влечет за собой: преобразование продуктов и услуг, перевод части из них в цифровые аналоги; переформатирование организационных структур и стратегий субъектов с учетом их позиционирования и развития в цифровой среде; взаимодействие со стейкхолдерами организации, потребителями услуг в рамках платформенных решений³. Важно, что цифровая трансформация, в отличие от сетевизации, которая определяет новый состав игроков в социальной политике и ресурсный потенциал для ее развития, изменяет управленческие подходы и технологические решения. Управленческий подход, обеспечивающий при реализации государственных политик межсекторальное сотрудничество и совместную с гражданами выработку решений, реализуется через

---

¹ Кулик А.Т. «Электронное государство» как вызов для отечественной политической науки // Управление государством: проблемы и тенденции развития. Политическая наука: ежегодник. 2007 / гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008; Трахтенберг А.Д. Традиционные тактики взаимодействия с властью и готовность к электронному правительству // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. Т. 7, № 3. С. 57; Bellamy C. From Automation to Knowledge Management: Modernizing British Government with ICTs // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68, № 1. P. 213–230.

² Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.

³ Кулькова В.Ю. Цифровая эволюция социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях COVID-19 // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 88–100.

институциональный дизайн цифровых партисипаторных институтов¹. Партисипаторные институты (электронные государственные услуги, электронное участие и демократия, блокчейн и др.) в условиях цифровизации расширяют спектр публичных площадок для совместной работы власти и граждан, сконцентрированной на «обсуждении публичных ценностей и реальных потребностей»². Современными технологическими решениями, обеспечивающих партисипаторную управляемость (как соблюдения норм процедурной справедливости) в выработке и реализации государственных отраслевых политики, являются облачные форматы государств-платформ³. Они определяют цифровые механизмы для сетевых взаимодействий между субъектами социальной политики, а также субъектами и благополучателями, повышающие эффективность деятельности организации, скорость распространения социальных инноваций, качество предоставляемых общественных благ и социальных услуг. Платформенные решения позволяют преобразовывать систему госуправления в цифровую экосистему, в которой сетевые взаимодействия органов власти, бизнеса и граждан порождают синергетические эффекты в достижении целей, регулирование ситуаций и решения происходят в режиме реального времени (WIKI-регулирование) на основе аналитических данных, интегрированных на базе платформы. Клиентоориентированность платформы обеспечивается тем, что жизненные ситуации граждан рассматриваются как бизнес-процесс, их решения должны приниматься в одно касание⁴. Ресурсами развития социальной политики государства в условиях цифровой трансформации становятся стратегический

---

¹ Сморгунов Л.В. Совместное управление и сотрудничество...; Сморгунов Л.В. Три стратегии политики цифровизации...; Сморгунов Л.В., Игнатъева О.А. Факторы гражданского участия...; Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ...; Сморгунов Л.В. Партисипаторная управляемость...; Сморгунов Л.В. Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество...

² Сморгунов Л.В. Партисипаторная управляемость... С. 46.

³Government as a Platform, 2018 GaaP Readiness Index. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf- (дата обращения: 23.05.2022 г.)

⁴ Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018.

ресурс и ресурс цифровых компетенций. Стратегический ресурс характеризуется масштабностью и амбициозностью приоритетов и задач, которые определяются на уровне государства в стратегических программах и проектах цифровой трансформации различных сфер общественной жизни¹, включая публичное управление, а также условий для цифровой инклюзии всех категорий населения² (доступа к информационно-коммуникативным технологиям и инфраструктуре, цифровых компетенций и мотивации к использованию цифровых компетенций для жизненной стратегии). Ресурс цифровых компетенций как у управленцев организаций и учреждений государственного, коммерческого и гражданского секторов, участвующих в реализации задач социальной политики, так и у потребителей общественных благ и социальных услуг придает жизнеспособность цифровым платформенным решениям. Несмотря на то, что современные государства находятся на разных этапах цифровой эволюции, пандемия COVID-19 запустила триггерную активизацию цифровой трансформации в сфере социальной политики: с одной стороны, цифровые технологии стали единственным доступным и эффективным способом оказания мер социальной поддержки для большинства населения³, с другой – актуализировало проблему цифрового неравенства, усиливающего социальное.

---

¹O'Reilly Т. Government as a Platform, 2011. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/pdfplus/10.1162/INOV_a_00056 (дата обращения: 23.05.2022 г.).

²Winners of the European Digital Skills Awards 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/winners-european-digital-skills-awards-2018> (дата обращения: 23.05.2022 г.); UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development). Building Digital Competencies to Benefit from Frontier Technologies. New York: United Nations Publications, 2019. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2449> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³Обзор мирового опыта по борьбе с коронавирусом от 16 апреля 2020 г. Обзор сформирован Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации. URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/obzor-mirovogo-opyta-po-borbe-s-koronavirusom-16042020%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/obzor-mirovogo-opyta-po-borbe-s-koronavirusom-16042020%20(2).pdf) (дата обращения: 23.05.2022 г.).

Таблица 2 – Сетевые ресурсы и результаты развития социальной политики

Компоненты социальной политики, трансформирующиеся в условиях цифровизации	Сетевые ресурсы развития социальной политики	Результаты развития
Структурные компоненты социальной политики: акторы социальной политики и сетевые структуры, объединяющие различных субъектов для выработки и реализации решений в сфере публичного управления	Дискурсивный сетевой ресурс как результат обсуждения сетевым сообществом конкретной социальной проблемы и способов (альтернатив) ее решения	Репрезентация своего понимания и видения социальных проблем различными социальными группами и их отражение в общественной повестке. Расширение и конкретизация политической повестки. Включение в решение актуализированных социальных проблем разнообразных субъектов, в том числе и государства.
	Сетевой ресурс онлайн-солидарности как процесс объединения общности интересов и включенности в реальные социальные практики солидарности	Осуществление взаимопомощи участниками сетевых онлайн-сообществ в решении социальных проблем на уровне повседневных практик с опорой на собственные силы, не рассчитывая на содействие государства или других субъектов социальной политики.
	Мобилизационный сетевой ресурс, имеющий защитный или антикризисный характер	Объединение широкого круга участников в оффлайн-пространстве, в том числе представителей сетевых онлайн-сообществ, новых социальных движений, гражданских журналистов и др. для решения социальных

Компоненты социальной политики, трансформирующиеся в условиях цифровизации	Сетевые ресурсы развития социальной политики	Результаты развития
		проблем антикризисного характера/
	Ресурс межсекторного партнерства для решения социальных проблем	Объединение широкого круга участников на основе механизмов межсекторного партнерства и решения социально значимых проблем/
Процессуальные компоненты социальной политики, механизмы включенности субъектов социальной политики и ее благополучателей в цифровое пространство и сетевое взаимодействие	Ресурс технологических сервисов и платформ для выработки способов решения общественно значимых проблем и/ или их реализации на практике различными субъектами социальной политики	Трансформация практик сетевого взаимодействия различных субъектов социальной политики и предоставления государством социальных услуг гражданам в цифровом формате.
	Ресурс доступа к цифровой инфраструктуре	Доступ к технологическим сервисам и платформам различных субъектов социальной политики и граждан.
Технологические компоненты: цифровые технологии, способствующие эффективной деятельности субъектов, реализации инструментов социальной политики, получению гражданами	Технологический ресурс экосистемы публичного управления социальной сферой	Предоставление социальных услуг гражданам и осуществления сетевого взаимодействия различных субъектов социальной политики на государственных платформах.
	Ресурс цифровой включенности (инфраструктура, навыки и возможности) различных	Рост количества институциональных структур, осуществляющих

Компоненты социальной политики, трансформирующиеся в условиях цифровизации	Сетевые ресурсы развития социальной политики	Результаты развития
социальных услуг и общественных благ, успешному развитию человеческого и социального капитала	субъектов социальной политики и ее благополучателей	управление социальной сферой, предоставляющих услуги гражданам и осуществляющих сетевое взаимодействие в цифровом формате. Увеличение доли граждан, получающих социальные услуги социальную помощь в цифровом формате. Преодоление межрегиональных и поселенческих диспропорций в социальном развитии и качестве жизни граждан. Повышение уровня цифровой грамотности населения.

Таким образом, современная социальная политика переживает институциональный кризис, вызванный несостоятельностью традиционных институтов и инструментов адекватно справиться с вызовами цифровой эволюции общества. Экономические ресурсы осуществления социальной политики в современных государствах, появляющиеся как результаты экономического роста, не могут быть использованы в прежних объемах, что повышает координирующую роль государства в объединении разнообразных субъектов в производстве общественных благ и оказании социальных услуг. На этапах сетевизации и цифровизации формируются новые структурные (субъекты и сетевые структуры их взаимодействия) и технологические компоненты (интерактивные механизмы взаимодействия власти, бизнеса и граждан, платформенные решения и сервисы в

цифровой инфраструктуре публичного управления социальной политикой, цифровые навыки у граждан) новой преобразующей модели социальной политики, в которой универсальным приоритетом становится создание условий для раскрытия способностей человека. Для данной модели социальной политики инвестиции в человеческий и социальный капитал становятся ключевым инструментом обеспечения социального благополучия граждан, а также содействия экономическому развитию, основанному на внедрении новых цифровых технологий.

Выводы по первой главе. Генезис социальной политики в XIX в. был вызван формирующейся классовой структурой, социально-экономическим расслоением граждан и возникшими проблемами бедности и социальной нужды в растущем урбанизированном пространстве, появившимися вследствие аграрной и промышленной революций. Теоретическое осмысление социальных функций государства и его роли в решении социальных проблем населения в тот период проходило под давлением общественного мнения (дискуссии о доступности образования и здравоохранения для всех классов, особенно для рабочих; вопросы качества жизни и организации городского пространства; необходимость социальных сервисов для семей, женщин, детей и т.д.) и активного экономического роста (вопросы регламентации трудовых социальных отношений; формирование рынка труда; пенсионное обеспечение для работников и т.д.). Практическим решением данных проблем и вопросов стало формирование системы государственной социальной политики, которая в XX в. развилась от социально-защитных функций (социальной помощи тем, кто работает) через поддержку по остаточному принципу (помощь всем нуждающимся) к модели государства всеобщего благосостояния (социальная политика для всех граждан). Современное разнообразие теоретических моделей социальных государств и типологий государств всеобщего благосостояния определено национальным пониманием роли и функций государства и других субъектов социальной политики в решении социально-экономических проблем и вопросов, а также степенью регулирования государством сферы экономики и количества социальных услуг и сервисов,

реализуемых либо через рынок, либо через государственные учреждения, либо через смешанную систему.

Глобальные вызовы в виде сетевизации и цифровизации, а также стремительное распространение пандемии коронавируса обусловили глубокий институциональный кризис практических моделей реализации социальной политики в современных государствах. Многосоставные изменения в социальной сфере (радикальная трансформация рынка труда и занятости, механизмов профессиональной социализации, институтов образования и здравоохранения, появление и распространение цифрового неравенства как нового вида социального неравенства) формируют новые социальные риски и социальные издержки, которые должны учитывать в своих политических стратегиях современные государства. В условиях сетевизации и цифровой трансформации общества государства вынуждены ориентироваться на сохранение и развитие человеческого потенциала, без которого невозможно их дальнейшее устойчивое развитие. Однако при возрастающей популяционной дифференциации мер социальной защиты, комплекса социальных услуг и социальных сервисов целевым группам населения и одновременно увеличивающихся бюджетных ограничениях государства, связанных с глубоким глобальным экономическим кризисом, осуществление таких социальных императивов возможно только при условии формирования новой модели социальной политики, основанной на включении сетевых структур, сетевых ресурсов и цифровых технологий в процесс выработки и реализации политико-управленческих решений в социальной сфере. Ключевыми характеристиками данной объяснительной модели социальной политики, основанной на сетевых компонентах, являются: структурные компоненты социальной политики, представляющие собой субъектов политики (как субъектов, так и сетевых структур, их объединяющих); процессуальные компоненты в виде этапов цифровой эволюции, характеризующие уровень включенности субъектов социальной политики и ее благополучателей в цифровое пространство; технологические компоненты как конкретные цифровые технологии, способствующие эффективной деятельности субъектов, реализации инструментов

социальной политики, получение гражданами социальных услуг и общественных благ, успешному развитию человеческого и социального капитала.

2 СЕТЕВЫЕ АКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1 Социальная политика в современной России: основные этапы и результаты развития

В 1990-е гг. все преобразования в сфере социальной политики России происходили на основе инерционного потенциала СССР, который имел следующие особенности: «1) высокий уровень урбанизации и всеобщей грамотности, разрыв в уровне и качестве жизни сельского и городского населения, алкоголизация сельского населения; 2) высокий уровень экономической активности женщин, гендерный разрыв в оплате труда, феномен гендерного контракта “матери+работницы” для женщин, недостаточное развитие сектора социальной политики, предоставляющего услуги по уходу за детьми и пожилыми людьми – все вместе приведшее к снижению рождаемости; 3) эгалитаризм оплаты труда (низкая дифференциация заработной платы, создаваемая искусственно), эгалитаризм потребления материальных благ, частичное возмещение материальных благ в виде социальных льгот и привилегий для определенных групп населения; 4) этатизм и огосударствление социальной сферы, социальных отраслей и социальных учреждений; 5) патерналистский характер социальной политики»¹.

В ходе исследования мы выявили 4 этапа эволюции социальной политики в РФ.

Первый этап эволюции социальной политики в РФ – модернизация в условиях системного кризиса и инерционного наследия, 1993–2000 гг. Несмотря на то, что уровень жизни был ниже, чем в других европейских странах, до распада СССР в 1991 г. система социальной защиты населения гарантировала получение льгот для необходимого прожиточного минимума. Для решения возникших

---

¹ Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // SPERO. 2009. № 10. С. 11–32.

проблем, связанных с переходом от централизованной к рыночной экономике после распада Советского Союза, органам власти вновь образовавшейся Российской Федерации пришлось внести существенные изменения в систему социальной защиты, чтобы привести ее в соответствие с принципами и потребностями системы рыночной экономики: произвести перерасчет и корректировку пенсий; выявить новые источники финансирования бюджета социальной сферы; разработать и внедрить новые институциональные механизмы включения вновь созданных предприятий частного сектора в рыночную экономику. Российская система социальной защиты в этот период развивалась стихийно, при этом необходимо было сохранить положительные социальные эффекты наследия советской системы социальной помощи и защиты населения (особенно в сфере защиты материнства и детства).

Модернизацию системы социальной политики в постсоветской России охарактеризуем как попытки нормативно-правового и институционального оформления социальной политики и урегулирования социальных последствий экономических преобразований и реформ в то время:

- впервые были сформированы системы пенсионного и социального обеспечения граждан, основанные на принципах страхового финансирования;
- государственные, региональные и местные бюджеты стали самостоятельны и финансово независимы друг от друга в решении вопросов социальной политики¹;
- впервые феномен безработицы был признан на официальном уровне (в отличие от «политики несуществования безработных» в СССР) и в отношении государственного решения этой проблемы принят ряд мер – от законов, введения

---

¹ Например, к вопросам местного значения относятся: организация предоставления общедоступного и бесплатного образования по основным общеобразовательным программам, дошкольного образования, а также организация отдыха детей в каникулярное время, за исключением полномочий по финансовому обеспечению образовательного процесса, отнесенных к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации; организация оказания скорой медицинской помощи, помощи в амбулаторно-поликлинических, стационарно-поликлинических и больничных учреждениях; выравнивание уровня бюджетной обеспеченности поселений, входящих в состав муниципального района, за счет средств бюджета муниципального района и некоторые другие вопросы.

соответствующих служб и центров занятости до утверждения пособия по безработице и т.д.¹

Основными приоритетами модернизации социальной политики в указанные годы стали: 1) концептуализация (введение перечня наименований) и операционализация (финансовое обоснование уровней и степени индексации) единых ставок социальных налогов и государственных ставок минимальных социальных трансфертов гражданам (и обозначение коридора региональных коэффициентов); 2) создание абсолютно новой единой системы социального и медицинского страхования для работающих граждан.

В 1991–1995 гг. были сформированы институциональная и инфраструктурная системы: созданы социальные министерства и государственные фонды²; принято около 25 федеральных законов в сфере социальной политики. Как отмечают Т. Малеева и С. Васин, был «принят ФЗ “О социальной защите инвалидов” в 1995 г., основные положения которого были направлены на введение денежных обязательств (выполняемых не в полном объеме) государства перед данной социальной группой»³. Социальные цели лишь декларировались, не были подкреплены ресурсами, малоэффективны и привели не к устранению/смягчению последствий инвалидности, а к численному росту инвалидов⁴.

Второй этап эволюции социальной политики в РФ – регламентация трудового законодательства и введение минималистской системы социальной политики, 2000–2006 гг. Приоритетами на данном этапе стала продолжившаяся реформа пенсионной системы, рационализация трудовых отношений и

---

¹ О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/10164333/?> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Например, Министерство труда и социальной защиты, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования.

³ Малеева Т., Васин С. Инвалиды в России – узел старых и новых проблем. URL: http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2001/3/ProEtContra_2001_3_05.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

⁴ 3. Тезадова Д.А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 3. С. 90–106.

регламентация рынка труда, переход к остаточной системе помощи и поддержки реципиентов социальной политики, а также монетизация льгот.

С февраля 2002 г. вступил в силу Трудовой кодекс РФ, который «рационализировал трудовые отношения, привел их в консенсус с существующими условиями рыночной экономики и приблизил российские трудовые нормы к трудовым нормам стран ОЭСР»¹. Задачами новой многоуровневой схемы пенсионного обеспечения стало «снижение зависимости системы от демографических факторов (старение населения), усиление связи размера пенсий с реальным трудовым вкладом работника, повышение индивидуальной ответственности за финансирование будущей пенсии, обеспечение достойного уровня пенсии и финансовой устойчивости пенсионной сферы, легализация трудовых доходов граждан, устранение государственного монополизма в пенсионной сфере и т.д.»².

В 2005 г. началась монетизация льгот: социальные льготы до этого момента носили патерналистский и рудиментарный характер советского наследия. Данный модернизационный процесс (несмотря на болезненность и противоречивость) привел «к сокращению ареала льгот и льготников, натуральное выражение льгот было заменено на денежные выплаты, региональные и местные бюджеты стали нести бремя новых расходных полномочий в социальной сфере»³.

Отметим, что подобное сокращение реципиентов, перечня льгот и финансирование социальной политики по остаточному принципу стали возможны на фоне экономического роста и улучшения благосостояния граждан, которые в силу рационального выбора и укрепления собственной устойчивой позиции на рынке труда смогли остаться вне поля государственной социальной поддержки и фактически переходить на самообеспечение социальными благами в условиях

---

¹ Малева Т.М. Политика на рынке труда на этапе экономического роста // Человек и труд. 2008. № 1. С. 18–25.

² Гурвич Е. Приоритеты нового этапа пенсионной реформы // SPERO. 2008. № 8 (Весна-лето); Малева Т., Синявская О. Прогнозная оценка перспектив пенсионной системы до 2012 г. Итоги и уроки пенсионной реформы в России // Финансовый контроль. 2006. № 2 (51)-3 (52).

³ Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой, Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др. М.: НИСП, 2007.

страхового социального и медицинского обеспечения, а также бюджетного финансирования системы дошкольного, школьного и вузовского уровней образования.

В конце второго этапа в 2006 г. благодаря Посланию Президента РФ Федеральному Собранию РФ¹, данным демографов об отрицательном естественном приросте населения в РФ², алармистской позиции российских СМИ и массовым тиражированием проблемы «Русского креста»³ в политической повестке дня возник новый социальный приоритет: решение назревших демографических проблем (высокая смертность вкупе с низкой рождаемостью на фоне необходимости миграционных притоков) и необходимость развития системы семейной политики в РФ.

Следующий этап эволюционного развития данной отрасли политики относится к 2007-2018 гг. и связан с её демографической составляющей. Политическими инструментами решения демографических проблем стали в основном меры монетарного и пронаталистского характера: выплата материнского капитала женщинам, родившим/усыновившим второго/третьего/ последующего ребенка, индексируемого из года в год; увеличение размера пособий по уходу

---

¹ Президент предложил программу стимулирования рождаемости, а именно: «меры поддержки молодых семей, поддержки женщин, принимающих решение родить и поднять на ноги ребенка. Во всяком случае, сегодня мы должны стимулировать рождение хотя бы второго ребенка. Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение, особенно если речь идет о втором или третьем ребенке? Ответы здесь очевидны, известны. Это низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий. По мнению экспертов, размер таких государственных обязательств в денежном выражении не может быть меньше 250 тыс. рублей. И эта сумма должна ежегодно индексироваться по инфляции, конечно. Прошу просчитать нарастающие по годам обязательства государства и обозначить срок действия программы не менее 10 лет, имея в виду, что по его истечении государство должно будет принять решение исходя из экономической и демографической ситуации в стране» (цит. по: Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/) (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Ермаков С.П., Захарова О.Д. Демографическое развитие России в первой половине XXI века. М.: ИСПИ РАН, 2000; Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002; Чечулин В.Л., Смыслов В.И. Модели социально-экономической ситуации в России 1990–2010 годов и сценарные прогнозы до 2100 года: монография. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013.

³ Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006.

ребенком до 1,5 лет; новый механизм выплат пособий по беременности и родам; денежная компенсация за пребывание ребенка в детском дошкольном учреждении; введение родовых сертификатов и др.¹

Дискуссии об эффективности указанных мер продолжают до сих пор², бесспорно одно: демографическая ситуация в РФ почти соответствует последнему тренду демографической модернизации, согласно которому развитые страны находятся в состоянии нового демографического равновесия, обусловленного низкой смертностью и низкой рождаемостью. Россия перешла к низкой рождаемости, но смертность продолжает оставаться высокой, и возраст дожития все еще довольно низок среди граждан РФ.

Помимо демографических приоритетов социальной политики, на третьем этапе в майских указах 2012 г. были поставлены задачи добиться к 2018:

- повышения средней продолжительности жизни россиян до 74 лет;
- обеспечить рост реальной заработной платы бюджетников в 1,4–1,5 раза, а по отдельным категориям профессий – в 2 раза³.

К сожалению, не удалось увеличить средний срок ожидаемой продолжительности жизни россиян. Несмотря на то что учителя, врачи, ученые и другие работники бюджетной сферы получили некоторое повышение зарплаты до 2014 г., наступивший в указанном году кризис, санкции, девальвация рубля и последовавшая инфляция нивелировали это повышение. Принятые законы

---

¹ Гнедаш А.А. Модернизация государственной семейной политики в современной России: (экстра)ординарный поворот к пронатализму // Политика семьи и детства в постсоциализме: коллективная монография. М.: ООО Вариант; ЦСПГИ, 2014.

² Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы // Материалы международной конференции. М.: Фонд народонаселения ООН, 2006; Малева Т., Синявская О. Социально-экономические факторы рождаемости в современной России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5 (Осень-зима); Овчарова Л., Пишняк А., Попова Д. Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости? М.: ЮНИСЭФ-НИСП, 2007.

³ Владимир Путин подписал Указ «О долгосрочной государственной экономической политике», 7 мая 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15232> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

увеличили социальную напряженность от бремени реформ трех десятилетий и укрепили существующее расслоение и социальное неравенство¹.

Светлана Мареева, анализируя данные Федеральной службы государственной статистики², широко известного всероссийского исследования «Российский лонгитюдный мониторинг», проводимого Высшей школой экономики (РМЭЗ-ВШЭ) и результаты мониторинга, проводимого Институтом социологии Федерального центра теоретической и прикладной социологии Российской академии наук (ИС ФЦПНС РАН)³, приходит к следующим выводам:

– «с начала 1990-х гг. Россия превратилась из общества массовой бедности в общество массового среднего достатка;

– уменьшение числа бедных, изменение их социально-профессионального состава, переопределение факторов бедности в общественном мнении объясняют, почему население России в настоящее время озабочено не столько бедностью, сколько социальным неравенством;

– по модели стратификации доходов Россия ближе к развитым, чем к развивающимся странам, для которых характерна высокая доля групп со средними доходами;

– по моделям мобильности доходов Россия ближе к развивающимся странам, которые характеризуются относительно высокой мобильностью доходов и меньшей степенью устойчивого неравенства в среднесрочной перспективе;

– объективная динамика неравенства в России в последние годы носит нелинейный характер: сокращение бедности и некоторое выравнивание доходов в средней части общества одновременно связаны с увеличением разрыва между верхушкой и остальным населением»⁴.

---

¹ Социальное самочувствие россиян: мониторинг. ВЦИОМ, 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnoe-samochuvstvie-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 23.05.2022 г.)

² Портал <https://eng.gks.ru>

³ Данные за период с 2014 по 2018 год в рамках проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах».

⁴ Описание исследования, график обследования и данные доступны на: URL: <https://www.hse.ru/en/rlms/> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse>.

Общественное мнение о социальном неравенстве как противоречащем действующей в государстве социальной модели, по мнению ряда исследователей, может порождать социальную напряженность и вносить в общественную повестку вопрос о легитимации власти¹. В то же время существующее социальное неравенство и общественные дебаты по этой проблематике могут быть драйвером государственных инвестиций в человеческий капитал², что и доказало введение системы национальных проектов.

В 2019 г. начался четвертый этап эволюции социальной политики в современной России, связанный с реализацией нацпроектов как драйверов социально-экономической политики России, 2019–2024 гг. 7 мая 2018 г. Президент России В. Путин подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», устанавливающий и утверждающий национальные проекты России³:

- сокращение уровня бедности в России в 2 раза;
- повышение уровня жизни граждан;
- комфортные условия для проживания семей с детьми;
- улучшение условий проживания семей с детьми (не менее 30 млн семей).

Национальные проекты включили три блока:

1) человеческий капитал: национальные проекты «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура»;

2) комфортная среда для жизни: национальные проекты «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология»;

3) экономический рост: национальные проекты «Туризм и индустрия гостеприимства», «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка

---

¹ Bussolo M., Dávalos M.E., Peragine V., Sundaram R. *Toward A New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia*. Washington, DC, USA: World Bank Group, 2019.

² Sztompka P. *Sprawiedliwość // Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej*. Kraków: Znak, 2015. S. 232–250.

³ Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», 7 мая 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 23.05.2022 г.)

индивидуальной предпринимательской инициативы»; «Цифровая экономика»; «Производительность труда и поддержка занятости»; «Международная кооперация и экспорт»; «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры».

Нацпроекты в социальной сфере направлены на решение проблем доступности качественных социальных сервисов (развитие образовательной и здравоохранительной инфраструктуры и инфраструктуры в области культуры), ликвидацию дефицита кадровых ресурсов (создание системы профессионального роста работников культурно-досуговых организаций, медицинских и педагогических работников, наставничества и волонтерства, а также системы профессиональных конкурсов), овладения цифровыми компетенциями во всех сферах социальной политики. Национальные проекты также развивают систему семейной политики, сформированную на третьем этапе, и предусматривают: расширение мер материальной поддержки семей с детьми и женщин с детьми до 3 лет¹; построение системы работы с людьми старшего возраста и повышение качества их жизни; развитие здорового образа жизни граждан (массовый спорт и здоровое питание) и создание системы стимулирования отказа граждан от вредных привычек.

Несмотря на успешный старт реализации нацпроектов, в 2019 г. вступил в силу ряд законов, ухудшивших материальное положение большинства россиян:

- налог на добавленную стоимость (НДС) был увеличен на 2%, что обусловило рост цен на практически все товары минимальной потребительской корзины (одежда, обувь, продукты питания и т.д.);
- произошло повышение акцизов на бензин и другие моторные топлива (последующий рост цен на промышленные и пищевые продукты в связи с ростом транспортных расходов по доставке этих продуктов по территории России);
- повышение пенсионного возраста на основании Закона № 350-ФЗ «О внесении изменений в пенсионное законодательство».

---

¹ Например, проект «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет».

Сами авторы нацпроектов и органы власти, курирующие их реализацию, неоднократно заявляли о проблемах и многочисленных коррупционных нарушениях в ходе осуществления нацпроектов в регионах¹.

Таким образом, современную модель социальной политики в России можно классифицировать как симбиоз характерных особенностей государственно-социалистической (активное вмешательство государства в экономику и социальные отношения, например, бесплатное общедоступное образование, системы медицинского и социального страхования) и неолиберальной (контрактное социальное взаимодействие, государство – равноценный субъект на рынке социальных услуг и сервисов наряду с частными субъектами) моделей². Радикальная либерализация экономической и социальной систем в 1990-е гг. сменилась возрождением этатистского государства всеобщего благосостояния в середине 2000-х гг.³: приоритеты социальной политики регулярно объявляются, но не в полной мере отражаются в государственных программах, нормативно-правовых актах и принятых решениях⁴. Основной задачей социальной политики в современной России является обеспечение институциональной среды,

---

¹ В 2020 году секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев заявил о многочисленных коррупционных нарушениях при выполнении национальных и федеральных проектов (цит. по: Патрушев: Основные нарушения при выполнении нацпроектов связаны с коррупцией. URL: <https://rg.ru/2020/05/20/reg-pfo/patrushev-osnovnye-narusheniia-pri-vypolnenii-nasproektov-sviazany-s-korruptsiej.html>). Он констатировал, что «при проведении государственных закупок недобросовестными должностными лицами широко используются мошеннические схемы с целью передачи подрядов аффилированным с ними организациям» (цит. по: Нарушения при выполнении национальных проектов связаны с коррупцией и несоблюдением правил госзакупок, заявил секретарь Совета безопасности. URL: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/8518959?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org) и что «больше всего воруют в нацпроектах «Жилье и городская среда», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Демография», «Образование», «Культура», «Здравоохранение» (цит. по: Патрушев заявил о коррупции и нарушениях при реализации нацпроектов. URL: <https://ria.ru/20200520/1571730032.html>).

² Popova D., Matytsin M., Sinnott E. Distributional Impact of Taxes and Social Transfers in Russia Over the Downturn. 2018. URL: <https://doi.org/10.1177%2F0958928718767608> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ Cook L. Russia's Welfare Regime: The Shift toward Statism // *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries* / ed. by M. Jäppinen, M. Kulmala, A. Saarinen. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011.

⁴ Kainu M., Kulmala M., Nikula J., Kivinen M. The Russian Welfare State System // *The Routledge International Handbook of Welfare State Systems* / ed. by C. Aspalter. Routledge: Oxon. 2017.

способствующей стабилизации доходов россиян в среднесрочной перспективе. Данная институциональная среда должна включать комплекс гибких социально-экономических мер, направленных на устойчивое положение граждан на рынке труда, компенсационные механизмы в отношении ситуативного падения доходов, перераспределительные налоговые механизмы, обеспечение равенства возможностей в доступе к образованию и рабочим местам, улучшение социальной защиты домохозяйств (особенно семей с детьми) на разных этапах жизненного цикла. Эти вопросы пока отсутствуют в социально-политической повестке, однако без их решения невозможно успешно реагировать на вызовы неравенства и использовать открывающиеся возможности в современном российском обществе.

На четвертом этапе эволюции социальной политики свои коррективы в формирующийся российский вариант модели государства всеобщего благосостояния внесла пандемия коронавируса, которая породила в России те же многочисленные проблемы, что и во многих странах: смертность от коронавирусной инфекции, нехватку ресурсов здравоохранения и экономический кризис в результате самоизоляции и локдауна. Пандемия также пришлась на политически сложное время – в стране проводился референдум по поправкам в Конституцию. К концу марта и началу апреля 2020 г. в регионах России были введены строгие ограничения, в том числе системы цифровых пропусков, которые были отменены в преддверии голосования.

Опросы, проведенные Левада-центром¹ летом 2020 г., показали, что несмотря на заниженные и скептические ожидания россиян в отношении государственного здравоохранения, в целом российская общественность была более или менее удовлетворена усилиями правительства по разрешению коронавирусного кризиса в стране². В основном россиян волновали адекватные услуги в пяти различных областях: здравоохранение, поликлиники, детские сады, начальное образование и

---

¹ Левада-Центр внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

² Опросы по тегу «здравоохранение». URL: <https://www.levada.ru/tag/zdravoohranenie/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

размер пенсий. Система здравоохранения включает сеть больниц, поликлиник, оказывающих первичную медико-санитарную помощь и повседневные медицинские услуги для большинства граждан. Работа поликлиник оценивалась гражданами как удовлетворительная по сравнению с более низкими оценками работы больниц. Россияне гораздо позитивнее оценивают государственные детские сады и начальное образование. Даже пенсионное обеспечение, спорный и горячо обсуждаемый вопрос в России, оценивается более позитивно, чем государственное здравоохранение. В отличие от европейских стран, деятельность которых по разрешению кризисной коронавирусной ситуации рассматривалась нами в предыдущем подразделе диссертации. Российская Федерация столкнулась с рядом уникальных проблем в процессе принятия социальных мер по предотвращению разветывания пандемии. Во-первых, гораздо большая численность населения, территориально рассредоточенная по 85 субъектам РФ; во-вторых, существенный разрыв между городом и деревней в административных возможностях разрешения кризиса, организации социально-экономических и инфраструктурных условий самоизоляции для семей с детьми, пожилых людей, заболевших граждан; в-третьих, разный уровень и качество медицинского обслуживания в регионах РФ. Поэтому эффективность борьбы с пандемией сильно различалась по регионам.

Исследователи выявили три основных различия в региональных мерах реагирования на COVID-19.

1. Сроки и уровень самоизоляции, время принятия последующих решений об ослаблении ограничений. По данным «Ведомостей», только 14 регионов приняли строгие меры самоизоляции (запрет на поездки внутри страны и закрытие общественного транспорта). Другие регионы быстро ослабили ограничения или отказались от их применения, досрочно сняли самоизоляцию или расширили список работающих предприятий;

2. Организация волонтеров для работы с уязвимыми группами населения (пенсионеры, инвалиды и т.д.) и наиболее пострадавшими от кризиса. Так были организованы волонтерские программы по доставке продуктов питания,

медикаментов и медицинской информации в Самаре, Ульяновске, Москве и Санкт-Петербурге. В некоторых регионах эту работу организовывали «Единая Россия» и Общесоюзный народный фронт;

3. Меры по поддержке малого и среднего бизнеса. 8 апреля В. Путин поручил правительству разработать национальную схему поддержки бизнеса, включающую также отсрочку уплаты налогов малым и средним предприятиям на следующие шесть месяцев. Наиболее активные из губернаторов расширили эти программы, хотя многие из них ограничены ресурсами или возможностями. Губернатор Нижнего Новгорода Глеб Никитин предложил инновационные решения для поддержки ресторанов, гостиниц и транспортных компаний в городе, заключив с ними договоры на предоставление жилья, питания и транспорта медицинским работникам, обеспокоенным опасностью для своих семей.

В 2020 г. на федеральном уровне был разработан и принят беспрецедентный пакет мер в отношении семей с детьми в период пандемии¹; существенно изменился принцип выплаты материнского (семейного) капитала². Необходимо отметить, что в 2020 г. были введены правила электронного оформления на получение пособий.

---

¹ Например, увеличился минимальный и максимальный размер выплаты пособий: по беременности и родам; единовременного пособия при рождении ребенка; ежемесячного пособия по уходу за ребенком до полутора лет; ежемесячной выплаты на первого и второго ребенка. Появились новые выплаты: ежемесячные выплаты на детей с 3 до 7 лет (цит. по: 7 выплат на детей, которые изменятся в 2020 году. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_02_17_detskoe_posobie).

² С 2020 г. условия материнского капитала для семей с детьми значительно изменились. Теперь его можно получить на первого ребенка, если он родился или усыновлен в 2020 г. или позже. Сумма материнского капитала в 2020 г. составит 466 617 р. Если второй ребенок родился в 2020 г., материнский капитал на него составит 616 617 р. Если третий или последующий ребенок родился в 2020 г., а раньше права на материнский капитал не было, семья сможет получить сертификат на 616 617 р. Если второй или последующий ребенок родился до 2020 г., материнский капитал семья получит на прежних условиях, но с учетом индексации – 466 617 р. в 2020 г. Для семей, которые уже получили сертификат, но еще не использовали средства господдержки, сумма будет проиндексирована с 1 января 2020 г. Если семья уже распорядилась средствами материнского капитала в полном объеме до 2020 г., дополнительные выплаты с учетом индексации не предусмотрены (цит. по: 7 выплат на детей, которые изменятся в 2020 году. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_02_17_detskoe_posobie).

Тренд на поддержку семей с детьми и демографический вектор социальной политики был продолжен и в 2021 г. в результате пандемии: перечень социальных мер поддержки семей с детьми был дополнен и проиндексирован. В 2021 г. также заявления на получение пособий оформлялись через портал госуслуг и некоторые пособия автоматически оформлялись мамам-получателям пособий на детей.

Помимо пандемии вторым фактором эволюции социальной политики на четвертом этапе стали поправки в Конституцию РФ в 2020 г. Конституционные поправки не только закрепили на государственном уровне социальные императивы, но и стали основой для общенационального консенсуса и выработки нового общественного договора¹.

Принятие поправок в российскую Конституцию коснулось и социальных проблем:

- установление минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума (ст. 75 Конституции РФ);
- ежегодная индексация государственных социальных выплат и социальных пособий (ч. 6 ст. 75.);
- закрепление традиционалистских ценностей в отношении семьи, брака, детства, материнства и отцовства (ст. 72);
- государственное гарантирование благосостояния граждан и выделение цели развития социального государства: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность»² (ст. 75.1).

---

¹ Карасев А.Т., Кожевников О.А., Савоськин А.В. Отдельные вопросы конституционной трансформации публичного управления в России // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2021. № 2. С. 24–37.

² Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

Таким образом, развитие современной модели социальной политики в России включает 4 этапа. Первый этап – радикальная либерализация экономики и стихийное регулирование сферы социальной политики в 1991–2000 гг. Второй этап в 2000–2006 гг. был связан с началом экономического роста и развитием социальной политики по адресному принципу, третий этап с 2007 г. по 2018 г. – с пронаталистским демографическим поворотом в социальной политике, четвертый этап – с введением приоритетных национальных проектов 2019–2024 гг. Свои коррективы в успешное течение четвертого этапа внесла пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 г. и существенно изменившая финансирование нацпроектов и программ на федеральном и региональном уровнях. На данном этапе потребовалось дополнительное выстраивание системы государственной социальной политики как комплекса мер по борьбе с коронавирусной инфекцией. Основным стратегическим решением стала разработка вакцины от коронавирусной инфекции, что снизило панические атаки у населения и позволило не вводить режим общенационального карантина. Поскольку реакция правительства соответствовала ожиданиям широкой общественности, серьезного недовольства не было спровоцировано, а сам пандемический кризис не оказал существенного влияния на изменение модели социальной политики в современной России. Вторым ключевым фактором, способствующим развитию социального государства в РФ, стали так называемые социальные поправки в Конституцию. Принятые поправки закрепили социальные функции Российского государства в области гарантий благополучия граждан; адресности и стабильности социальной поддержки и помощи; регулярной индексации минимальных государственных социальных стандартов; защиты и поддержки трудоспособного населения; развития системы социального партнерства граждан, работодателя и государства; защиты традиционных семейных ценностей и формирования модели многодетной российской семьи. В результате на четвертом этапе эволюции социальной политики в России сформировалась модель, основными чертами которой можно назвать: взаимодействие государства, работодателя и населения на принципах субъект-субъектной солидарной ответственности; активное включение

государства через рынок в социальную сферу; общедоступные социальные сервисы в сфере образования, здравоохранения и культуры; приоритет демографического роста и выстраивание системы финансово-материального стимулирования семей к деторождению; сетевизацию и цифровизацию социальной сферы; усиление роли и функций государственных органов власти на уровне субъектов РФ в решении социальных задач регионов. Текущую модель социальной политики мы обозначили как симбиоз государственно-социалистической и неолиберальной социальных политик.

2.2 Конструирование социально-политической повестки сетевыми акторами: российские практики

Переформатирование приоритетов и практик реализации социальной политики в современной России под воздействием глобальных социальных вызовов обусловило исследование роли и влияния сетевых акторов социальной политики на конструирование социально-политической повестки, а также процессов инкорпорирования сетевых акторов и структур в выработку и реализацию решений в социальной сфере.

В современном мире социальная политика получает «новое прочтение», связанное с возникновением новых зон социальных рисков и вместе с тем – новых возможностей, отражающих трансформацию её традиционных инструментов и технологий. Как уже отмечалось, пространство социальной политики, начиная с 2000-х гг., стало расширяться и солидаризоваться под влиянием таких тенденций, как появление в нём новых акторов, а также цифровизации всех аспектов жизнедеятельности человека.

Классическими субъектами социальной политики в любом государстве являются:

– органы власти и управления, непосредственно задающие государственный вектор развития социальной сферы, распределяющие и утверждающие бюджет и

государственные социальные стандарты для направлений социальной политики (образование, здравоохранение, пенсионная сфера и т.д.), принимающие и реализующие законы и социальные программы на федеральном и региональном уровнях, осуществляют надзорно-контрольные функции в социальной сфере;

– некоммерческие организации, спектр действия которых в пространстве социальной политики невероятно широк: от государственных и муниципальных бюджетных учреждений (поликлиники, музеи, школы, университеты, библиотеки и т.д.), непосредственно взаимодействующих с гражданами и предоставляющих им социальные услуги, благотворительных фондов, ассоциаций и профсоюзов, работающих в конкретных сферах и отраслях, до политических партий, аккумулирующих социальные запросы граждан и репрезентирующих проблемы и потребности различных социально-демографических групп (как своих избирателей) в законодательных структурах и органах местного самоуправления;

– работодатель (вся совокупность организаций, нанимающих людей для выполнения трудовых обязанностей), социальная ответственность которого заключается в обязанности платить страховые взносы за своих работников в Пенсионный фонд, Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования, а также предоставлять всем сотрудникам определенные Трудовым кодексом РФ условия труда, платить заработную плату не ниже установленного минимального размера оплаты труда, предоставлять отпуск по уходу за ребенком, ежегодный оплачиваемый отпуск и т.д.;

– граждане и домохозяйства, социальная задача которых заключается в соблюдении законов, уплате налогов, воспроизводстве населения и создании комфортных, благополучных и качественных условий проживания всех членов семьи; здоровая полная семья с работающими двумя родителями фактически самообеспечивает себя, тем самым снижает социальную нагрузку на государство: нет нужды платить таким семьям социальные пособия, придумывать социальные программы (например, трудоустройства или реабилитации).

Роль классических субъектов социальной политики в условиях цифровизации также трансформируется, что находит отражение в практиках

межсекторного взаимодействия, основанных на сетевых принципах сотрудничества.

Однако появляются принципиально новые субъекты, приобретающие в современных условиях не менее важную роль в сфере социальной политики.

Интернет-пространство в XXI в. стало коммуникативной и мобилизационной площадкой для возникновения новых сетевых акторов социальной политики. В первую очередь такими акторами стали сетевые онлайн-сообщества, которые являются структурным компонентом социально-политической морфологии современного государства и проактивными агентами социально-политических изменений. Ввиду своих цифровых оснований онлайн-сообщества моментально включаются в процесс конструирования социальных проблем и оперативно отвечают на поиск их решений. Отметим, что сетевым онлайн-сообществом может быть и институализированная в офлайн-пространстве организация. Для того чтобы квалифицироваться как сетевой актор (именно сетевое онлайн-сообщество), данная структура или организация должна соответствовать таким критериям¹:

– формирование и подкрепление ценностной устойчивости сообщества в онлайн-пространстве;

– создание дискурсивной активности сообщества в онлайн-пространстве, определяемой доминирующими темами;

– накопление политического капитала в офлайн и его конвертация в действия для решения проблем в офлайн-пространстве.

– коллективная и индивидуальная (практики повседневности), стратегическая и оперативная активность сообщества в онлайн-пространстве с целью кооперации, групповой репрезентации проблем и способов их решений.

---

¹ Miroschnichenko I.V., Ryabchenko N.A., Gnedash A.A. Online Communities in The Public Space of Politics: Subjective Features and Possibility for Control (Exemplified by “ВКонтакте” Russian Social Networking Platform) // Webology. 2021. Vol. 18, Special Issue. P. 1342–1359.

Российские исследователи И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко и А.А. Гнедаш предложили представленную далее типологию сетевых онлайн-сообществ в пространстве публичной политики¹.

Социально-дискурсивные онлайн-сообщества – это сообщества онлайн-пользователей, сформированные на основе одного ключевого интереса участников в социальной сфере. Основной целью существования сообщества является обмен информацией и ресурсами между членами сообщества; интересы, связанные с политикой, отсутствуют. Такие сообщества подвержены внедрению новых тематик, ценностей и смыслов. Основным пример – сообщества «Рыбалка»², «Реальный Футбол»³, «АУТО»⁴, «МАМА™»⁵.

Гражданско-дискурсивные онлайн-сообщества отличаются большей ценностной устойчивостью (по сравнению с социально-дискурсивными онлайн-сообществами) и единой дискурсивной тематикой, вокруг которой сообщество создано. Такие сообщества активно включены в социальную сферу и политическую жизнь, но минимально подвержены внешним информационным воздействиям. Ресурсы сообщества направлены на обеспечение эффективного аналитического взаимодействия в онлайн-пространстве, репрезентацию проблем публичного сектора и попытки выработки конкретных решений для офлайн-среды. Дискурс таких сообществ отличается социально-преобразовательным характером, но возможности конвертации своего политического капитала в реальные действия в офлайн-среде очень ограничены. Основным пример – сообщества «GEEK PICNIC»⁶, «Science|Наука»⁷, «Putin Team»⁸.

---

¹ Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A., Gnedash A.A. Online Communities in The Public Space of Politics: Subjective Features and Possibility for Control (Exemplified by “ВКонтакте” Russian Social Networking Platform) // Webology. 2021. Vol. 18, Special Issue. P. 1342–1359.

² URL: https://vk.com/vk_fishing

³ URL: <https://vk.com/re.foot>

⁴ URL: <https://vk.com/pubauto>

⁵ URL: https://vk.com/love_mama

⁶ URL: <https://vk.com/geekpicnic>

⁷ URL: <https://vk.com/sci>

⁸ URL: <https://vk.com/putinteam>

Коллаборативные онлайн-сообщества – это сообщества, созданные для в онлайн-пространстве для коммуникации по поводу решения антикризисных и социально-преобразовательных задач в офлайн-среде. Члены сообщества очень сильно солидаризированы, разделяют коллективные смыслы и ценности, выделяют социально значимые проблемы и находятся в поиске их решения в краткосрочном периоде. В связи с активной гражданской работой в «социальном онлайн-офлайн-онлайн кармане» такие сообщества чрезвычайно устойчивы к внешним политическим воздействиям. Коллаборативные онлайн-сообщества ограничиваются эффективным функционированием только в гражданском секторе, пресекая любые выходы в сферу политического. Основной пример – «Теплица социальных технологий»¹; «Поисковый отряд “Лиза Алерт”»².

Социально проактивные онлайн-сообщества создаются для решения конкретных проблем публичного сектора. Данные сообщества активно взаимодействуют с органами власти, бизнес-структурами и жителями территорий с целью совместного поиска решений и реализации этих решений в офлайн-пространстве. Как отмечают И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозова, «в данном сообществе формируются групповые и коллективные представления об общественно значимых для города, региона и страны в целом проблемах, оценивается их важность, определяются императивы социальной деятельности граждан, формируются основания (в том числе и ценностного порядка) для солидарных действий граждан в сфере городской политики»³. Основной пример – сообщество «Помоги городу»⁴.

Политически проактивные онлайн-сообщества – это сообщества, созданные в офлайн-пространстве для демонстрации гражданской и политической деятельности персон, партий, руководителей и т.д. Онлайн-сообщество в таком случае выступает технологией и коммуникационной площадкой для

---

¹ URL: <https://vk.com/teplitsast>

² URL: https://vk.com/lizaalert_real

³ Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки...

⁴ URL: <https://vk.com/club94091190>

позиционирования имиджа и образа деятельности политика/организации, объединения и мобилизации сторонников, реализации социально-экономической деятельности и консолидации политического участия сторонников (политически-преобразовательная, правозащитная, протестная деятельность). Основным пример – сообщество «Алексей Навальный¹»².

Сетевые онлайн-сообщества имеют три уровня актуализации потенциала субъектности как сетевые акторы пространства социальной политики³:

– латентный уровень практик социальной и политической повседневности, который проявляется в производстве и потребления контента о социальных проблемах участников сетевых сообществ, пользователей социальных сетей;

– субкультурный уровень позиционирования сетевых сообществ и формирования у них политико-культурных установок, определяющих социально-политические представления и поведение участников этих сообществ;

– уровень политической институционализации – осознанное видение проблемы сетевым онлайн-сообществом, включение в решение этих проблем в мобилизационном и институционализированном форматах.

На каждом из этих уровней сетевые акторы способны конструировать социально-политическую повестку.

Исследователь Д.Е. Добринская, анализируя сообщества в эпоху Интернета, отмечает, что «наблюдаемые процессы гибридизации сообществ фактически позволили говорить о “продолжении” традиционных сообществ, характерных для реального мира в мире киберпространства»⁴. В связи с этим тезисом к сетевым акторам мы можем отнести:

---

¹ Внесен в реестр террористов и экстремистов.

² URL: <https://vk.com/navalny.group>

³ Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштэга #RUSSIA в социальной сети TWITTER) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 53–62.

⁴ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху Интернета // Вестник Московского университета. Сер.: 18. Социология и политология. 2018. № 24(4). С. 59–79. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-4-59-79>

- обычных граждан, запустивших блогволну, приведшую к изменениям в социально-политической повестке дня;
- онлайн-СМИ и аккаунты офлайн-СМИ как традиционных акторов формирования повестки дня в ее классическом понимании;
- аккаунты официальных органов власти, формирующих общественное мнение и политическую повестку дня;
- аккаунты коммерческих и некоммерческих организаций, на которых запускаются краудсорсинговые и краудфандинговые проекты, трансформирующие цифровую социально-политическую повестку и ведущие к изменениям офлайн-пространства в социальной сфере.

Цифровая социально-политическая повестка, будучи концептуальным продолжением категории «повестка дня», которая определяется исследователями как набор важных для целевой аудитории граждан проблемы и тем, которые формируются и определяются СМИ во взаимодействии с политиками и влияют на формирование приоритетов государственной политики¹.

Концепт цифровой социально-политической повестки дня был предложен в «ответ» на потребность расширить понимание понятия «повестка дня» с учетом появления новых политических субъектов и цифровых технологий в онлайн-пространстве². Использование сетевого подхода в исследовании трансформации традиционной «повестки дня»³, возможностей ее формирования и трансляции позволило определить признаки и характеристики цифровой социально-

---

¹ McCombs, M.E., Shaw, D.L., Weaver, D.H. Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory // *The Power of Information Networks. New Directions for Agenda Setting* / ed. by L. Guo, M. McCombs. New York: Routledge, 2015; McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. *New Directions in Agenda-Setting Theory and Research* // *Mass Communication and Society*. 2014. Vol. 17, № 6. P. 781–802.

² Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление...; Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Издательство «Алетейя», 2018; Vu H.T., Guo L., McCombs, M.E. Exploring «the World Outside and the Pictures in Our Heads»: A Network Agenda-Setting Study // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 2014. Vol. 91, № 4. P. 669–686. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077699014550090>

³ Устимова О.В. Соотношение повесток дня и возможности управленческих стратегий // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2017. Т. 4, № 6. С. 81–86.

политической повестки¹. Социально-политическая повестка, которая формируется, тиражируется и потребляется сетевыми онлайн-сообществами, отличается от других видов повесток (политической, медийной) внутренней мотивацией участников данных сообществ обсуждать проблемы и вопросы, которые близки им и связаны с их личными интересами и жизненным опытом². Н.А. Рябченко и И.В. Мирошниченко отмечают, что цифровизация политического дискурса и увеличение числа сетевых политических акторов определяют тенденцию трансляции политическими субъектами своей деятельности на различных социальных платформах³. То есть все новые сетевые акторы используют цифровую инфраструктуру, чтобы формировать цифровую социально-политическую повестку дня при помощи социальных платформ (ВКонтакте, Одноклассники и др.), видеохостингов (YouTube) и социальных мессенджеров (WhatsApp, Telegram). При этом социально-политическая повестка, продуцируемая и тиражируемая сетевыми акторами в цифровом публичном пространстве, может приобретать различные нелинейные конфигурации, переплетаясь с другими видами повесток дня⁴. Речь идет о так называемом «коммуникативном капитализме», который представляет собой «новую формацию, ставшую результатом развития объединенных в сеть информационных технологий и глобальных медиа, которые «захватывают» своих пользователей одновременно развлекая и контролируя их»⁵.

Ряд российских исследователей, считают, что влияние сетевых сообществ, формирующихся, в том числе и вокруг блогеров и цифровых лидеров мнений, создают новую рамку отношений государства и общества, когда государство вынуждено реагировать на продвижение общественной повестки и запросов

---

¹ Сморгун Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018.

² Казун А.Д. Откуда берется повестка дня? Роль СМИ в конструировании значимости событий // Вестник общественного мнения. 2017. Т. 124, № 1-2. С. 182–189.

³ Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012.

⁴ Vu H.T., Guo L., McCombs, M.E. Exploring «the World Outside».

⁵ Гавра Д.П., Декалов В.В. Коммуникативный капитализм: методологические предпосылки и парадигмальное позиционирование // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, №. 1. С. 27–43.

граждан, оказывая влияние на публичные институты и выработку отраслевых государственных политик¹. О.В. Михайлова подчеркивает, что сетевые гражданские структуры формируют более динамичную, актуальную текущему периоду повестку дня, которая основана на большом «объеме знаний о природе разноплановых проблем и способах их преодоления»², что обуславливает ее влияние на институты государственной власти.

Содержание и результаты конструирования социально-политической повестки сетевыми акторами в сфере социальной политики зависит и от технологических компонентов. К актуальным цифровым технологиям конструирования социально-политической повестки мы относим:

- институт коллективных петиций³;
- краудсорсинговые инициативы⁴;
- краудфандинговые проекты⁵;
- блогволны в интернет-пространстве⁶;

---

¹ Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Проспект, 2021; Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые инфраструктуры...; Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации...; Михайлова О.В. Современное государственное управление...

² Михайлова О.В. Современное государственное управление...

³ Это коллективные обращения граждан в органы власти или организации, подаются устно, письменно либо посредством специальных электронных порталов. В РФ широкое использование подобных процедур стало возможным после принятия Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

⁴ Краудсорсинг (англ. *crowdsourcing*, от *crowd* – толпа и *sourcing* – использование или привлечение ресурсов) – термин впервые введен в 2006 г. и означает привлечение к решению тех или иных проблем широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных технологий (Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. № 3. С. 21–28).

⁵ Краудфандинг (народное финансирование, от англ. *crowd funding*, *crowd* – «толпа», *funding* – «финансирование») – коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов) (Краудфандинг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%83%D0%B4%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B3>).

⁶ Блогволна – процесс массового распространения информации блогерами или членами online социальных сетей, приводящий к трансформации общественного мнения и, как следствие, к социально-политическим акциям в offline-пространстве, а также к формированию процесса

- метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ¹;
- топовую тему, отвечающую запросам общественного мнения.

Рассмотрим основные цифровые платформы для коллективных петиций.

1. Зарубежный портал «Change.org», насчитывает порядка 400 млн. человек во всем мире; в РФ, как правило, на данной платформе размещаются социально чувствительные вопросы и предложения. Юридическая эффективность петиций на данном портале невысока – государственные органы не обязаны их рассматривать. Положительный эффект заключается только в общественном резонансе, когда гражданская инициатива через СМИ попадает в социально-политическую повестку – органы власти вынуждены обратить свое внимание к данному вопросу. Рассмотрим пример: в 2013 г. Светлане Лапиной одобрили ипотеку в ПАО «Сбербанк России» и страхование жизни и здоровья ООО «Сбербанк Страхование», владельцем которой является указанный банк. Через год у женщины обнаружили рак и дали инвалидность 1-й группы. Страховая компания намеренно затягивала с выплатами, и С. Лапиной пришлось обратиться в суд, который был выигран. Но банк все же начислил пени и неустойку и подал апелляцию с требованием выселить больную женщину и взыскать штраф. Светлана написала петицию, которую поддержали 407 500 чел. В результате общественного резонанса и во избежание репутационных потерь банк отозвал иск. Данный кейс иллюстрирует, как петиции, становясь инструментом давления на коммерческую структуру, могут быть инструментом создания социально-политической повестки.

Второй кейс связан с коронавирусной пандемией – так называемая майская петиция 2020 г. «Волонтеры, помогающих врачам в борьбе с коронавирусом,

---

общественного давления (цит. по: Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 3 (22). С. 91–100).

¹ Метаосвещение – журналистский прием формирования медийной повестки дня, отражающий определенную точку зрения журналистов, освещающих какую-либо кампанию (политическую или социальную). В результате складывается реальность, которую невозможно увидеть во всей ее полноте, а только в определенном заданном ключе (McQuail D. Media Performance. Mass Communication and the Public Interest. Trowbridge, Wiltshire: Sage Publication, 1992; De Vreese C. Elenbaas M. Media in the Game Politics: Effects of Strategic Metacoverage on Political Cynicism // The International Journal of Press/Politics. 2008. № 13. P. 285–309).

оставляют умирать на полу»¹. Волонтерам, работавшим с пациентом с диагнозом COVID-19, в случае заболевания отказывали в скором медицинском лечении и заставляли покидать больницу. Автор петиции узнала об этом из аккаунта в социальной сети своей дочери, когда она заболела. Петицию подписали в первый день более 50 000 чел., и руководство больницы из-за страха грядущих министерских проверок в результате общественного резонанса приняло решение заняться лечением волонтеров. Данный кейс показывает, как петиция усиливает существующую социально-политическую повестку и меняет политику отдельного учреждения здравоохранения в отношении лечения волонтеров.

Положительный результат также получили следующие петиции:

- «Помогите Эле оказаться в любящей приемной семье, а не в доме инвалидов!»²;
- «Сохраним поликлинику для бездомных людей!»³;
- «Возобновите лечение детей в детском саду № 132 для детей с нарушением зрения города Магнитогорска»⁴;
- «Не допустите начала промышленного забоя тюленей!»⁵;
- «Фонд социального страхования, прекратите попытки: выдайте мне специальную инвалидную коляску, положенную законом»⁶.

---

¹ Волонтеров, помогающих врачам в борьбе с коронавирусом, оставляют умирать на полу. URL: <https://www.change.org/p/%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² Помогите Эле оказаться в любящей приемной семье, а не в доме инвалидов! Поддержите обращение к высшим властям России. URL: <https://www.change.org/p/%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B3%> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

³ Сохраним поликлинику для бездомных людей! URL: <https://www.change.org/p/%D1%81%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

⁴ Возобновите лечение детей в детском саду № 132 для детей с нарушением зрения города Магнитогорска. URL: <https://www.change.org/p/%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D0%> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

⁵ Не допустите начала промышленного забоя тюленей! URL: <https://www.change.org/p/%D0%BD%D0%B5> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

⁶ Фонд социального страхования, прекратите попытки: выдайте мне специальную инвалидную коляску, положенную законом. URL: <https://www.change.org/p/%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

При этом эксперты отмечают, что петиции, связанные с «недовольством действиями властей на федеральном или муниципальном уровне, отставкой крупного чиновника, изменением законодательства, несогласием с решением суда, запретом какой-либо распространенной практики»¹, подавать нет смысла, так как они не привлекут внимание общественности и не окажут воздействие на нужный субъект.

2. Порталы «Российская общественная инициатива» (<https://www.roi.ru/>)² и «Петиции Президенту РФ Путину» созданы органами власти. Как пишут эксперты, сбор подписей идет очень медленно из-за длительного процесса регистрации (например, change.org привязаны к ВКонтакте и не требуют официальной регистрации, за что их критикуют в накрутке голосов). Вторым барьером является экспертная рабочая группа при правительстве, которая определяет целесообразность петиции, соответствующей критериям отбора. Эксперты отмечают низкий уровень эффективности данного ресурса³. Зарубежные

---

¹ Почему онлайн-петиции на Change.org не имеют юридической силы. URL: <https://360tv.ru/news/obshchestvo/pochemu-onlajn-peticii-na-changeorg-ne-imeyut-yuridicheskoy-sily-69008/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² Правовое регулирование указанного института осуществляется Указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183, утвердившим Правила рассмотрения обозначенных общественных инициатив. Поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на интернет-ресурсе получила: не менее 100 тыс. голосов граждан – в поддержку инициативы федерального уровня; не менее 5 % голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации (для субъектов Российской Федерации с численностью населения более 2 млн чел. – не менее 100 тыс. голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации), – в поддержку инициативы регионального уровня; не менее 5 % голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования, – в поддержку инициативы муниципального уровня. Платформа РОИ работает с 2013 г.

³ Принятые инициативы: 2013 г. – Вернуть минимально допустимый уровень содержания алкоголя в крови водителя (сохранена орфография автора инициативы); 2013 – Изменить надпись на фасаде Ледового Дворца имени Капустина Сергея Алексеевича (город Ухта) с «Ледовый Дворец» на «Ледовый Дворец имени Капустина Сергея Алексеевича» (муниципальная инициатива); 2014 – Запретить увеличение звука при рекламе на телевидении; 2014 – Перечислять зарплату в банк, выбранный сотрудником, а не работодателем; 2015 – Организовать пешеходный переход на перекрестке улиц Удмуртской, Буммашевской и Воткинского шоссе в городе Ижевске (муниципальная инициатива); 2018 — Высадить деревья взамен погибших на улице Вилоновской в городе Самаре (муниципальная инициатива); 2018 – Отменить Постановление Правительства Республики Дагестан № 344 от 22.11.2016 г. (региональная инициатива).

исследователи считают, что петиции – это некий вид «политического волонтерства» и «решающее значение имеет способность петиционеров оказаться с правильной петицией в правильное время в правильном месте»¹. Поэтому сеть петиций может оказать решающее воздействие на конструирование новой социально-политической повестки. Как отмечает О.Н. Дедюлина, вопрос о том, в какой степени петиции, подаваемые через электронные порталы, эффективны в решении социальных проблем и как их воздействие соотносится с влиянием других факторов (активность СМИ, общественное мнение и др.), остается открытым². Поэтому важно рассматривать ответ на этот вопрос в контексте технологий конструирования социально-политической повестки дня, так как все факторы здесь работают с синергетическим эффектом.

Краудсорсинговые инициативы достаточно распространены в России и его технологические возможности с каждым годом расширяют спектр взаимодействия власти и граждан в решении важных общественно значимых проблем: от мониторинга локальных проблем отдельных территорий до разработки комплексных решений по преодолению негативных последствий пандемии коронавируса³, что способствует консолидации гражданского сетевого сообщества⁴. Начиная с 2010 г. краудсорсинг и массовые гражданские инициативы в России преимущественно институционализировались в сферах:

- разработки карт интерактивной помощи во время стихийных бедствий (для решения проблем лесных пожаров в европейской части РФ; помощь пострадавшим от наводнения в г. Крымск Краснодарского края; помощь пострадавшим в период холодов и т.д.);

---

¹ Цит. по <https://www.swissinfo.ch/rus/%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%D0%B4%D0%B5%D> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² Демушина О.Н. Порталы электронных петиций как форма взаимодействия институтов власти и граждан в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 176–181.

³ Соколов А.В., Комаров О.Е. Цифровые платформы обратной связи... ; Комаров О.Е., Соколов А.В. Перспективы развития краудсорсинга...

⁴ Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. № 3. С. 21–28.

- разработки карт и Интернет-приложений мобилизации волонтеров («Виртуальная Рынды») и борьбы с коммунальными проблемами в сфере ЖКХ в российских городах («Росяма», «Дом, двор, дороги» и др.).

Наибольшую эффективность краудсорсинг демонстрирует именно в условиях чрезвычайных ситуаций. В 2020–2022 гг. самым крупным краудсорсинговым проектом в масштабах всего мира стал поиск решения по вакцине от коронавирусной инфекции.

Одной из разновидностей краудсорсинга являются краудфандинговые проекты. В январе 2022 г. в помощь трехлетнему краснодарцу Марку Угрехелидзе общественным активистам при помощи социальных сетей, двухчасового благотворительного стрима спортивного комментатора Василия Уткина, благотворительного взноса екатеринбургского политика Евгения Ройзмана¹ удалось собрать 121 млн р. на препарат иностранного производства «Золгенсма», необходимый для лечения ребёнка. Федеральный консилиум врачей вынес решение о «нецелесообразности лечения» данным препаратом². По мнению Евгения Ройзмана, отказ был связан с лоббистскими интересами чиновников, заинтересованных в расходовании бюджетных средств, выделяемых на лечение детей с тяжёлыми заболеваниями³. Данный случай получил большой резонанс в социальных сетях и СМИ. В феврале 2022 г. из-за давления общественного мнения и актуализации данного вопроса в социально-политической повестке дня (стали всплывать другие случаи отказа в применении зарубежного препарата, подтверждающие точку зрения Е. Ройзмана) Прокуратура Краснодарского края начала проверку. В марте мальчика госпитализировали и в апреле 2022 г. сделали инъекцию препаратом «Золгенсма», закупленным государственным фондом «Круг добра». Данный кейс показывает сочетание технологий краудфандинга и блогеров для конструирования социально-политической повестки.

---

¹ Признан в РФ иностранным агентом.

² «Нецелесообразно». Люди собрали 121 млн рублей на лечение мальчика из Краснодара, а медики не разрешили купить лекарство. URL: <https://93.ru/text/health/2022/02/03/70421168/>

³ «Люди возмущены, вся страна собирала». Ройзман – об отказе на закупку лекарства для мальчика из Краснодара. URL: <https://93.ru/text/health/2022/02/03/70421525/>

Метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ. Самый масштабный кейс метаосвещения онлайн- и офлайн-СМИ как технологии конструирования социально-политической повестки дня связан с протестами в сквере Екатеринбурга. Речь идет о массовых акциях протеста в сквере на Октябрьской площади Екатеринбурга против строительства храма Святой Екатерины в марте-июне 2019 г., протестные действия заключались в виде флешмобов (снос строительных заборов на площадке) и столкновений с охраной места застройки, полицией и Росгвардией. После рассказа о протестах на форуме Общероссийского народного фронта Президент В.В. Путин предложил провести опрос и публично решить вопрос о возможном месте строительства храма. Локальный случай стал международным в результате моментального и массового освещения: на федеральных телеканалах¹, в зарубежных СМИ², в социальных сетях и блогах³. В результате массовых протестов, метаосвещения в СМИ и вмешательства президента в конце 2019 г. жители Екатеринбурга путем голосования выбрали новое место для строительства храма.

В 2020 г. СМИ также продолжали поднимать вопрос о екатеринбургских протестах: в сентябре 2020 г. «Российская газета» привела екатеринбургский кейс для сравнения с конфликтом вокруг воронежского природного парка «Северный лес»⁴. В октябре 2020 г. «Радио “Свобода”» называло задержания в сквере Екатеринбурга в 2019 г. примером нарушения свободы собраний наравне с «мусорными» протестами в Шиесе и московскими протестами 2019 г.

Блоговолны в интернет-пространстве. Кейс связан с политикой в сфере здравоохранения. В 2018–2019 гг. двум женщинам были предъявлены почти одинаковые обвинения в связи «с покупкой и продажей матерью ребенка с

---

¹ «Первый канал», «Россия 1» и др., и в федеральных СМИ (ТАСС, «Интерфакс», РБК, «Ведомости», «Коммерсантъ», «Комсомольская Правда», «Известия» и др.).

² «Радио “Свобода”», Deutsche Welle, Associated Press, BBC, The New York Times, Fox News и др.

³ Комментарии экспертов и политологов, среди которых Е.Н. Минченко, К.Н. Костин, В.Д. Соловей, М.Ю. Виноградов, Д.И. Орлов, А.Р. Галлямов и др.

⁴ В Воронеже разгорелись страсти вокруг природного парка «Северный лес». URL: <https://rg.ru/2020/09/15/reg-cfo/v-voronezhe-razgorelis-strasti-vokrug-prirodnogo-parka-severnoy-les.html> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

эпилепсией незарегистрированного в РФ и внесенного в списки психотропных веществ лекарства фризидум». Московской таможней были возбуждены уголовные дела. Лидия Мониава, директор детского хосписа «Дом с маяком», в социальных сетях опубликовала пост с объяснением сложившихся ситуаций: зарегистрированные в России лекарства не оказали помощи тяжелобольным детям, матери каждого ребенка приняли решение заказать по почте лекарство, не зарегистрированное в России. Пост поднял блогволну в социальных медиа и вызвал реакцию в Кремле¹ и в партии «Единая Россия»². В 2019 г. в результате блогволны и реакции на нее официальных лиц вопрос попал в социально-политическую повестку, и Президент РФ 27 декабря 2019 г. подписал Закон о ввозе незарегистрированных психотропных и наркосодержащих лекарств и порядке определения взаимозаменяемости препаратов. Согласно данному закону в 2021 г. регионы РФ закупили фризидум, чтобы родители больных детей не нарушали закон и не подвергались уголовному преследованию из-за заказов данного препарата по почте.

Топовая тема, отвечающая запросам общественного мнения. В 2020–2021 гг. основной топовой темой была пандемия и вклад волонтеров в борьбу с вирусом. Главными направлениями добровольческой деятельности стали помощь врачам и медицинским организациям, поддержка социально уязвимых категорий граждан (пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, многодетные семьи и др.). В РФ были организованы волонтерские проекты и акции (например, #МыВместе, 2020 г.). Они продемонстрировали потенциал гражданской

---

¹ «Это действительно вызывает беспокойство. Понятно, когда речь идет о каких-то злоупотреблениях, но в данном случае речь идет о матери больного ребенка. Это вызывает серьезную обеспокоенность», – заявил пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков (цит. по: В Кремле обеспокоены. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/v-kremle-obespokoeny-v-er-trebuyut-proverki-reaktsiya-na-delo-eleny-bogolyubovoj/>).

² Депутат Государственной Думы (фракция «Единой России») Михаил Старшинов направил запрос Генеральному прокурору РФ Юрию Чайке с просьбой провести проверку законности и обоснованности задержания матери тяжелобольного ребенка Елены Боголюбовой, которая подозревается в контрабанде психотропных веществ. (Цит. по: В Партии просят Генпрокуратуру провести проверку законности задержания матери тяжелобольного ребенка. URL: <https://er.ru/activity/news/v-edinoj-rossii-prosyat-genprokuraturu-provesti-proverku-zakonnosti-zaderzhaniya-materi-tyazhelobolnogo-rebenka>).

солидарности, объединив более 15 млн. человек. Одним из результатов пребывания этой темы в повестке дня стало развитие цифровой инфраструктуры – платформы ДОБРО.РУ, созданной на федеральном уровне. Был также запущен ряд благотворительных акций, направленных на поддержку социальных групп, находящихся в зонах риска («Новый год – в каждый дом» и др.). Еще один эффект от вхождения темы волонтерства в повестку дня – привлечение в ряды волонтеров людей старших возрастов, а не только молодежи.

Таблица 3 – Технологии конструирования повестки дня сетевыми акторами и результаты для социальной сферы

Уровни актуализации потенциала субъектности сетевых акторов социальной политики	Типы сетевых сообществ и сетевых акторов	Технологии конструирования и / или влияния на повестку дня	Результаты
Латентный уровень	Социально-дискурсивные онлайн-сообщества	Топовая тема, отвечающая запросам общественно о мнения Блогеров в Интернет-пространстве Краудфандинговые проекты	Решение повседневных задач здравоохранения и образования на низовом и локальном уровнях (закупка медицинских препаратов под индивидуальные потребности граждан; строительство социальной инфраструктуры под коллективные запросы граждан)
Субкультурный уровень	Гражданско-дискурсивные онлайн-сообщества	Блогеры в интернет-пространстве Метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ Краудфандинговые проекты	Формирование ценностей, смыслов, культурно-идеологических компонентов (формирование идеологии многодетной семьи в публичном пространстве; инклюзия социально уязвимых групп в городское пространство), финансирование

Уровни актуализации потенциала субъектности сетевых акторов социальной политики	Типы сетевых сообществ и сетевых акторов	Технологии конструирования и / или влияния на повестку дня	Результаты
			гражданских проектов (сбор пожертвований на решение социальных вопросов и проблем)
Уровень политической институционализации	Социально проактивные онлайн-сообщества Политически проактивные онлайн-сообщества	Институт коллективных петиций Краудсорсинговые инициативы Блоговолны в интернет-пространстве Метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ	Изменение в институциональном и инфраструктурном измерениях социальной политики (формирование НКО социальной направленности; интеграция гражданских активистов в экспертные советы при органах управления социальной сферой локального и регионального уровней)

Сетевые онлайн-сообщества – это новые акторы социальной политики, их возникновение и функционирование стало возможным благодаря развитию интернет-пространства и проникновению цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства. Как видно из таблицы 1, сетевые онлайн-сообщества конструируют цифровую социально-политическую повестку дня на трех уровнях (латентном, субкультурном, уровне политической институционализации) посредством таких технологий, как коллективные петиции, краудсорсинговые инициативы, краудфандинговые проекты, блогволны в интернет-пространстве, метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ, топовая тема, отвечающая запросам общественного мнения. В результате конструирования и/или встраивания в цифровую социально-политическую повестку сетевые акторы решают повседневные задачи здравоохранения и образования на низовом и

локальном уровнях: органы власти или некоммерческие фонды осуществляют закупку медицинских препаратов под индивидуальные потребности граждан; организуется строительство социальной инфраструктуры под коллективные запросы граждан. На субкультурном уровне конструирования повестки дня сетевые акторы формируют ценности, смыслы и культурно-идеологические компоненты социальной политики. Так формируется идеология многодетной семьи в публичном пространстве и происходит инклюзия социально уязвимых групп в городское пространство; финансируются гражданские проекты, а также организуется сбор пожертвований на решение социальных вопросов и проблем. Актуализация сетевых акторов на институциональном уровне и конструирование повестки на этом уровне приводят к изменениям в институциональном и инфраструктурном измерениях социальной политики: образуются НКО социальной направленности; гражданские активисты интегрируются в экспертные советы при органах управления социальной сферой локального и регионального уровней. Как показало эмпирическое исследование, сетевые акторы в условиях цифровизации становятся драйверами социальных трансформаций и эффективными субъектами публичной социальной политики в современный период развития России.

Таким образом, мы рассмотрели субъектов социальной политики и выделили среди них сетевых акторов. Сетевым акторам за счет использования таких технологий, как институт коллективных петиций, краудсорсинговые инициативы, краудфандинговые проекты, блогеров в интернет-пространстве, метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ и использование топовых тем, отвечающих запросам общественного мнения, удастся конструировать формирование социально-политической повестки дня и влиять на данное формирование. Результатом такого конструирования и влияния становится изменение поля социальной политики в сторону модернизации, оптимизации и заполнения нормативно-правовых, институциональных и инфраструктурных лакун. Помимо этого, социальную поддержку и помощь получают группы граждан, которые по тем или иным причинам выпали из поля действия государственных социальных программ. Еще

одним результатом действия сетевых акторов становится формирование новых смыслов и развитие человеческих ценностей в пространстве социальной политики, что доказало проведенное кейс-стади.

2.3 Механизмы межсекторного взаимодействия в решении проблем в сфере социальной политики

Формирование новой практической модели социальной политики в современной России происходит в условиях не только глобальных социальных вызовов. Существенными факторами, влияющими на инкорпорирование в практику выработки и реализации социальной политики новых институтов и инструментов, стали национальные вызовы РФ, среди которых: экономический кризис, вызванный санкционными ограничениями по отношению к РФ; присоединение Крыма и Севастополя в качестве субъектов РФ и создание условий для их успешной интеграции и развития; признание независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, осуществление комплексной поддержки жителей республик и т.д. В условиях возрастающей социальной нагрузки политическое руководство РФ в большей степени сосредоточивает свои ресурсы на уязвимых категориях населения и различных мерах социальной поддержки. Ресурсы для осуществления социальных инвестиций в человеческий капитал в контексте достижения устойчивого развития и публичной социальной политики государства находятся в пространстве сетевого взаимодействия субъектов, представляющих государственный, коммерческий и некоммерческие секторы. При этом приоритетами такой преобразовательной социальной политики, направленной на развитие человеческого капитала как ресурса инклюзивного экономического роста, являются образование, здравоохранение и социальное обслуживание¹.

---

¹ Овчарова Л.Н. Опасность неравенства: нашим детям грозит бедность. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/362011-opasnost-neravenstva-nashim-detyam-grozit-bednost> (дата обращения: 23.06.2022 г.); Никовская Л.И., Молокова М.А. Социальное государство

К институциональным формам данного сетевого взаимодействия относится межсекторное социальное партнерство. Обобщение современных подходов к исследованию межсекторного взаимодействия в социальной сфере¹ позволило выделить следующие его характеристики:

– взаимодействие двух и более субъектов, принадлежащих к различным секторам, включая их гибридные разновидности (например, государственные корпорации, социальные предприятия, корпоративные университеты, корпоративные благотворительные фонды и др.) для достижения социальных приоритетов развития, коллективной минимизации рисков и получения выгод от совместной деятельности;

– определение целей создания и развития партнерства, планируемых к достижению результатов, норм и процедур взаимодействия субъектов, закрепленных в институциональных соглашениях и определяющих его организационные формы;

– интеграция организационных форм межсекторного социального партнерства в институциональный дизайн управления социальной сферой в рамках конкретного региона или муниципального образования;

– использование широкого арсенала технологий, способствующих решению социальных проблем территорий и закреплению социальных инноваций в практической реализации социальной политики.

Интеграция ресурсов субъектов межсекторного взаимодействия, а также широкие возможности в использовании инновационных технологий позволяют решать неформатные для государства социальные проблемы и отвечать на

и социальная политика: вызовы для некоммерческого сектора // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 74–79.

¹ Акрамовская А.Г. Межсекторное социальное партнерство в России: состояние, механизмы, стратегии и управление развитием в регионах: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007; Бородина А.В. Социальное партнерство как общественно-исторический феномен и принцип регулирования взаимоотношений социальных групп: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2005; Патрушев В.И., Горбунова Г.Д. Межсубъектное социальное партнёрство в Республике Башкортостан: этапы эволюции и основные акторы // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 63–69; Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М.: Институт системного анализа РАН, 2004.

социальные вызовы путем сопроизводства общественных благ, способствуя росту их разнообразия и повышения качества за счет новых или значительно улучшенных продуктов и решений. При этом субъекты межсекторного взаимодействия имеют разный ресурсный потенциал и функциональные роли, которые в совокупности дают синергетический эффект в решении социальных проблем и повышают способность различных акторов негосударственного сектора к самоорганизации¹. Государство проектирует институциональное пространство взаимодействия бизнес-структур, некоммерческих организаций и инициативных граждан, делегирует им часть своих полномочий. Вовлекая стейкхолдеров и самих потребителей общественных благ в их производство, органы государственной власти и местного самоуправления изменяют процесс планирования, организации и реализации задач в сфере социальной политики². Сопроизводство общественных благ, основанное на сетевых ресурсах межсекторного партнерства, делает управление в социальной сфере более чувствительным к изменениям в социально-экономической сфере и запросам граждан, так они участвуют в определении того, «что должно быть произведено, для кого и каким образом»³.

Бизнес-структуры, вступая в межсекторное партнерство, предоставляют, прежде всего, ресурсы для решения социальных проблем местных и региональных сообществ, разделяя ответственность со стейкхолдерами компании за обеспечение качества жизни населения. Сложившиеся практики корпоративной социальной ответственности показывают, что бизнес может реализовывать ее двумя способами в зависимости от своих экономических интересов⁴:

---

¹ Moore M., Harley, J. Innovations in Governance // *Public Management. Review.* 2008. Vol. 10, № 1. P. 3–20.

² Grimma R., Foa C., Baines S., Albertson K. Social Innovation, an Answer to Contemporary Societal Challenges? Locating the Concept in Theory and Practice // *Innovation: The European Journal of Social Science Research.* 2013. Vol. 26, № 4. P. 436–455.

³ Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2015. № 2. С. 29–52.

⁴ Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // *Harvard Business Review.* 2006. № 84(12). P. 76–92; Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

а) реагируя на запросы стейкхолдеров и граждан, тем самым смягчая негативные последствия от своей деятельности путем социальных издержек;

б) инвестируя в решение системных проблем целевых групп общественности, способствуя не только созданию долгосрочных конкурентных преимуществ, но и развитию человеческого и социального капитала территорий.

Некоммерческие организации, представляя интересы благополучателей, являются проводниками уникальных, нетипичных социальных запросов групп населения, которые охватываются развитой инфраструктурой гражданского общества. Такое целевое социальное представительство в производстве общественных благ позволяет обеспечить соответствие их потребностям граждан. Стабильность и одновременно гибкость деятельности некоммерческих организаций обеспечивает диверсифицированная ресурсная база (грантовое и целевое финансирование, благотворительные пожертвования, безвозмездный добровольческий труд и т.д.), а также возможности для мобилизации общественности или стимулирования индивидуальной социальной ответственности граждан.

В современной России можно говорить о формирующихся практиках межсекторного партнерства в социальной сфере, которое имеет разные формы практической реализации (государственно-частное как партнерство органов власти различного уровня и бизнеса; государственно-общественное как партнерство органов власти и организаций добровольно-общественного сектора, частно-общественное как взаимодействие бизнеса и структур гражданского общества)¹. Данные институциональные формы базируются в своей деятельности на наборе механизмов межсекторного взаимодействия и демонстрируют успешный опыт решения комплекса проблем (в сферах поддержки семьи, детства и молодежи,

---

¹ Ясницкая Я.С., Роднянский Д.В. Межсекторное взаимодействие и его роль в развитии регионов России // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 104–106.

образования и науки, рынка труда и занятости, культуры и спорта и др.). К числу наиболее распространенных механизмов можно отнести следующие¹:

– механизм вынужденной социальной ответственности, – основанный на квази-сотрудничестве государства и корпоративного бизнеса, когда социальные расходы осуществляются бизнес-структурами под давлением государства в обмен на предоставление определенных ресурсов;

– организационно-структурный механизм, который связан с созданием и функционированием институциональных структур в социальной сфере, которым делегируются финансовые ресурсы (государства или бизнеса) для решения социально значимых задач посредством вовлечения структур гражданского общества, сообществ граждан и их отдельных представителей;

– конкурсный механизм, обеспечивающий распределение финансовых ресурсов определенного субъекта межсекторного взаимодействия на производство общественных благ между другими субъектами на конкурентной основе, на основе оценки их инновационности, ресурсобеспеченности, успешности практического опыта;

– экспертно-консультационный механизм, актуализирующий экспертный потенциал субъектов негосударственного сектора посредством институциональных (общественные палаты, экспертные и общественные советы, координационные комитеты) и процедурных форм (общественные слушания, общественная экспертиза, мониторинг социально-экономического развития и социально-политической напряженности, экспертные оценки и т.д.) в процессе выработки и реализации стратегических и конфликтных/спорных решений в социальной сфере;

– коммуникативно-информационный механизм, представляющий собой публичные площадки в офлайн- и онлайн-среде публичного пространства (гражданские форумы, постоянно действующие сетевые ресурсы и др.), на которых

---

¹ См.: Социальная политика бизнеса в российских регионах: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2005; Якимец В.Н. Социальное партнерство в России: исследования, механизмы, опыт // Социальное партнерство. Российский опыт. 2000. СПб.: Интерлэнт, 2001.

происходит выработка социальной повестки, способов решения социальных проблем, обмен нематериальными ресурсами между субъектами межсекторного взаимодействия и гражданами;

– социально-технологический механизм, основанный на выработке инновационных организационных и технологических решений социальных проблем, выгодно отличающихся по эффективности использования ресурсов субъектов межсекторного взаимодействия и качеству результатов;

– гибридный механизм, основанный на комбинации нескольких перечисленных институциональных механизмов, воплощенных в одном проектном формате.

В современной российской практике в ряде отраслевых сегментов социальной политики межсекторное взаимодействие приобретает системный характер, основанный на комплексе институциональных механизмов. В сфере высшего образования и науки таким примером может служить государственная программа Министерства науки и высшего образования РФ «Приоритет 2030», стартовавшая в 2021 г. Суть программы – создание пула национальных университетов (в том числе научно-исследовательской и регионально-отраслевой направленности), обеспечивающих производство фундаментального научного знания, технологий и практических разработок для их внедрения в реальный сектор экономики и сферу социального управления¹. Проектирование треков развития вузов, согласно проектной документации программы², осуществлялось на консорциумной основе с разнообразными субъектами в зависимости от выбранного трека. Вузы, которые выбрали путь научно-исследовательского лидерства, основываются на партнерстве с академическими структурами (отделениями Российской академии наук, профильными научно-исследовательскими институтами). В треке отраслевое и региональное лидерство

---

¹ Приоритет 2030. Официальный сайт государственной программы. URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 729. URL: <https://base.garant.ru/400793960/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

обеспечивается взаимодействием с крупными промышленными партнерами, бизнес-структурами, представляющими сферу цифровой экономики при поддержке региональных органов власти. Такой тип партнерства по своим стратегическим целям и ожидаемым результатам ориентирован на создание новых кластеров экономики, в которые интегрируются кадры с новыми компетенциями и новейшие технологические разработки российских ученых. Университеты, участвующие в треке отраслевого и (или) регионального лидерства, становятся драйверами социально-экономического развития, способствуя производству и диффузии инноваций, трудоустройству выпускников, в том числе талантливых иностранных студентов в регионе. Важно, что организационно-структурный механизм как управление консорциумами в программе развития университетов обеспечивает реализацию образовательных (подготовка кадров в системе непрерывного образования на основе сетевого взаимодействия), научно-исследовательских, инновационных, социально-просветительских, инфраструктурных и других проектов вуза и партнеров.

Особым сегментом межсекторного взаимодействия в условиях цифровизации становится сфера труда и занятости. С одной стороны, цифровые технологии дают человеку свободу выбора формы занятости во времени и пространстве, появился даже специальный термин для обозначения тех, кто постоянно работает удаленно, активно перемещаясь при этом по миру – неономады (буквально – новые кочевники). С другой стороны, цифровые технологии быстро и легко масштабируются, создавая тенденцию сжатия рынка труда и порождая структурную безработицу. По прогнозам экспертов, в обозримом будущем основной формой занятости будет «работа в облаке»¹.

Объединить усилия власти и бизнеса в поддержке занятости в условиях цифровизации экономики призван форум «Труд и занятость» как коммуникативно-

---

¹ Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2019. № 4. С. 166–181. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180

информационный механизм многостороннего межсекторного партнерства по программам опережающего обучения¹. Его основными организаторами выступают Комитет по труду и занятости и Центр занятости населения Санкт-Петербурга. В центре повестки дня форума 2021 г. были проблемы масштабирования новой модели кадрового обеспечения на основе цифрового двойника рынка труда и подготовки кадров для цифровой трансформации². Несмотря на сложные условия пандемии, в Санкт-Петербурге благодаря программам опережающего обучения удалось заполнить более 80 тыс. вакансий.

На форуме обсуждалась новая модель кадрового обеспечения. В разработке этой модели участвуют представители власти, бизнеса и образовательных организаций, а также несколько компаний и организаций: Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, Центр занятости населения, Фонд инфраструктурных и образовательных программ (группа РОСНАНО), Политех, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и Агентство по развитию человеческого капитала в Северо-Западном федеральном округе. Шесть команд, представляющих самые высокотехнологичные предприятия города, предложили проекты отработки и масштабирования новой модели, решив такие проектные задачи, как создание центра диверсификации на основе сервисов технопарка, стратегии вывода на рынок услуги по разработке продуктов с использованием цифровых двойников и др.

Примером государственно-общественного партнерства в сфере науки становятся практики поддержки научных проектов, реализованные на основе конкурсных механизмов. Например, в течение трех лет федеральное бюджетное учреждение «Российский фонд фундаментальных исследований» совместно с автономной некоммерческой организацией «Экспертный институт социальных исследований» осуществляло отбор и поддержку научно-исследовательских

---

¹ Только в 2020 г. было заключено более 100 договоров на обучение, в том числе с такими экономическими субъектами, как НИИ «Вектор», «Петербургтеплоэнерго», «Из-Картэкс имени П.Г. Коробкова», РЭПХ, АО «Концерн Океанприбор», ООО «Леруа Мерлен Восток», ЗАО «Телрос», АО РСК, АО «Равенство».

² URL: <https://plus.rbc.ru/news/5fdc50287a8aa9a39e1adf81>

проектов в сфере общественно-политических наук¹, по результатам реализации которых предложенные практические рекомендации и технологии, направленные на решение актуальных социальных и политических проблем, использовались в практике государственной власти.

Ряд субъектов Российской Федерации для обеспечения инновационного развития в региональном научно-образовательном комплексе создает новую организационную структуру в виде некоммерческой организации, через которую осуществляется поддержка наиболее перспективных научно-исследовательских и инновационно-технологических разработок. Примером такого государственно-общественного партнерства является деятельность унитарной некоммерческой организации «Кубанский научный фонд» в Краснодарском крае. Созданный в 2019 г. фонд стал оператором научно-исследовательской и научно-технической деятельности в регионе, интегрируя учреждения высшего образования, научные организации и промышленные предприятия для решения задач не только региона, но и страны в целом (например, участвуя в реализации федерального проекта «Наука»)². Кубанский научный фонд финансирует проекты фундаментальных исследований по приоритетным научным направлениям развития Краснодарского края (в том числе совместно с Российским научным фондом), проекты поддержки молодых ученых под руководством ведущего научного ученого (наставника), а также междисциплинарные проекты, ориентированные на задачи предприятий и коммерциализацию инновационных разработок.

Новыми формами общественно-частного партнерства в сфере науки стали гражданская наука и научное волонтерство³, которые используют коллективную

---

¹ Конкурсная поддержка фундаментальных научно-исследовательских работ, призванная построить новые отношения между учеными и государством // Российский фонд фундаментальных исследований. Официальный сайт. URL: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/contest> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² О Кубанском научном фонде: Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30 октября 2019 г. № 366-Р // https://www.kubsf.ru/_files/ugd/c5effb_827d66d328894503b0ac9397f89865e7.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.).

³ Волкова А.В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования. 2019. № 1. С. 41–50.

силу сообществ и общественности для определения вопросов исследования, сбора и анализа данных, интерпретации результатов. Гражданская наука (англ. *Citizen science*) предполагает широкое использование труда добровольцев, в том числе и не имеющих навыков научного исследования или соответствующей профессиональной подготовки, для сбора или анализа данных, а иногда и для их объяснения и интерпретации.

Термин «гражданская наука» впервые был использован Аланом Ирвином в 1995 г. в названии книги, в которой обсуждались вопросы объединения усилий граждан и ученых для решения экологических проблем¹. Термин «гражданская наука» использовался в узком смысле как попытка демократизации науки путем вовлечения граждан в качестве исследователей. В дальнейшем ряд ученых, продолжая подчеркивать возможности гражданской науки в контексте влияния граждан на политику, предоставляли модели более партисипативных форм производства знаний и формирования политики².

Цифровизация общества позволила значительно расширить сферы применения гражданской науки и сделать заметными усилия и труд научных волонтеров. Последние на основе взаимодействия в форматах специализированных электронных ресурсов не только помогают решать научные задачи, но в некоторых случаях становятся соавторами публикаций вместе с профессиональными учёными³. Применение новейших гаджетов и способов передачи информации позволило качественно изменить труд научных волонтеров практически во всех видах деятельности – сбор информации, наблюдение за объектами живой природы, интервьюирование людей, первичная обработка данных.

---

¹ Irwin A. *Citizen Science*. London: Routledge.1995.

² Fischer F. *Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge*. Duke University Press, 2000; Ottinger G. *Buckets of Resistance: Standards and the Effectiveness of Citizen Science // Science, Technology, & Human Values*, 2010. № 35(2). P. 244–270. DOI: 10.1177/0162243909337121.

³ Борисова-Сале А. Гражданская наука в действии: как ученые-любители помогают исследовать COVID-19, дикую природу и другие галактики. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/414229-grazhdanskaya-nauka-v-deystvii-kak-uchenye-lyubiteli-pomogayut-issledovat-covid-19> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

Гражданская наука активно развивается в России, демонстрируя растущий потенциал межсекторного взаимодействия. 1 октября 2020 г. Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки (АКСОН) запустила первую российскую платформу проектов гражданской науки – citizen-science.ru (проект «Люди науки»). За время, прошедшее с начала работы над проектом «Люди науки», научное волонтерство намного популярнее. Можно выделить разные типы взаимодействия: научного сообщества и организаций гражданского общества, научного сообщества, бизнеса и организаций гражданского общества. В качестве примеров можно привести наиболее впечатляющие проекты в разных отраслях знания: «Пыльца Клуб», сообщество аллергиков, которые собирают информацию о цветении растений и состоянии здоровья людей, страдающих аллергией; пациентский проект – неформальная группа добровольцев-испытателей вакцины «Спутник V»; психологический проект исследования жизнеспособности молодежи и подростков в 13 странах мира¹.

Интересен опыт развития проектов гражданской науки в Арктике и Антарктиде, в которых участвуют ученые, туристы и члены экипажей туристических судов². На основе методов гражданской науки было проведено междисциплинарное исследование по выявлению представлений жителей Мурманской области об изменениях климата и предположительно связанных с ними изменениях биоразнообразия в этом регионе. Ярким примером применения методов гражданской науки в Арктике стала организация народного мониторинга по обе стороны Берингова пролива в 2006–2010 гг. С помощью интервьюирования и документации экологических знаний местных жителей были выявлены

---

¹ Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Гражданская наука в социально-психологических исследованиях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4(16). С. 43–70.

² Астафурова А.В. Вспомогательные инструментариумы полярных исследований: развитие гражданской науки с помощью индустрии морского туризма // Российская Арктика. 2021. № 13. С. 40–61. DOI: 10.24412/2658-4255-2021-2-40-61

воздействия потепления климата на приморские и континентальные биогеоценозы¹.

Многочисленные кейсы исследований, проведенных с использованием методов гражданской науки как в России, так и за рубежом, показали, каков реальный синергетический эффект для всех участников межсекторного взаимодействия – ученых, волонтеров, государства и бизнеса. Гражданская наука стимулирует поиск новых тем исследований и проверяет практическую значимость полученных результатов, она формирует новую социальную роль ученого, создавая новые интерфейсы для внедрения результатов научных исследований в различные сферы жизнедеятельности. Волонтеры не только получают новые знания и практические навыки, но и удовлетворяют потребности в самореализации и общественном признании. Для органов публичного управления важно, что гражданская наука облегчает принятие управленческих решений благодаря личному участию и научному вкладу значительного числа людей, что способствует социальной солидарности и укреплению стабильности общества.

Волонтерство становится распространенной формой общественно-частного партнерства и государственно-общественно-частного партнерства в решении разнообразных проблем практически всей социальной сферы, в которой развиваются индивидуальная ответственность граждан, практики их вовлечения в создание нового дизайна общественных благ и их производство². Цифровизация способствует рекрутированию широких слоев населения в конкретные волонтерские практики и их тиражированию. Особенно актуализация индивидуальной ответственности граждан проявляется в условиях социальных кризисов и чрезвычайных ситуаций. В России всплеск социальной активности граждан произошел в 2010–2012 гг. при распространении пожаров, которые

---

¹ Рябова Л.А., Ключникова Е.М., Боровичев Е.А., Маслобоев В.А. Гражданская наука как инструмент информационного обеспечения принятия решений в российской Арктике в условиях изменения климата // Север и рынок. Формирование экономического порядка. 2020. № 3. С. 40–55. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.003

² Башева О.А., Ермолаева П.О. Волонтеры в экстремальных ситуациях: исследовательское поле // Вестник Института социологии. 2020. № 32. С. 49–71.

охватили территории многих субъектов РФ летом 2010 г., и катастрофическом наводнении в городе Крымске Краснодарского края, дав благодаря онлайн-социальным сетям и информационно-коммуникативным технологиям новый толчок добровольческому движению в России¹.

В условиях пандемии COVID-19 особенно востребованы стали медицинское волонтерство и волонтерство взаимопомощи. Стартовав в социальных сетях как Общероссийская акция взаимопомощи «#мывместе» в 2020 г. для организации адресной помощи людям из групп риска по заболеваемости коронавирусом, в которой поддержку получили 6,2 млн жителей России, движение неравнодушных граждан стало одним из самых организованных и массовых сетевых проектов (мывместе2020.рф.) Сейчас данное сообщество представляет собой разветвленную сеть добровольческих практик, организованных совместно с бизнесом (включая малый и средний бизнес), некоммерческими организациями, социальными медиа и блогерами, сообществами гражданских инициатив. Масштабность и эффективность результатов деятельности проекта была настолько высока, что в декабре 2021 г. Федеральным агентством по делам молодежи, создателями платформы добрых дел в России «ДОБРО.РФ» была организована Международная Премия #мывместе. В ней приняли участие 26 тыс. граждан и организаций².

Медицинское волонтерство в пандемию коронавируса в России приобрело масштабный характер и стало фактором профессиональной социализации молодых медиков. Всероссийская общественная организация «Волонтеры-медики» превратилась в мощный антикризисный ресурс в условиях пандемии, когда дефицит кадров в российской системе здравоохранения проявился наиболее остро. Произошло рекрутирование в добровольческое движение и мобилизация медицинских специалистов (от начинающих до высококвалифицированных) для решения разных по степени сложности задач (от кадрового донорства,

---

¹ Очевидец: без волонтеров Крымск бы не спасли // ТАСС – официальный сайт. URL: <https://tass.ru/v-strane/4391433> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² Мывместе.рф – официальный сайт. URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/volunteers/tpost/89dopeism1-itogi-mezhdunarodnoi-premii-mivmeste-lau> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

волонтерской работы в медицинских организациях до обучения первой медицинской помощи, санитарно-профилактического просвещения и др.)¹. Еще одной практикой «Волонтеров-медиков» стала организация психологической помощи. 1,5 тыс. добровольцев круглосуточно осуществляют психологическую помощь людям по горячей линии в мессенджерах Telegram, Viber и посредством уникального чат-бота. Доказавшая свою эффективность в эпидемии COVID-19 (в период 2020–2021 гг. помощь была оказана более 2 млн россиян) с февраля 2022 г. в данном режиме получают психологическую поддержку эвакуированные жители Донбасса².

Интересный опыт межсекторного взаимодействия в сфере здравоохранения сложился в Самарской области. В 2016–2017 гг. Ассоциацией «Твой Путь» при грантовой поддержке МЭРИТ Самарской области был реализован социальный проект «Коалиция Здоровья Самарской области». В ходе проекта был проведен мониторинг социально-медицинских услуг, оказываемых СО НКО, и выявлен ряд проблем.

Сотрудники и добровольцы НКО, обладая хорошей мотивацией и практическим опытом, часто не имеют специального образования и профессиональных компетенций для оказания социально-медицинских услуг, в том числе отдельным категориям граждан (лицам с ограничениями возможностей здоровья, детям групп риска, людям пожилого возраста и т.д.). Услуги некоммерческих организаций не соответствуют стандартам профилактической медицины; не сформирован механизм доступа СО НКО к бюджетным средствам в сфере социально-медицинских услуг. Кроме того, на рынке услуг по оздоровлению присутствует большое число шарлатанов, предлагающих за большие деньги сомнительные способы улучшения здоровья. В связи с этим целесообразно развивать ресурсную деятельность по

---

¹ Волонтеры-медики.рф – официальный сайт. URL: <https://xn----ctbhcbtapdmikb4a2a0m.xn--p1ai/actions/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² Мывместе.рф – официальный сайт. URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/volunteers/tpost/jfbadegvn1-volonteri-mivmeste-pomogayut-rossiyanam> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

поддержке СО НКО, оказывающих социально-медицинские услуги, в том числе в содействии доступа некоммерческим организациям к бюджетным средствам. Для этого необходимо развивать профессиональные компетенции сотрудников и добровольцев СО НКО, выстраивать механизмы межсекторного и межведомственного взаимодействия и повышать качество социально-медицинских услуг.

Фонд развития межсекторного социального партнерства был учрежден в 2005 г. Он представляет собой социально ориентированную некоммерческую организацию, основной сферой деятельности которой является взаимодействие с коммерческими структурами и заинтересованными гражданскими сообществами, включая экспертов в данной отрасли и профессиональные медицинские сообщества, в целях развития медицинской отрасли, а также для повышения эффективности борьбы с болезнями, имеющими статус социально значимых. В обращении Фонда подчеркивается ориентация на как профессиональные сообщества, так и на объединения пациентов, стремление к усилению взаимодействия различных секторов общества. Данная организация позиционируется как ресурсный центр, работающий для развития инфраструктуры здравоохранения¹.

В России зарегистрировано около 600 тыс. ВИЧ-положительных пациентов, однако еще более полумиллиона человек не знают о том, что они являются носителями смертельного вируса и подвергают опасности себя и своих близких. 21 марта 2011 г. при поддержке компании Janssen Фонд развития межсекторного социального партнерства официально запустил веб-сайт www.arvt.ru, на котором самые актуальные данные о терапии ВИЧ доступны для врачей и пациентов на русском языке. Совместный проект Фонда и Janssen был создан с целью предоставления информации о методах профилактики, международных и отечественных стандартах, схемах лечения и современных антиретровирусных препаратах. Также на сайте работают тематические форумы для пациентов и

---

¹ Фонд развития межсекторного социального партнерства – официальный сайт. URL: <https://spdfund.org/> (дата обращения: 14.02.2022 г.).

медицинских работников, интерактивный калькулятор побочных эффектов лекарственных препаратов и более 6 тыс. их комбинаций. В течение первых недель работы сайт посетили уже более 2,5 тыс. чел., а по популярности сайт занял 2-е место в рейтинге Google.

В России также распространение получили практики межсекторного партнерства органов власти и структур гражданского общества в сфере социальной поддержки населения, что обусловлено ориентацией государства на курс по стратегическому развитию НКО и добровольческих инициатив как производителей общественных благ и поставщиков инновационных социальных услуг¹.

Одной из значимых форм государственно-общественного партнерства является система грантовой поддержки третьего сектора. На национальном уровне России с 2017 г. функционирует Фонд президентских грантов, который на конкурсной основе осуществляет финансовую поддержку некоммерческих организаций, создает условия для вовлечения в третий сектор неравнодушных и инициативных граждан, ориентированных на решение социальных проблем общества, а также формирование у них компетенций социального проектирования². На уровне субъектов РФ созданы региональные фонды, которые осуществляют селекцию инновационных и востребованных практик социальной поддержки населения. Фонд президентских грантов также участвует в «софинансировании расходов на оказание поддержки некоммерческим неправительственным организациям в субъектах Российской Федерации»³. За пять лет функционирования данной системы было поддержано 21 963 социальных проекта НКО на общую сумму более 45 млрд р. Портал «оценка.гранты.рф» представляет результаты экспертной оценки реализованных грантовых

---

¹О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022); О концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 15.11.2019 № 2705-р.

² Фонд президентских грантов – официальный сайт. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

³Фонд президентских грантов – официальный сайт. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

социальных инициатив, которые имеют инновационный характер и достигли значимых результатов в решении социальных проблем жителей регионов и муниципальных образований субъектов РФ. Например, проект «Мобильный сервис» социальных услуг в Иркутской области, который объединил опытных в сфере социального обслуживания населения» волонтеров в «мобильные бригады» и «хоспис на дому» для оказания помощи пожилым людям и инвалидам Ангарского городского округа. Данный комплекс социальных услуг стал более экономичным (в 7,4 раза меньше) аналогом услуг, оказанных в стационаре, и приближенным к индивидуальным потребностям граждан¹.

Социально ориентированные НКО наряду с социальными предприятиями помогают органам власти за счет грантов и государственных субсидий предоставлять социальные услуги, компенсируя несовершенство государственных сервисов и превращая самих граждан в активных агентов, которые становятся участниками социального партнерства по преодолению новых социальных рисков².

Крупные бизнес-структуры реализуют благотворительные программы и проекты социального инвестирования, направленные на решение социальных проблем, где расположено основное производство компании. Таким примером является Каспийский трубопроводный консорциум (КТК)³, который транспортирует нефть, добытую в Казахстане и России, до морского терминала компании в поселке Южная Озереевка (г. Новороссийск), где сырьё загружается на танкеры для отправки на мировые рынки. Поддержка Каспийским трубопроводным консорциумом социально значимых сфер жизни общества и гуманитарное развитие осуществляется в регионах и муниципальных образованиях, где пролегает маршрут магистрального нефтепровода.

---

¹ Оценка.гранты.рф – официальный сайт. URL: <https://xn--80ajpld2c.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/award/about/A847160B-1BF2-4B13-9049-62E6FF5FFC60> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

² Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (1). С. 7–22.

³ Официальный сайт КТК. URL: <https://www.cpc.ru/ru/about/Pages/default.aspx> (дата обращения: 27.02.2022 г.).

Проекты КТК играют значительную роль в развитии социальной инфраструктуры Новороссийска – крупнейшего черноморского порта России, города со значительным промышленным потенциалом. Население новороссийской агломерации превысило в 2021 г. 340 тыс. чел. Взаимодействие администрации муниципального образования город Новороссийск и акционерного общества «Каспийский трубопроводный консорциум-Р» строится на основе долговременного соглашения о сотрудничестве. В Новороссийск за годы сотрудничества инвестировано по благотворительным проектам 1,1 млрд р.¹ По сообщению генерального директора АО «КТК-Р», в 2022 г. компания готова инвестировать около 130 млн р. в проекты, которые определит муниципалитет. При этом отдельной строкой финансируется строительство Культурно-эстетического центра детей и молодёжи в Южной Озереевке. Помогает компания решить и другую актуальнейшую проблему – покупку современного оборудования для школьных пищеблоков общей стоимостью 14,4 млн р.

В период пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г., в новороссийских больницах возникла острая необходимость в аппаратах ИВЛ, и КТК оперативно ликвидировал этот дефицит. Современными медицинскими приборами укомплектовали две городские больницы, Клинико-диагностический и перинатальный центры, поликлинику № 2. В Клинико-диагностическом центре благодаря помощи КТК используются современные аппараты УЗИ экспертного класса. В Глебовском сельском округе компания много сделала для повышения жизненного уровня населения, а сейчас финансирует строительство двух фельдшерско-акушерских пунктов в сёлах Васильевке и Северной Озереевке, а также офиса врача общей практики в Южной Озереевке.

Благотворительные проекты КТК реализуются также в Астраханской и Волгоградской областях, Ставропольском крае и Республике Калмыкия. В Калмыкии компания внесла значительный вклад в укрепление медицинской

---

¹ Официальный сайт газеты «Новороссийский рабочий». URL: <https://novorab.ru/2022/02/22/v-2022-godu-ktk-v-soczialnye-proekty-novorossijska-vlozhit-130-millionov-rublej/> (дата обращения: 27.02.2022 г.).

инфраструктуры республики, передав в учреждения здравоохранения 6 новейших аппаратов ИВЛ, 7 автомобилей скорой помощи и разнообразное медицинское оборудование для госпиталя ветеранов войн¹.

Таким образом, многообразные практики многоуровневых и многосоставных межсекторных партнерств, которые интегрируются в институциональный дизайн российской социальной политики, способствуют плюрализации практик производства общественных благ и оказания социальных услуг на основе комплекса институциональных механизмов. Социальная политика государства становится более сложной и одновременно более адаптированной к индивидуальным потребностям граждан в социальной защите и обеспечении социального благополучия в условиях новых социальных вызовов и рисков. Государство в данной модели социальной политики, концентрирует свой ресурсный потенциал на обеспечении базовых социальных сервисов и программ развития человеческого капитала. Дифференцированные и кастомизированные комплексы социальных услуг создаются и реализуются в системе многоуровневых и многосоставных межсекторных партнерств, где государство выступает в роли оператора и институциональной платформы. Барьером для полноценной реализации данной институциональной модели является дефицит институционального доверия (к правилам и организациям) различных субъектов социальной политики, включая самих граждан. По данным мониторинговых исследований ФНИСЦ РАН в 2000–2020-е гг., отмечалось «превалирование недоверия к большинству (к 9 из 15) институтов управления обществом в современной России»². Успешные практики межсекторного социального партнерства формируют синергетический эффект в социальном ландшафте государства и его территорий в виде социального капитала как общественного блага, результаты которого (высокое качество услуг в сфере образования,

---

¹ Панорама. Журнал Каспийского трубопроводного консорциума. URL: <https://www.cpc-online.ru/regions/44/> (дата обращения: 17.01.2022 г.).

² Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.

здравоохранения, социального обслуживания и т.д.) может использовать любой гражданин. На уровне политического управления успешность практик межсекторного социального партнерства, как показывает опыт зарубежных государств, определяется закреплением институциональных приоритетов в стратегиях и программах социального развития и созданием постоянно действующих координационных структур, с помощью которых организуются и реализуются данные долгосрочные практики¹.

В условиях новых социальных вызовов межсекторное социальное партнерство становится важным институциональным компонентом публичной (преобразующей) социальной политики. Межсекторное партнерство представляет собой интеграцию ресурсов государственных органов власти и местного самоуправления, структур коммерческого сектора и некоммерческих организаций, а также активных граждан для совместного достижения позитивных изменений в решении социальных проблем общества в целом и отдельных сообществ. Межсекторное партнерство наиболее успешно реализуется в сегментах образования, науки, здравоохранения и социального обслуживания населения на основе гибридных, организационно-структурных, конкурсных, социально-технологических и информационно-коммуникативных институциональных механизмов в формах государственно-частного, государственно-общественного и общественно-частного партнерства. Дальнейшее развитие межсекторного партнерства как сетевого ресурса в новой модели социальной политики будет обеспечиваться формированием высокого уровня институционального доверия к институтам управления обществом. Это возможно за счет включения в практики сотрудничества по решению социальных проблем граждан, в том числе и в волонтерском формате, а также политическими приоритетами в отношении

---

¹ Multisectoral and Intersectoral Action for Improved Health and Well-Being for All: Mapping of The WHO European Region Governance for A Sustainable Future: Improving Health and Well-being for All. World Health Organization 2018. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/371435/multisectoral-report-h1720-eng.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.).

институциональной поддержки многоуровневых и многосоставных межсекторных социальных партнерств.

Выводы по второй главе. Эволюция социальной политики в России на первом этапе была связана со стихийным регулированием социальной сферы, институциональной и нормативно-правовой реструктуризацией системы социальной поддержки и защиты населения, а также частичной коммерциализацией социальных сервисов при становлении системы страховых государственных социальных услуг. На втором этапе российская социальная политика стала адресной – социальную поддержку и помощь стали получать только социально уязвимые группы и категории граждан. На третьем этапе в финансово-экономическом и дискурсивном фокусе системы социальной политики оказались российские семьи. Приоритетом государства стала демографическая и семейная политики как части социальной политики, в результате была сформирована многосоставная система стимулирования рождаемости и социально-экономической поддержки многодетных семей. На четвертом этапе социальным приоритетом Российского государства стало развитие человеческого и социального капиталов. Реализация национальных проектов на федеральном и региональном уровнях позволила системе социальной политики выйти на качественно новый уровень в решении социальных проблем населения России. Конституционные поправки закрепили развитие социального государства, несмотря на ситуацию пандемии и вызванных ею социально-экономических кризисов в мировом масштабе. В настоящее время социальная политика в РФ представляет синтетический комплекс элементов государственно-социалистической и неолиберальной социальных политик.

Трансформация институционального дизайна российской модели социальной политики в современных условиях определяется новым содержанием социально-политической повестки, актуализируемой различными сетевыми сообществами и структурами на основе цифровых технологий, а также практиками включенности негосударственных субъектов в решение социально значимых проблем. Сетевой ландшафт социальной политики имеет онлайн- и офлайн-

проекции. В онлайн-пространстве формируются и функционируют различные типы сетевых сообществ (социально-дискурсивные, гражданско-дискурсивные, социально и политически проактивные), которые участвуют в конструировании социально-политической повестки и способствуют на различных уровнях социальной публичной политики (повседневном, социокультурном, институциональном) решению социально значимых проблем. На уровне повседневных практик социальной политики представители социально-дискурсивных социальных сообществ, используя сетевые ресурсы конструирования топовых социальных тем в социальных сетях, организации блогеров (распространения топовых тем в интернет-пространстве и мессенджерах) и краудфандинговые технологии, демонстрируют отдельные социальные решения для проблем отдельных социально незащищенных граждан или сообществ. Благодаря своей социальной активности в социальных сетях сетевые сообщества преодолевают административные барьеры в решении локальных социальных задач, способствуют принятию и распространению кастомизированных практик предоставления социальных услуг на основе интеграции ресурсов активных граждан и других субъектов социальной политики. Гражданско-дискурсивные сообщества при конструировании социально-политической повестки ориентированы на формирование публичных ценностей и смыслов в отношении социально значимых проблем региона или муниципалитета, а также выработку в результате общественной дискуссии в онлайн-пространстве способов их решения (формирование идеологии и разделяемых большинством практик многодетной семьи; выработка инфраструктурных, социально-технологических решений для инклюзии социально уязвимых групп в городское пространство, обеспечение финансирования значимых гражданских проектов и др.). Социально проактивные и политически проактивные онлайн-сообщества не только актуализируют в общественном дискурсе решение социально значимых вопросов на основе комплекса сетевых и цифровых технологий (коллективных петиций, краудсорсинга, блогеров в интернет-пространстве, метаосвещения в онлайн- и офлайн-СМИ), но и интегрируются в реальные институциональные

структуры социальной политики (социально ориентированные некоммерческие организации, экспертно-консультативные и общественные советы при законодательных и исполнительных органах власти различного уровня), а также основанные на сетевых ресурсах и механизмах взаимодействия социальные партнерства.

Таким образом, сетевые сообщества и структуры вскрывают на основе применения сетевых и цифровых технологий широкий пласт социальных проблем и конструируют дифференцированную социально-политическую повестку в проекции регионов и локальных территорий. Структуры многоуровневого и многосоставного межсекторного партнерства на основе интеграции ресурсов и совместной выработки инновационных подходов и решений преодолевают существующие у органов власти бюджетные и институциональные ограничения, встраиваются в систему обеспечения защиты населения и производство социально значимых общественных благ. Сетевые ресурсы становятся ключевыми наряду с координационным государством компонентами развития публичной (преобразующей) социальной политикой.

3 ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

3.1 Политика преодоления цифрового неравенства в системе социальной политики РФ

Социальная политика, нацеленная одновременно на снятие социальной напряженности и развитие человеческого капитала в условиях технологических и общественных трансформаций, не может быть реализована вне содержательного фокуса и комплекса практических мероприятий по преодолению цифрового неравенства как новой опции социального неравенства. В своём фундаментальном исследовании¹ М. Кастельс определил неравный доступ к Интернету с социологической точки зрения как «цифровой разрыв». Согласно М. Линингу он возникает под воздействием таких факторов, как неравномерность доступа к Интернет-подключениям; наличие соответствующих устройств и технологий, экономических ресурсов; распространение цифровой грамотности в различных сегментах общества; специфика пользовательских возможностей цифровых медиа и гаджетов².

Е.Л. Вартанова в своей работе³ прослеживает эволюцию исследований цифрового неравенства. На первом этапе внимание ученых было сосредоточено на проблемах доступа к сети, на втором этапе изучалось влияние цифрового неравенства на социальную жизнь, на третьем этапе исследовались новые виды неравенств, которые порождают цифровые технологии. ОЭСР определяет это явление как «разрыв между индивидами, домашними хозяйствами, предприятиями, территориями по социально-экономическому уровню

---

¹Кастельс М. Информационная эпоха / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ВШЭ, 2000.

²Leaning M. Digital Divides: Access, Skills and Participation // Media and Information Literacy: An Integrated Approach for the 21st Century. Chandos Publishing, 2017. P. 101–114.

³Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // Медиалаб. 2018. № 5. С. 8–12.

относительно их возможностей доступа к ИКТ и использования Интернета для широкого спектра деятельности»¹.

Исследователи цифрового неравенства часто используют термин «эффект Матфея», смысл его в том, что это неравенство усугубляет прочие виды неравенства, работает по принципу «петли обратной связи» и усиливает кумулятивные эффекты различных видов неравенства. Именно поэтому цифровое неравенство является критичной социальной проблемой современности и требует принятия кардинальных мер от государства и иных акторов социальной политики.

Цифровое неравенство существует на всех уровнях публичной политики: глобальном (разрыв между странами в использовании ИКТ), национальном (различия между регионами и макрорегионами, основными причинами которого являются уровень, которого достигает данный сектор в экономической системе страны, количество и рост инвестиций в цифровизацию экономики, поселенческая структура) и локальном уровнях (основными факторами выступают уровень доходов и состояние человеческого капитала). И.А. Быков особо выделяет человеческий капитал, «который в конечном итоге способствует тому, что граждане имеют не только возможность, но и потребность к освоению современных цифровых средств связи»².

Доступность Интернета стала трактоваться ООН как неотъемлемая часть прав человека. В последнее десятилетие в научном и политическом дискурсах активно обсуждаются цифровые права как новое поколение прав человека³. Рассматриваются предложения о принятии международных актов, устанавливающих правовые стандарты в данной сфере. Одобренная Генеральной Ассамблеей ООН резолюция в настоящее время определяет их следующим образом: «а) те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны

---

¹ Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602

² Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С.151–163.

³ Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 16–28.

также защищаться и в онлайн-режиме, особенно право на неприкосновенность личной жизни; б) государственным структурам необходимо «провести обзор процедур, практики и законодательства, касающихся слежения за сообщениями, их перехвата и сбора личных данных»¹. Доклад «Век цифровой взаимозависимости» (2019) содержит информацию, согласно которой рост возможностей каждого человека в цифровом веке сопровождается явными злоупотреблениями и неожиданными последствиями, а «цифровым преимуществам сопутствует неравенство в сфере цифровых технологий»². Большинство авторов, рассматривая правовые аспекты отношений в цифровой среде, выделяют «право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных, право на забвение или право на удаление»³.

Последствием цифрового неравенства (некоторые ученые предлагают также использовать термин «цифровое расслоение») является так называемая цифровая бедность. По данным опроса, проведенного Д.В. Пименовой⁴, около 60% опрошенных можно отнести к категории цифровых бедных. «Чаще других в группе риска находятся жители старше 56 лет (71%), а также жители с низким уровнем компьютерной грамотности (87%) и с начальным профессиональным образованием (72%). Кроме образования и компьютерной компетентности важным фактором информационно-цифрового неравенства является уровень дохода семьи: в малообеспеченных семьях статусу “цифровые бедные” соответствуют две трети (66%); в состоятельных семьях – около трети (37%)»⁵.

---

¹ Генеральная Ассамблея ООН подтвердила право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век // Официальный сайт ООН. 2013. 19 декабря. URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/12/1234451> (дата обращения: 27.11.2021).

² Век цифровой взаимозависимости: доклад Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству // Официальный сайт ООН. 2019. 10 июня. URL: <https://www.un.org/ru/digital-cooperation-panel/> (дата обращения: 27.11.2021).

³ Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.

⁴ Шиняева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология. 2019. Т. 19, № 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>

⁵ Там же. С.60.

Последствия цифрового неравенства для практической сферы социальной политики весьма значительны. Прежде всего неравенство в цифровых навыках усиливает неравенство между социальными группами¹. Как полагают авторы, исследующие проблемы цифрового неравенства и цифровой инклюзии, именно наличие или отсутствие навыков использования цифровых информационно-коммуникативных технологий определяет возможность использования преимуществ, создаваемых доступом к web-ресурсам и их преобразованием в значимые для граждан блага². Существует определенный риск роста цифрового неравенства до такой степени, что представители групп с эксклюзивным доступом приобретут принципиально более высокий уровень возможностей использования ресурсов различного типа³.

Каковы наиболее значимые проявления цифрового неравенства в современных условиях в России и какими последствиями в социальной сфере они чреваты? Главные риски заключаются, с одной стороны, в процессах кумуляции различных срезов цифрового неравенства (и тогда наименее защищенной категорией населения окажутся женщины старших возрастов, проживающие в сельских поселениях Северо-Кавказского и Южного федеральных округов), с другой стороны, в кумуляции цифрового и иного социального неравенства (неравенства доходов, доступа к достижениям культуры и пр.) Цифровое неравенство территорий усугубляет диспропорции их социально-экономического развития. А.Л. Бардин выявил политические риски, связанные с цифровыми разрывами и с тенденцией формирования цифрового расслоения. Они связаны с потенциальным отчуждением достаточно широких слоёв общества в политической и социальной сфере, приближении их положения к маргинальному с присущими ему

---

¹ Van Deursen A. J.A.M., Helsper E., Eynon R., van Dijk J. A.G.M. The Compoundness and Sequentiality of Digital Inequality // *International Journal of Communication*. 2017. № 11. P. 452–473.

² Плотичкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 4. С. 70–83

³ Коровкин В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Сколково, 2020. С. 7.

социальными эффектами (аномия, политический радикализм или экстремизм). Эти угрозы особенно актуальны для крупных городов¹.

Организация жизнедеятельности российского общества в период пандемии коронавирусной инфекции показала, что люди с низким уровнем цифровой грамотности были вынуждены подвергать себя опасности заражения, не имея возможности воспользоваться элементарными цифровыми сервисами, связанными с доставкой продуктов, осуществлением базовых финансовых операций, доступностью транспорта. Ученые установили, что наличие цифровых навыков значительно влияет на успешность в трудоустройстве. Если люди умеют делать базовые вещи – пользоваться электронной почтой, работать с текстовыми файлами и Excel-таблицами, их шансы получить работу значительно повышаются. В России онлайн учатся только 3% тех, кто имеет техническую возможность, в США и Корее – 20, в Швеции и Финляндии – 18 и 17, в Великобритании – 14%². Трансформация общественной жизни, обусловленная процессами цифровизации, включает в себя комплекс изменений на институциональном, социетальном, личностном уровнях³.

По нашему мнению, к наиболее значимым измерениям цифрового неравенства в современной РФ можно отнести следующие: региональное, поселенческое, поколенческое и гендерное.

Основными причинами информационной бедности российских регионов Т.В. Александрова считает высокий уровень социального расслоения населения (децильный коэффициент в 2021 г. составил 15,1), а также высокую стоимость и низкое качество цифровой инфраструктуры⁴. Данные о состоянии дел на уровне субъектов РФ интегрированы в индексе «Цифровая Россия». Сравнение данных показывает, что показатели в различных регионах, а также обобщённые по

---

¹ Бардин А.Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 73–88. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.06

² Зубков С. Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60>. (дата обращения: 13.12.2021)

³ Коровкин В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Сколково, 2020. С. 7.

⁴ Александрова Т.В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 9–12.

федеральным округам весьма существенно разнятся. Первое место по цифровизации экономики принадлежит Уральскому федеральному округу, а последнее – Северо-Кавказскому округу. Если сравнить все индикаторы, то можно сказать, что Уральский федеральный округ был «оцифрован» в 1,7 раза лучше, чем Северо-Кавказский округ. Согласно результатам проведенного нами анализа, главными факторами цифрового неравенства российских регионов выступают человеческий капитал и стимулирующие политики.

Основная ось цифрового неравенства в поселенческом измерении – это ось «город–село»¹. В последние годы появились интересные исследования, посвященные именно внутрирегиональным цифровым разрывам².

Преодоление цифрового неравенства может стать важнейшим фактором развития сельских территорий. Пока же ситуация складывается так, что качество жизни и особенности сельского уклада вносят свои коррективы в мотивацию цифрового участия и цели обращения к цифровым ресурсам. Как показало исследование ученых Вологодского научного центра РАН, для граждан, проживающих на селе, в значительно меньшей степени свойственно использование цифровых коммуникаций для таких целей, как использование электронной почты, получение актуальной информации для решения социальных и экономических проблем, удовлетворение культурных потребностей. Они также существенно реже совершают финансовые расчёты с помощью интернет-приложений, реже приобретают товары и услуги удаленно³.

---

¹ Швецов А.Н. Цифровое неравенство российских городов и регионов: методы оценки и политика выравнивания // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Вып.3. С. 51–63.

² Прокопьев Е.А. Факторы внутрирегионального цифрового разрыва: оценка сайтов поселений (на примере Республики Карелия) // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 4. С. 50–71. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-4-50-71>; Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1; Михайлова А.А. Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-9.

³ Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1

Цифровое неравенство существует и на уровне крупных городов, в которых, как представляется на первый взгляд, этой проблемы не существует. Однако, по данным российских исследователей, процесс цифровизации в них имеет во многом неупорядоченный и фрагментарный характер, что связано с отсутствием стратегии развития этого направления¹.

В Московской школе управления Сколково разработана методика измерения степени развития показателей вторичной цифровизации, которая была апробирована сначала на российских городах-миллионниках, а затем применена для анализа ситуации во всех столицах субъектов и ряде крупных нестоличных городов. Всего в выборку попал 91 город. Полученные данные говорят о наличии зримого расслоения в показателях цифровизации второго уровня: итоговый индекс цифровой жизни ведущих центров (Краснодар и Екатеринбург) почти в 5 раз выше, чем у аутсайдеров (Магас-Назрань)². Причем, как заметил А.Л. Бардин, «все большее значение в условиях мегаполиса приобретают такие их новые аспекты, как доступ к наборам больших данных (*Big Data*), степень зависимости от автоматизированных систем принятия решений (алгоритмов) с использованием технологий искусственного интеллекта, а также цифровое отчуждение и разделение по отношению к онлайн-образованию»³.

Цифровой разрыв между поколениями ощущается в России намного отчетливее, чем в государствах с более высоким уровнем развития экономики. Для молодежи показатели владения цифровыми навыками и технологиями почти одинаковы. Но при этом в более возрастных группах, особенно для пожилых людей, разрыв в количестве тех, кто активно использует информационно-коммуникативные ресурсы цифрового типа, возрастает более чем в два раза.

---

¹ Швецов А.Н. Цифровое неравенство российских городов и регионов: методы оценки и политика выравнивания // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Вып.3. С. 51–63.

² Коровкин В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Сколково, 2020. С. 7.

³ Бардин А.Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // Полис. Политические исследования. 2021. № 6. С. 73–88. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.06

В России возрастная дифференциация Интернет-пользователей является существенной, что усугубляет цифровой разрыв поколений: 99% среди граждан возрастной категории 16–29 лет и 36% среди граждан старше 55 лет. Для оценки уровня цифрового неравенства в поколенческом измерении приведем результаты анкетного опроса, проведенного в трех муниципальных образованиях Краснодарского края¹. Так, представители студенчества по всем показателям присутствия в интернет-среде опережают пенсионеров (как правило, многократно). К примеру, почти четверть студентов проводит в сети всё свободное время, тогда как для пенсионеров этот показатель держится на уровне 6%. Относительно невелика доля пожилых людей, использующих цифровые технологии для получения государственных услуг, покупок. Для них также характерно намного более широкое использование телевидения как источника информации (94% пенсионеров и 28% студентов).

Интересный опыт повышения уровня цифровой грамотности пенсионеров сложился в АНО СО «Социальные инновации»². Для курсов повышения компьютерной грамотности создана гибкая система мотивации, акцент в которой делается на следующие возможности: чувствовать себя независимым от детей, преодоление сомнений в своих способностях, возможность получать новые умения и навыки, в том числе такие значимые для людей старшего возраста, как работа на сервисах госуслуг или запись на прием к врачу в онлайн-системе, поиск подработки. С 2014 г. Пенсионный фонд России совместно с Ростелекомом ведут работу по повышению компьютерной грамотности старшего поколения. В сотрудничестве двух организаций было разработано специальное учебное пособие для пенсионеров «Азбука Интернета», в котором были учтены рекомендации

---

¹ Морозова Е.В. Цифровое неравенство: поколенческое измерение // Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Краснодар: Вика-Принт, 2020. С. 206–207.

² Обучение пожилых людей работе за компьютером и пользованию гаджетами // АНО СО «Социальные инновации». URL: <https://www.socinnovations.ru/2020/04/28/obuchenie-pozhilyh-ljudej-rabote-za-kompjuterom-i-polzovaniju-gadzhetami/> (дата обращения: 27.02.2022 г.)

психологов, педагогов и специалистов-геронтологов¹. За время действия программы в ней приняли участие более 400 тыс. пенсионеров.

Гендерное неравенство в сфере труда, асимметричное сокращение занятости в связи с цифровизацией общества представляются одними из самых вероятных социальных рисков. Ожидается быстрый рост занятости в сферах, связанных с высокими технологиями и точными науками. Как отмечает З.А. Хоткина, преобладание мужчин среди работающих в этих областях свойственно не только России, но и всем странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Сложившиеся в обществе стереотипы относят занятость в области ИКТ к «мужским» видам деятельности, женщины составляют здесь не более 30%, а среди программистов женщин и того меньше – 17%². Разрыв в заработной плате в сфере цифровизации составляет 1,6 раза в пользу мужчин. Таким образом, здесь, как и во многих других сферах деятельности, появились «гендерные пирамиды», а возможности женщин в уровне доходов и профессиональной самореализации сильно секвестированы. Существует реальная опасность переноса гендерной сегрегации в мир профессий будущего³. При этом женщины, покидающие эти сферы профессиональной деятельности, часто в качестве причины указывают проявления гендерного неравенства, нежелание принимать их в мир «мужских» профессий⁴.

---

¹ Официальный сайт Ростелеком. URL: <https://www.company.rt.ru/social/programs/education/azbuka/> (дата обращения: 2.05.2020 г.)

² Хоткина З.А. Преодоление цифрового гендерного разрыва // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 7–11.

³ Агентство стратегических инициатив создало Атлас новых профессий, которые будут наиболее востребованы в следующие 15–20 лет. Напротив каждой из профессий разместили рисунок, изображающий юношу или девушку. Таким способом они закрепили 76,5% профессий за юношами, 23,5% – за девушками. Девушкам предложены профессии упрощенного типа, связанные с обучением, конструированием детских игрушек и т. п. Разработчики форсайта оказались под влиянием гендерных стереотипов и предложили перенести в цифровую экономику 2030 г. современную модель гендерной сегрегации на рынке труда.

⁴ Езерская А. Цифровое неравенство: почему в сфере IT так мало женщин и как гендерный дисбаланс при сборе данных вредит науке. URL: <https://knife.media/digital-patriarchy/> (дата обращения: 10.04.2022 г.).

Гендерный ракурс цифрового неравенства проявляется и в существовании такого явления, как феминизм данных, или data feminism. Суть его заключается в том, что при необходимости собирать те или иные данные женщины остаются «невидимыми». Например, такая проблема возникает при испытаниях новых моделей автомобилей. Для использования в тесте заложены такие параметры, как рост 177 см и вес примерно 76 кг. Параметры типичной женщины совсем другие – и по росту, и по весу она занимает другое положение в кресле водителя. Игнорирование гендерного фактора в краш-тестах приводит к тому, что вероятность серьёзных повреждений у женщин выше на 47%, средних – на 74, а риск погибнуть в аварии на 17% выше, чем у мужчин¹.

Политика преодоления цифрового неравенства прошла в большинстве развитых стран три этапа. Первый этап формирования политики по преодолению цифрового неравенства² связан с решением проблемы обеспечения инфраструктурной доступности к информационно-коммуникационным технологиям населения как части системы жизнеобеспечения любого населенного пункта государства. При этом актуализация данной проблемы в политической повестке ряда государств (США, Австралии, Великобритании, Канады, Японии, Кореи, Индии, Китая, стран, входящих в состав Европейского союза³) происходила под влиянием стремительного развития цифровой инфраструктуры (от проникновения персональных компьютерных сервисов с использованием технологии широкополосного и спутникового Интернета до высокоскоростного мобильного Интернета 5G). Важно, что если для стран, которые первыми стали на путь развития цифровой инфраструктуры, актуальной на сегодняшний день остается проблема повышения ее качества, то для 40% населения мира (примерно

---

¹ Там же.

² Connecting the Nation: Libraries and Health Care Organizations in the Information Age: prepared by National telecommunications and information administration, June 28, 1995. URL: <http://www.ntia.doc.gov/report/1995/connecting-nation-libraries-and-health-care-organizations-information-age> (дата обращения: 09.05.2020 г.).

³ Digital around the world in 2020. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 02.05.2020 г.).

3,2 млрд), представляющих жителей стран Африки и Южной Азии, остается насущной потребностью подключение к Интернету¹.

В основе содержания практик второго этапа развития политики (начало 2000-х гг.) по преодолению цифрового неравенства в современных государствах – цифровые компетенции граждан, что стало ключевой повесткой на Всемирном саммите информационного общества WSIS². Как показывает анализ эмпирических данных, существуют значимые различия в применении информационно-коммуникативных технологий в практической деятельности, коррелирующие с рядом параметров (возраст, образование, опыт работы, связанной с применением данных технологий), которые влияют на эффективность их использования. Необходимость изменения сложившейся ситуации дала старт новому, компетентностному, этапу политики по преодолению цифрового неравенства.

Третий этап эволюции политики (начало 2010-х гг.) по преодолению цифрового неравенства в современных государствах основывается на развитии институциональных механизмов политики цифровой инклюзии, направленных на решение проблем, возникающих в реальной жизни «исключенных» в результате цифровых разрывов групп пользователей. Цифровая компетентность характеризуется как комплексное и осознанное владение цифровыми технологиями, в том числе и на уровне повседневной жизни.

Технологии реализации политики преодоления цифрового неравенства можно классифицировать, исходя из нескольких критериев: а) по сферам применения – на экономические, инфраструктурные, образовательные и т.д.; б) по масштабам применения – общенациональные, региональные и локальные; в) по характеру – универсальные и уникальные; г) по ориентации на целевые группы – на адресованные детям, молодежи, пенсионерам, учителям и т.д. Применение

---

¹ The “Next Billion”: Unconnected Audiences // ITU; GlobalWebIndex; GSMA Intelligence; Eurostat; Social Media platforms’ self-service advertising tools; local government bodies and regulatory authorities; APJII; Kepios analysis. URL: <https://www.web-canape.ru/files/352/map-of-the-worlds-digital.png> (дата обращения: 10.05.2020 г.).

² World Summit on the Information Society, 10–12 December 2003, Geneva. URL: <http://www.itu.int/wsis/geneva/index.html> (дата обращения: 10.05.2020 г.).

указанных критериев классификации можно увидеть на примере технологии субсидирования покупки компьютеров и связанного с ними оборудования, реализуемой в ряде стран¹. Эта технология национального масштаба, реализуемая в экономической сфере, универсальная, ориентированная на конкретную целевую группу – семьи с низким уровнем доходов. В России существует схожая программа, нацеленная на освоение людьми пожилого возраста цифровых компетенций и технологий, необходимых для получения государственных и муниципальных услуг². Это образовательная технология национального масштаба, уникальная по своему характеру, направленная на целевую группу людей старшего возраста.

Институциональным фундаментом политики преодоления цифрового неравенства в Российской Федерации стала национальная программа «Цифровая экономика», базирующаяся на федеральном проекте «Цифровая инфраструктура». Основная ответственность за выполнение программы возложена на Министерство цифрового развития, созданное во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Стратегическим партнером министерства в преодолении цифрового неравенства выступает Ростелеком. На первом этапе программы, стартовавшей в 2014 г., подключение к Интернету предусматривалось для населенных пунктов численностью от 250 чел. За семь лет в рамках программы были подключены к сети более 12 тыс. населенных пунктов, в них работают точки доступа Wi-Fi. Жителям этих населенных пунктов стала доступна мобильная связь стандарта 4G/LTE, которая обеспечивает устойчивый доступ к Интернету. Не во всех регионах в силу территориальной удаленности и географических особенностей удастся обеспечить доступ через оптоволоконную связь, тогда приходится обращаться к провайдерам спутниковых услуг.

---

¹ OECD Digital Economy Outlook 2017. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en> (дата обращения: 29.12.2019 г.).

² Официальный сайт национальной социальной программы «Бабушка и дедушка онлайн». URL: <http://babushka-on-line.ru> (дата обращения: 29.12.2019 г.).

Спутниковый доступ будет обеспечен в зоне Арктики, на Дальнем Востоке и по всей траектории Северного морского пути.

Второй этап программы предусматривает подключение к Интернету населенных пунктов численностью от 100 чел., таким образом, к 2030 г. предполагается обеспечить мобильный доступ к сети более чем в 24 тыс. населенных пунктов. Важной частью программы является подключение к Интернету социально значимых объектов – школ, больниц, библиотек, органов государственной власти и местного самоуправления, инфраструктуры, обеспечивающей проведение выборов и референдумов, структур МЧС и Росгвардии. По мнению заместителя главы Минцифры О. Иванова, это приведёт к интенсивному росту возможностей использования цифровых коммуникаций в населённых пунктах такого типа¹. Критически важной является возможность подключения к образовательным сервисам. По данным, к началу пандемии коронавирусной инфекции обучаться дистанционно могли только 15% российских школьников. Всего 2,5% детей в 2019 г. использовали электронные технологии для обучения. Около 400 сельских школ не имели доступа к интернету. За последние три года подключили к Интернету 75 тыс. школ, пожарных частей и объектов МЧС².

Представим лишь несколько примеров, которые приводит специализированный портал hi-tech.mail.ru. Широкополосный Интернет сделал доступной телемедицину для жителей села Муллаши Тюменской области. Теперь они могут получить консультацию по всем вопросам, результатам обследований от высококвалифицированных врачей из головных медицинских учреждений. В поселке Золотец Беломорского района Карелии проживают около 600 чел. Доступ к быстрому Интернету превратил поселковую библиотеку в настоящий

---

¹ Чисто российское цифровое неравенство // Телеспутник. URL: <https://telesputnik.ru/materials/gov/article/chisto-rossiyskoe-tsifrovoye-neravenstvo/> (дата обращения: 22.07.2021 г.).

² Малахова П. Национальный проект против цифрового неравенства в России // Hi-Tech. URL: https://hi-tech.mail.ru/review/56952-russia-connects-to-the-internet/?utm_partner_id=936 (дата обращения: 21.02. 2022 г.).

информационный и просветительский центр. Эти и десятки тысяч подобных примеров показывают, как постепенное преодоление цифрового неравенства изменяет жизнь на селе, сохраняет население, дает новые импульсы к развитию.

Необходимо отметить, что политика преодоления цифрового неравенства носит зонтичный характер и не ограничивается теми мерами, которые предусмотрены национальным проектом «Цифровая экономика». Практически во всех реализуемых сегодня в России национальных проектах есть конкретные инициативы, связанные с цифровизацией общества и направленные на борьбу с цифровой бедностью.

Также реализуется инициатива предоставления льготных условий для приобретения программного обеспечения российских производителей. 50% его стоимости компенсируется из федерального бюджета. Под льготные условия подпадает более 100 программных продуктов от 29 российских компаний. Только за два последних месяца 2021 г. предприниматели приобрели более 100 тыс. лицензий¹. В рамках этого же проекта на основе цифровых технологий создаются возможности дифференцированного подбора и получения мер поддержки для субъектов малого и среднего бизнеса и самозанятых граждан в соответствии с их потребностями².

Одной из самых масштабных инициатив в национальном проекте «Демография» стало адресное распространение сведений о мерах социальной поддержки через цифровую платформу «Госуслуги»³. Целевыми группами для персонального информирования являются родители несовершеннолетних детей, пенсионеры, безработные и др. Таких людей в нашей стране свыше 54 миллионов. По словам министра труда и занятости А. Котюкова, одним из барьеров в

---

¹ Цифровизация малого и среднего бизнеса. URL: <https://национальныепроекты.пф/opportunities/tsifrovizatsiya-malogo-i-srednego-biznesa> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Цифровая платформа с механизмом подбора адресных мер поддержки. URL: <https://национальныепроекты.пф/projects/msp/p-tsifrovaya-platforma-s-nbsp-mekhanizmom-adresnogo-podbora-mer-podderzhki-p> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ Россиян начнут уведомлять о праве на получение мер соцподдержки. URL: <https://национальныепроекты.пф/news/rossiyan-nachnut-vedomlyat-ob-ikh-prave-na-mery-sotspodderzhki> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

реализации мер государственной поддержки является ограниченное распространение информации о них. Данная проблема во многом решается за счёт использования цифровых ресурсов¹. В ближайшем будущем станет возможна еще одна услуга – персональное телефонное консультирование или предоставление консультаций через чат-бот единого контакт-центра.

Инициатива «Умная школа» стартовала в национальном проекте «Образование». Формирование современной цифровой среды, оснащение школ высокоскоростным Интернетом позволят решить сразу несколько задач: расширить доступ учащихся к качественным образовательным продуктам, помочь детям, которые по разным причинам не могут присутствовать на уроках, не терять связь с учителями и одноклассниками, а также обеспечить качество образования независимо от места проживания учеников. В 2021 г. современным оборудованием были оснащены 6 485 образовательных организаций из 71 субъекта РФ². В этом же году прошли верификацию разработанные в рамках национального проекта 3 тыс. цифровых конспектов уроков и более 12 тыс. электронных образовательных материалов.

«Цифровая культура» стала одной из самых перспективных инициатив национального проекта «Культура». Как было показано ранее, самый значимый цифровой разрыв между городом и селом наблюдается в уровне доступности достижений культуры. Широкополосный Интернет и самое современное мультимедийное оборудование будут размещены в 500 виртуальных концертных залах, которые предполагается открыть в учреждениях культуры – библиотеках, музеях, Домах культуры. Уникальным проектом является также оцифровка 48 тыс. памятников литературы, которые станут доступны миллионам российских граждан³.

---

¹ Россиян начнут уведомлять о праве на получение мер соцподдержки. URL: <https://национальныепроекты.пф/news/rossiyan-nachnut-vedomlyat-ob-ikh-prave-na-mery-sotspodderzhki> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Цифровая образовательная среда. URL: https://xn--80aарамречсчфмо7а3с9ehj.xn--p1ai/projects/obrazovanie/umnaya_shkola (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ Цифровая культура. URL: https://национальныепроекты.пф/projects/kultura/tsifrovaya_kulturae (дата обращения: 23.05.2022 г.).

Вместе с тем существуют определенные проблемы в реализации политики преодоления цифрового неравенства. Прежде всего, это своего рода асимметрия между достижением задач доступа и задач формирования цифровых навыков и мотивации. Значительная часть пользователей продолжает использовать цифровые возможности исключительно для личного общения и просмотра развлекательного контента. Возможности получения и преобразования информации, важной для саморазвития, карьерного роста и т.д., на основе цифровых навыков и коммуникаций остаются недостаточно использованными¹.

Формирование цифровых навыков происходит в основном через включение в программы общего и профессионального образования². Несмотря на то что в федеральных проектах заложены широкие возможности, проекты в сфере дополнительного образования, особенно для лиц старшего возраста, развиваются темпами, не адекватными глубине и сложности решаемой проблемы. Образовательная инфраструктура, которая бы способствовала быстрому овладению цифровыми технологиями, меняется медленно, при этом нередко приобретая имитационные формы. Это отчетливо выявили практики дистанционного обучения школьников в период пандемии коронавирусной инфекции³. Существуют и инфраструктурные проблемы: в сельских населенных пунктах появляются точки доступа Wi-Fi, однако жителям провести оптоволокно за свой счет очень дорого, а провайдер не заинтересован в том, чтобы нести дополнительные затраты на оптику по всей территории населенного пункта. К

---

¹ Плотицкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 4. С. 70–83.

² В России с 2016 г. действует проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ» (СЦОС) государственной программы «Развитие образования», направленный на цифровую трансформацию, повышение качества и доступности образования посредством использования *e-learning*-технологий.

³ См.: Зенков А.Р. Образование в условиях пандемии: возможности и ограничения цифрового обучения // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 3. С. 51–64; Лоскутова И.М., Панич Н.А., Юдина Е.Н. Социальные аспекты дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 // *Теория и практика общественного развития*. 2021. №3(157). С. 30–34; Сапрыкина Д.И., Волохович А.А. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. М.: НИУ ВШЭ, 2020. и др.

примеру, решить эту проблему можно, исходя из того же подхода, что используется в настоящее время для газификации домохозяйств, и финансирование прокладки оптоволокна до границ домовладения будет осуществляться из государственных средств.

Новые подходы к развитию и продвижению кадров, занятых в сфере цифровизации, демонстрирует АНО «Россия – страна возможностей». Организация на протяжении нескольких последних лет проводит конкурс «Цифровой прорыв», который в 2022 г. был объединен с мероприятием «Хакатоны и лекции по искусственному интеллекту». Цель конкурса – создание ИИ-сообщества на основе системы отбора кадров, разработка и продвижение продуктов, связанных с искусственным интеллектом. В рамках конкурса планируется провести 25 региональных чемпионатов, 8 окружных хакатонов и 3 всероссийских чемпионата¹.

Мотивационный компонент является особо значимым для преодоления цифровой бедности селян и людей старших возрастов. Для селян привлекательными мотивами освоения цифровых технологий могут стать возможности горизонтальной кооперации, сбыта продуктов через маркетплейсы и другие виды электронной торговли, экономия времени при проведении финансовых операций, получении государственных и муниципальных услуг. Возможно привлечение к просветительской работе с этой категорией цифровых эксклюзантов сельских блогеров, которые имеют миллионные аудитории и, по сути, уже ведут образовательную деятельность на своих ресурсах. Например, блогер из Ростовской области Анна Адамова открыла в Сети «Школу птицевода», в которой делится секретами выращивания домашней птицы, а блогер из Забайкалья Татьяна Мирошникова учит декоративному цветоводству. Для представителей старшего поколения мотивация приобретения навыков и умений в первую очередь связана с расширением круга общения, продолжением социально значимой деятельности, например, в статусе «серебряного» волонтера, а возможно, и продолжением трудовой деятельности в режиме онлайн.

---

¹ Официальный сайт конкурса «Цифровой прорыв». URL: <https://hacks-ai.ru/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

Гендерные диспропорции цифровизации социальной сферы (прежде всего в области регулирования рынка труда) могут изживаться за счет преодоления гендерных стереотипов, поощрения приема девушек на образовательные программы STEM-профессий на федеральном и региональном уровнях, внедрения технологий сбора данных гендерного характера.

В целом государственная политика в исследуемой сфере ориентирована на создание нового качества использования цифровых ресурсов, которое обеспечило бы приращение различных форм капитала для граждан и расширило бы возможности для решения проблем, возникающих в повседневной жизни¹.

Политика по преодолению цифрового неравенства способствует изменению конфигураций социальной структуры, снижению рисков социальной дифференциации и поляризации населения, обусловленных цифровыми расколами. Будучи по своему характеру зонтичной, политика по преодолению цифрового неравенства охватывает различные сегменты социально-экономической сферы и социальной политики, «зашивая» социальные услуги и сервисы в цифровой формат и развивая цифровые компетенции благополучателей. При этом для России характерны тренды общемировой практики реализации политики цифровой инклюзии, в которой происходит одновременно и повышение роли государства в выработке стратегических инициатив и программ по преодолению цифровых разрывов, и активизация разнообразных субъектов негосударственного сектора в реализации проектов для граждан, в наименьшей степени использующих цифровые технологии. В условиях цифровизации социальной политики сохраняющееся цифровое неравенство и цифровая сегрегация не позволят исключенным группам населения, с одной стороны, получить социальную помощь или воспользоваться социальными услугами, с другой – воспользоваться широкими институциональными возможностями для самореализации граждан в обучении, профессиональной социализации и трудоустройстве, интеграции в

---

¹ Плотичкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 4. С. 70–83.

«социальные лифты», которые предоставляются различными субъектами социальной политики. Наиболее перспективный путь повышения эффективности политики преодоления цифрового неравенства, который будет иметь существенный эффект для социальной сферы, – организация межсекторного взаимодействия, объединяющего усилия власти, бизнеса и гражданского общества в борьбе с цифровой бедностью. Для реализации этой амбициозной задачи должен быть выработан своеобразный цифровой консенсус между всеми группами федеральных и региональных элит, реализованный в стратегиях цифрового развития субъектов РФ с учетом региональной специфики цифрового неравенства и ресурсного потенциала негосударственных субъектов социальной политики (представителей бизнес-структур, некоммерческих организаций и др.).

3.2 Цифровые политико-управленческие технологии в российской социальной политике

В условиях общественных и технологических трансформаций в управлении социальной сферой существенное значение приобретают цифровые политико-управленческие технологии, которые обеспечивают скорость и качество оказания услуг потребителю, способствуют индивидуализации социальных сервисов с привязкой к конкретным жизненным ситуациям благополучателей.

Внедрение и использование цифровых политико-управленческих технологий в сфере социальной политики рассматривается автором в контексте этапов цифровой эволюции – сетевизации и цифровой трансформации, которые характеризуют комплексные изменения в системе публичной политики и управления современной России.

На первом этапе сетевизации и цифровизации социальной политики, который охватывает период 2010–2020 гг., происходит внедрение и развитие цифровых технологий web 2.0 и web 3.0 (сетевые платформы и облачные сервисы) в двух направлениях: цифровизация сверху как интеграция в традиционную систему

государственного управления информационно-коммуникационных технологий и предоставления социальных услуг населению посредством цифровых сервисов; горизонтальная саморазвивающаяся цифровизация как сетевизация гражданских инициатив и использование гражданами цифровых технологий для решения социальных проблем сообществ и территорий РФ в публичном пространстве социальной политики, которая была рассмотрена автором ранее.

На данном этапе формируется государственной курс на цифровизацию публичного управления, который с начала 2000-х гг. последовательно отражался в стратегических документах по развитию электронного правительства, информационного общества и цифрового государственного управления как ключевого компонента цифровой экономики РФ¹. Несмотря на заявленное в государственной повестке информационное и цифровое развитие, можно отметить противоречивость достигнутых результатов, декларируемых в данных стратегических документах. К позитивным результатам цифровизации российской системы публичного управления относятся онлайн-присутствие государственных органов власти и местного самоуправления, созданные каналы сетевой коммуникации с гражданами для обеспечения эффективной обратной связи с органами власти, ведомственные информационные модели хранения данных, цифровизация ряда управленческих процессов и др. В качестве нерешенных проблем 20-летнего процесса цифровой эволюции органов власти различного уровня эксперты рассматривают:

---

¹ Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: утверждена Постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 № 65. URL: <http://www.erus.ru/site.shtml?id=15> (дата обращения: 23.05.2022 г.); Государственная программа «Информационное общество»: утверждена Постановлением Правительства от 15.04.2014 № 313. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/825/events/?page=2> (дата обращения: 23.05.2022 г.); О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утверждена Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 23.05.2022 г.); Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден 16.01.2020 президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

- архаичную функциональную систему федеральных и региональных ведомственных органов власти с отцифровкой устаревших производственных процессов, противоречащих принципам бережливого производства;
- сохранение бумажных носителей информации и очного контактирования заявителей (граждан, представителей бизнеса и некоммерческого сектора) для решения их задач;
- фрагментарное развитие цифровой инфраструктуры и цифровых процессов, обеспечивающих межведомственное взаимодействие органов власти на различных уровнях;
- отсутствие цифровой системы предоставления комплекса достоверных данных для принятий стратегических и оперативных решений;
- внедрение перспективных технологий (искусственный интеллект, интернет вещей и др.) в процессы выработки государственных решений и обеспечения государственных услуг¹.

Одним из главных успехов цифровизации системы государственного управления РФ, который напрямую связан с задачами социальной политики, является создание комплексной системы многофункциональных центров и портала «Госуслуги». Портал «Госуслуги», который в 2009 г. на старте своего развития функционально отражал только государственные регламенты, к 2021 г. стал представлять собой цифровую экосистему с комплексом более 170 электронных социальных услуг, которые получают через зарегистрированные учетные записи более 93 млн благополучателей, что составляет 75% граждан РФ старше 14 лет².

Интенсификация цифровизации комплекса социальных услуг произошла в условиях распространения COVID-19 и введения карантинных мер на территории

---

¹ Петров М.В., Буров В.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018; Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: доклад НИУ ВШЭ при участии Всемирного банка. М., 2019. URL: http://gos.hse.ru/upload/Libv/Cifrovaya_transformatsiya_doklad_2019.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² «Госуслуги» отмечают 12 лет: что было достигнуто с момента запуска. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/12/15/gosuslugi-otmechajut-12-let-cto-bylo-dostignuto-s-momenta-zapuska.html> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

страны. Граждане, ограниченные в возможностях реального доступа к многофункциональным центрам, стали регистрироваться на портале и использовать цифровые сервисы для получения услуг в системе здравоохранения (запись на прием к врачу, дистанционное оформление листов нетрудоспособности), непрерывного образования (предоставление места в детском саду, получение результатов ЕГЭ, подача документов для поступления в вуз), поддержки материнства и детства (выдача сертификата на материнский капитал и дистанционное им распоряжение, получение единовременных выплат на детей, трудовой занятости (электронная трудовая книжка, постановка на учет в качестве безработного, назначение пособия по безработице), для обращения в ЗАГС (подача заявлений на регистрацию брака, получение свидетельства о рождении)¹.

Портал «Госуслуги» продемонстрировал прорывной результат в развитии внутренней модели электронного правительства «государство – граждане», обеспечив России входение в верхнюю группу международных рейтингов. По данным ООН, Российская Федерация согласно темпам развития электронного правительства входит в группу с высоким уровнем EGDI (индекса развития электронного правительства). Одним из компонентов данного индекса является композитный показатель онлайн-обслуживания (OSI), который характеризует технические особенности государственных порталов и качество предоставляемых государственных услуг. По компоненту онлайн-обслуживания Российская Федерация входит в группу стран с очень высоким OSI².

Несмотря на триггерную активацию развития электронной системы государственных услуг, часть из которых приобрела проактивный характер (предоставление услуг по праву граждан, а не по обращению заявителя), задачи по

---

¹Госуслуги в цифрах за 2020 год. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Исследование ООН: электронное правительство–2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2018. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

цифровой трансформации государственного управления, в том числе и в проекции социальной политики, являются приоритетными. С начала 2021 г. можно говорить о старте второго этапа цифровой эволюции, напрямую коснувшейся публичного управления социальной сферой. Политические решения затронули цифровую трансформацию социальной сферы, которая функционально относится к полномочиям Министерства труда и социальной защиты РФ¹.

Концепция представляет собой системный проект, который позволит оптимизировать взаимодействие по предоставлению комплекса услуг (федерального, регионального и муниципального уровней) таких ключевых субъектов социальной политики, как Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральной службы по труду и занятости, Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования, учреждений медико-социальной экспертизы. Системный проект будет реализован через несколько взаимосвязанных цифровых решений стратегического характера: создание единой цифровой платформы как проактивного адресного сервиса предоставления мер социальной поддержки, единого контакт-центра взаимодействия с гражданами для обеспечения эффективной дистанционной работы с обращениями граждан и юридическими лицами на основе технологий искусственного интеллекта, голосовой аналитики и чат-ботов; использование, модернизация государственной службы занятости населения как аналитического сервиса поиска работы².

Единая платформа должна бесшовно интегрировать цифровые системы и сервисы профильных государственных субъектов на основе целевой архитектуры работы с данными, которые включают единые базовые реестры сферы социального обеспечения (получателей услуг, страхователей, нормативно-справочной информации); единые сервисы клиентского обслуживания (фронт-офис для работы

---

¹ Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р (ред. от 07.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378135 (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Правительство утвердило проекты по цифровой трансформации социальной сферы. URL: <http://government.ru/news/43660/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

операторов с гражданами, витрина для страхователей об информировании обязательств и др.).

Поэтапно на данную цифровую платформу будут переведены все услуги по назначению и предоставлению мер поддержки, которые на сегодня представлены 387 видами, из них 44 на федеральном уровне, 343 вида регионального и муниципального уровней¹. В результате запуска единой цифровой платформы будет организована деятельность исполнительных органов власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по реализации социальной поддержки населению в организационно-технологической модели «Социальное казначейство».

На начало 2022 г. Единая государственная информационная система социального обеспечения – ЕГИССО (<http://egisso.ru/#>) работает в тестовом режиме, российские граждане в открытом доступе могут получить в классификаторе информацию о всех существующих мерах социальной поддержки и видах социального обеспечения граждан, через личный кабинет для пилотных субъектов РФ персонифицированные данные о предоставляемых федеральных и региональных выплатах. Также ЕГИССО на основе технологий искусственного интеллекта через интерфейс «социальный калькулятор» учится определять жизненную ситуацию человека с привязкой к конкретным территориям (субъектам и муниципальным образованиям РФ) и «позволяет получить информацию о возможном возникновении права на меру социальной защиты (поддержки)»².

Российские эксперты оценивают проект цифровизации социальной сферы, обращая внимание на различные ее аспекты. Одни считают, что главным фактором успеха реализации данных цифровых решений будет организация межведомственного взаимодействия в единой IT-архитектуре по интеграции

---

¹ Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р (ред. от 07.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378135/ (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Единая государственная информационная система социального обеспечения – официальный сайт. URL: <http://egisso.ru/#/social> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

информации о гражданах для автоматического использования в оперативном и гибком предоставлении мер социальной поддержки, соответствующих их жизненным ситуациям, но без участия самих заявителей. Данное реформирование позволит уйти от аналоговых социальных услуг и расширить круг благополучателей за счет персонифицированного информирования о праве на получение гражданами мер социальной поддержки. Другие эксперты обращают внимание на масштабность задач, связанных не только с организационно-функциональной перестройкой организации государственных субъектов социальной политики и организаций экономического сектора, но и с преодолением новых рисков, возникающих в работе данной системы (обеспечение кибербезопасности идентификационных данных граждан в их цифровых профилях, преодоление цифрового неравенства в территориальном и поколенческом срезе, формирование нового типа корпоративной культуры государственных гражданских служащих и других сотрудников, задействованных в данной отрасли)¹. Исследователи, обобщившие зарубежный опыт внедрения цифровых сервисов в систему социальной поддержки (Великобритания, Испания, США, Индия), говорят не только об обеспечении информационной безопасности, связанной с утечкой персональных данных и комплексной защитой цифровых государственных сервисов, но и нарушении приватной сферы человека. Например, риски дискриминации могут возникнуть при анализе доходов семьи, которые необходимы при установлении прав на определенные категории выплат. В частности, благополучная семья может оказаться в бедственном финансовом положении из-за кризисной ситуации (пожар, наводнение, тяжелое заболевание близкого родственника и др.)². Такая ситуация может возникнуть с объявленными

---

¹ Цифровая трансформация социальной сферы: экспресс-анализ грядущих изменений. URL: <https://www.comnews.ru/content/213334/2021-03-02/2021-w09/socialnuyu-sferu-zhdet-cifrovaya-transformaciya> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Кукареко В.В., Соколов И.С. Цифровизация социальной сферы: преимущества и этические риски. URL: https://ethics.cdto.center/7_3 (дата обращения: 23.05.2022 г.).

в марте 2022 г. Президентом РФ мерами материальной поддержки для беременных женщин и семей с детьми до 18 лет с невысоким уровнем дохода¹.

Перспективы использования цифровых политико-управленческих технологий в сфере социальной политики связаны с дальнейшей траекторией политики цифровизации всех сфер общественной жизни РФ. Эксперты Центра стратегических разработок нормативную модель цифровой трансформации системы государственного управления в ближайшем будущем рассматривают в качестве государства как платформы (ГкП), в котором происходит изменение принципов взаимодействия органов власти и гражданина. Содержательная нагрузка данной организационно-технологической модели заключается не в переформатировании части функций государственного управления, а новой конфигурации системы, в которой большинство функций по выработке и реализации государственных решений стратегического, тактического и оперативного характера осуществляется платформенными решениями. Системообразующим компонентом государства как платформы является человек, а государство становится не просто клиентоориентированным в сервисной парадигме государственных услуг, а человекоориентированным. Платформенные решения, основанные на прорывных инновационных технологиях, создают условия для построения индивидуальных траекторий человека в комплексе разнообразных жизненных ситуаций и реализации его потенциала в жизненном цикле. Государство как платформа интегрирует в единый пакет государственные и коммерческие услуги для человека в виде «цифрового профиля» (удаленная биометрическая система идентификации, единая система хранения и обновления данных в облачных сервисах, цифровая подпись) и аналитических сервисов, позволяющих сократить количество «шагов» для решения жизненных ситуаций. Государственные услуги в данной модели становятся проактивными,

---

¹ В России подготовят новые меры поддержки семей с детьми. URL: <https://www.interfax.ru/russia/826581> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

«бесшовными», а их оказание осуществляется автоматизированными системами и технологиями искусственного интеллекта¹.

Государство создает цифровую экосреду для вовлечения всех участников (бизнес, некоммерческий сектор и граждан) социально-экономического развития в платформенные решения, предоставляя им доступ к единой безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуре и передовых технологиям, импортируя и интегрируя данные об их деятельности в общие хранилища государственных данных.

Исследователи компании «Гартнер» предложили набор признаков, характеризующих этапы цифровой трансформации государственного управления (электронное правительство, открытое правительство, децентрализованное правительство, цифровое правительство и умное правительство, согласно которым наибольшей цифровой зрелостью обладает умное правительство. Его умные машины (робототизация) определяют содержание государственных услуг, их состав и интегрированные конфигурации, что способствует оптимизации бюджетных расходов при сокращении количества оказываемых услуг без потери целевых групп благополучателей и обеспечении высокого уровня их социального благополучия².

Изменение государственного управления в цифровой трансформации затрагивает и принципы стратегического управления – от оценки конкретных результатов по бинарному принципу «достигнуто – не достигнуто» к перспективным сценариям социально-экономического развития в индивидуализированных показателях социального благополучия граждан³. Цифровое правительство в государстве-платформе использует цифровые

---

¹ Петров М.В., Буров В.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация, М.: Центр стратегических разработок, 2018.

² Gartner. 5 Levels of Digital Government Maturity. 2017. November 6. URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/-levelsof-digital-government-maturity> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

³ O'Reilly T. Government as a Platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / ed. by D. Lathrop. Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media, 2010.

технологии не для поддержки процессов в государственных органах власти и местного самоуправления, а для формирования качественно новых результатов государственного управления, в том числе и высокого уровня доверия граждан, бизнеса и некоммерческих организаций к политическим институтам¹.

По мнению разработчиков, государство как платформа, представляющая собой новую модель государственного управления и основанная на новых принципах выработки стратегических решений, станет основным ресурсом доверия к государству со стороны структур коммерческого сектора и граждан. При реализации данной модели открываются новые возможности для выстраивания практик межсекторного партнерства, которые будут интегрированы в многоуровневую систему публичного управления, с учетом их стратегической роли и ресурсного потенциала в решении задач устойчивого социально-экономического развития и повышения конкурентноспособности РФ². Такая модель не только повышает качество межсекторного партнерства, но и позволяет государству совместно с другими субъектами адаптироваться к глобальным технологическим и общественным вызовам, к трансформирующимся условиям экономической деятельности, сохранять и развивать человеческий капитал страны.

Цифровая трансформация модели государственного управления также требует изменения культуры государственных гражданских служащих и их компетенций. Кадры, необходимые для цифровой трансформации государственного управления, должны обладать стратегическим и инновационным мышлением, умением видеть, какие процессы нуждаются в изменениях, и упаковывать данные изменения в новые процессы и продукты³. Особенно актуальными становятся коммуникативные компетенции в условиях открытого и

---

¹ OECD Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Digital-Government-Strategies-Welfare-Service.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

² Петров М.В., Буров В.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018.

³ Государство как платформа: люди и технологии / под ред. М.С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2019.

прозрачного взаимодействия государственных гражданских служащих с гражданами и другими субъектами. Информационно-коммуникативные технологии также способствуют формированию agile-инструментов, требующих при реализации решения и мероприятий постоянной обратной связи от участников, быстрое реагирование и перестройку процессов по результатам обратной связи в виде потребностей и степени удовлетворенности участников процессов¹.

Проектировщики новой модели определяют два сценария развития государства как платформы: эволюционный и интенсивный. Эволюционный сценарий предполагает совершенствование действующих информационных систем, постепенный перевод бизнес-процессов ведомственных органов власти в цифровой формат и запуск новых, формирование цифровой системы общих хранилищ данных и их интеграцию. К ключевым недостаткам данного пути относятся: сосуществование одновременно в одной системе устаревающих и вновь внедренных прорывных цифровых технологий, а также сохранение «цифрового феодализма» или информационной автономии ведомств. Интенсивный сценарий предусматривает глубокую реорганизацию организационно-функциональной структуры государственных органов власти РФ и субъектов РФ и реинжиниринг всех бизнес-процессов, формирование бесшовных комплексов внутренних процессов, коммуникаций, услуг, основанных на новых технологиях. Реализация такого сценария предполагает на первом этапе одновременное существование традиционной цифровой системы госуправления и строительство новой цифровой экосистемы, обеспечивающей безболезненный переход к государству как платформе. В результате происходит концентрация и экономия финансовых, управленческих, кадровых ресурсов с повышением качества системы государственного управления².

---

¹ Rigby D.K., Sutherland J., Takeuchi H. Embracing Agile // Harvard Business Review. 2016. Vol. 94, № 5. P. 40–50.

² Буров В.В., Петров М.В., Шаров А.В. «Государство как платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 3. С. 6–17.

Современный российский опыт цифровой трансформации системы государственного управления в проекции сферы социальной политики как передового эшелона показывает, что пока внедрение цифровых новшеств идет по эволюционному сценарию. Явными преимуществами являются новые технические решения платформизации комплекса социальных услуг в экстерриториальном охвате и реализации принципа проактивности в их предоставлении. Вместе с тем уже на старте проекта цифровизации управления социальной сферой можно выделить ряд системных недостатков технологических рисков. К системным недостаткам можно отнести следующие:

а) заявленная адресность определяется безбарьерностью и оперативностью существующих мер социальной поддержки, а не моделирование их, исходя из изменений социального ландшафта России в связи с миграцией, социально-экономическом ростом или кризисом, появлением новых категорий социально уязвимых групп и т.д.;

б) предложенный цифровой формат взаимодействия государственных органов власти с гражданами концентрируется на мерах поддержки, а не на механизмах решения социальных проблем общества, связанных с преодолением бедности и усиливающегося социального неравенства, в том числе и цифрового;

в) отсутствие практики функционирования цифровой системы управления социальной сферой не дает возможности прогнозировать ее адаптивность в условиях новых глобальных и национальных вызовов;

г) при «отцифровке» социальных услуг появляются риски унификации региональных и локальных практик социальной поддержки, позволяющие учитывать территориальную специфику социальных проблем, а также централизации полномочий федеральных органов исполнительной власти в данной сфере;

д) ориентация государства на развитие мер социальной поддержки, а не человеческого капитала как ключевого ресурса инновационного развития усиливает уже существующие в российском обществе патерналистские установки граждан; снижает активность граждан в проявлении индивидуальной социальной

ответственности по отношению к «близкому кругу» людей и общественной ответственности с точки зрения их включенности в практики гражданского участия в решении социальных проблем.

Технологические риски и недостатки проекта связаны с формированием цифровых двойников граждан, когда ввод и привязка неправильных данных может существенно повлиять на жизненную ситуацию человека и его социальное благополучие; отсутствием интерфейса обратной связи граждан о содержании и качестве предоставляемых мер социальной поддержки инструментов мониторинга жизненных ситуаций граждан после получения льгот и выплат.

Важно, что данная организационно-технологическая модель не в полной мере предоставляет условия для включения бизнеса и организаций некоммерческого сектора в разделение социальной ответственности. Западный опыт демонстрирует положительные практики внедрения цифровых решений, интегрированных в общую систему сетевого публичного управления. Например, в Германии создана сетевая структура, объединяющая крупные компании, предприятия и региональные органы власти для совместного управления трудовыми ресурсами, включая платформенную занятость. Бизнес-структуры, вступившие в ассоциацию «Arbeitgeberzusammenschlüsse», несут социальную ответственность за всех работников, в том числе и тех, кто выполняет работы для компании в условиях временной занятости¹. Цифровые платформы позволяют «упаковывать» нестандартные решения в сфере социальной политики, которые являются выходом из стремительно изменяющейся ситуации. В период пандемии стали распространяться практики государственно-частного партнерства между местными властями и телекоммуникационными компаниями для развития цифровой образовательной инфраструктуры².

---

¹ Hartmann. T. «Arbeitgeberzusammenschlüsse in Deutschland – Kooperationsmodell für die Zukunft» (Employer associations in Germany – Cooperation Model for the Future): conference presentation FlexStrat, Dortmund, 20 June. Dortmund, 2012.

² With Schools Remaining Closed During Coronavirus Outbreak, China Launches National Remote Learning Platforms // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3050940/schoolsremaining-closed-during-coronavirus-outbreak-china-launches> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

Также необходимо учитывать в новой модели управления социальной сферой, что платформенные решения изменяют не только каналы взаимодействия органов власти с НКО и бизнесом, но и перечень стейкхолдеров, вовлеченных в производство общественных благ. Круг новых субъектов в реализации задач социальной политики существенно расширяется за счет приватизации некоторых социальных функций государства социальными предпринимателями; появлением сетевых некоммерческих организаций, в которых социальные задачи решаются за счет сетевой мобилизации активных граждан, а ресурсы для социальной деятельности НКО привлекаются в рамках межсекторного партнерства или краудсорсинговых технологий. Включение ресурсных и эффективных негосударственных субъектов в управление социальной сферой на основе платформенных решений позволяет за счет создания общих хранилищ данных, использования технологий предиктивной аналитики и искусственного интеллекта видеть органам власти весь спектр социальных услуг и мер социальной поддержки независимо от их источника финансирования и субъекта реализации. Также государство сможет моделировать и прогнозировать социальный ландшафт страны и отдельных его территорий, проектировать комплекс мер, направленных на развитие человеческого капитала и социальное обеспечение граждан.

Обозначенные практики, результаты и перспективы управления социальной сферой на основе цифровых технологий невозможны без успешного воплощения политики по преодолению цифрового неравенства. Цифровые компетенции становятся жизненно важными, без которых все меры социальной политики будут предоставляться только гражданам, обладающим высоким уровнем цифровой грамотности, что еще больше будет способствовать усилению социального неравенства. Исследователи, подчеркивая важность цифровых компетенций всех участников социальной политики, которые все в большей степени осуществляют социальные услуги и коммуникацию с гражданами через цифровые каналы, говорят о формировании такого явления, как разрыв участия, ведущего к диспропорциям в формировании общественных запросов на производство общественных благ и потребление предоставляемых социальных услуг и мер

социальной поддержки гражданами¹. Цифровая инклюзия позволяет осуществлять механизмы социального инвестирования в человеческий капитал, когда у уязвимых социальных групп посредством вовлечения их в различные цифровые формы консультаций, коммуникаций и практик гражданского участия на локальном уровне формируются компетенции для реализации активной позиции на рынке труда и социально-политической жизни².

Цифровая инклюзия всех категорий граждан, а также реинжиниринг производственных процессов как результата цифровой трансформации системы государственного управления, структур коммерческого и некоммерческого секторов и использования ими всего спектра цифровых технологий позволяет вовлекать граждан в проектирование и управление всеми процессами в сфере социальной политики³. На основе цифровых технологий и социальных инноваций формируется целый пласт гражданских инициатив. Социальные инновации при этом могут касаться не только изменения состава и процесса социальных услуг как ответа на текущие и будущие социальные вызовы, но и создания инновационных сетей, объединяющих органы власти, бизнес, некоммерческие организации и самих граждан для открытого совместного производства конкретных общественных благ для удовлетворения многогранных потребностей различных групп граждан. Социальные инновации, основанные на информационно-коммуникативных технологиях и создаваемые цифровыми инновационными сетями, могут повысить эффективность социальной политики, а также способствовать пожизненным инвестициям в человеческий капитал.

---

¹ Hargittai E., Jennrich K. The Online Participation Divide // The Communication Crisis in America, and How to Fix It / ed. by M. Lloyd, L. A. Fried-land. New York: Palgrave Macmillan. 2016.

² Jenson J. Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism // Moving towards Social Investment. Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges / ed. by N. Morel, B. Palier, J. Palme. Bristol: Policy Press, 2012; Marx P., Nguyen C.G. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25 (6). P. 912–943.

³ Misuraca G., Pasi G., Urzi Brancati C. ICT – Enabled Social Innovation: Evidence & Prospective. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC106484> (дата обращения: 23.05.2022 г.)

Выводы по третьей главе. Исследуя практики внедрения цифровых ресурсов и технологий в сфере социальной политики в современной России, можно говорить о старте ее цифровой трансформации, промежуточные результаты которой характеризуются интенсивным переводом комплекса социальных услуг и мер социальной поддержки в цифровой формат через портал «Госуслуги» и платформу «Единая государственная информационная система социального обеспечения» (ЕГССО). Реализуемый с 2021 г. Правительством РФ проект цифровой трансформации социальной сферы направлен на интеграцию основных субъектов социальной политики (Министерства труда и социальной защиты РФ, Федеральной службы по труду и занятости, Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования, учреждений медико-социальной экспертизы, ведомственных региональных органов власти и местного самоуправления, работодателей) в сфере социального обеспечения и предоставления государственных мер поддержки проактивного, оперативного и адресного характера. За пределами данного взаимодействия остаются некоммерческие организации и социальные предприятия, включенные в процесс оказания социальных услуг.

Развиваемая система управления социальной сферой на основе платформенного решения ЕГССО имеет ряд существенных недостатков системного (адаптивность в условиях новых социальных вызовов; ориентация на меры социальной поддержки, а не на решение социальных проблем; унификация региональных и местных мер социальной поддержки; закрепление патерналистских установок граждан в отношении социальной функции государства) и технического (риски информационной безопасности и нарушения прав граждан) характера.

Можно выделить несколько перспектив реформирования социальной политики в современной России, связанных с процессами цифровой трансформации и использованием цифровых политико-управленческих технологий. Первая перспектива определяется возможностями воплощения организационно-технологической модели государственного управления в государство как платформу по ее интенсивному сценарию. Он предполагает новую

конфигурацию структуры органов исполнительной власти федерального и регионального уровней в цифровой экосистеме, реализацию их функций и государственных услуг по бесшовному принципу с непрерывной перестройкой всех бизнес-процессов с использованием прорывных цифровых технологий (хранилища данных, предиктивной аналитики, искусственного интеллекта). Успешное реформирование российской социальной политики также связано с включением бизнеса и организаций некоммерческого сектора в разделение социальной ответственности в платформенные решения. Это обеспечит использование ресурсного потенциала негосударственных субъектов при решении социальных проблем в условиях актуализации потребностей граждан в повышении социальных обязательств со стороны государства и необходимости сокращения государством социальных расходов на оптимизацию бюджетной политики. Политика по преодолению цифрового неравенства позволит сформировать компетенции у граждан и представителей разных секторов для эффективного использования цифровых сервисов в сфере социальной политики, а также включиться в производство социальных инноваций на основе информационно-коммуникативных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная политика, реализуемая в различных практических моделях современными государствами, претерпевает серьезные изменения под воздействием глобальных общественных и технологических трансформаций – сетевизации и цифровизации общества. Такие изменения потребовали научного осмысления в рамках представленной диссертационной работы.

Изучение теоретических основ социального государства позволило определить два ключевых основания развития социальной политики как политико-управленческой отрасли. Первый из них связан с дифференциацией подходов к определению содержания социального государства, базирующихся на двух типичных модусах: социальное государство как комплекс функциональных задач и мер социальной защиты, способствующих снижению социальной напряженности в обществе; социальное государство как комплекс стратегических приоритетов и мер, обеспечивающих достойное развитие каждой личности отдельно и всех групп населения в целом в соответствии с современными социально-экономическими реалиями. Такие содержательные основания понимания социальной роли государства нашли свое воплощение в различных практических моделях социальной политики, которые в социально-политической науке получили идеологические интерпретации в виде христианско-демократической модели (как делегирование государством своих социальных функций на локальный уровень с привлечением общественных организаций к производству общественных благ), либерально-рыночной модели (при ней социальные обязательства сводятся к минимуму, а основные социальные функции осуществляются негосударственными субъектами) и социал-демократической модели (государство является ключевым субъектом, наращивающим бюджетные социальные расходы для постоянного улучшения социального благополучия своих граждан).

Вторым ключевым основанием развития теоретических разработок к исследованию социальной политики является отражение на уровне научных представлений, изменяющихся в процессе фаз экономического роста и

экономического кризиса, а также общественных трансформаций социальной роли государства. Современные модели социальной политики нашли свое теоретическое осмысление в различных вариациях теории государства всеобщего благосостояния (модель остаточного благосостояния, модель индустриального благосостояния, модель институционального благосостояния и др.). Теоретическая модель всеобщего благосостояния тесно связана с социальной практикой современных государств, объемами их социальных обязательств в отношении незащищенных групп, а также набором социальных услуг и сервисов для инвестирования в человеческий капитал всего населения, что способствует созданию условий и стимулированию развития у человека возможностей для реализации им частных инициатив в социально-экономической сфере, индивидуальной ответственности и коллективной солидарности как субъекта гражданского общества.

Современные вызовы сетевизации и цифровизации общества под воздействием пандемии коронавируса обнажили существующий институциональный кризис социальной политики и активизировали научный поиск новых объяснительных моделей, учитывающих возникающие социальные риски и императивы. Согласно авторским разработкам, объяснительная модель социальной политики под воздействием сетевизации и цифровизации должна учитывать возрастающую включенность негосударственных субъектов и активных граждан в определение приоритетов социально-политической повестки, общественного запроса на решение конкретных социальных проблем, а также сетевые ресурсы мобилизации и интеграции граждан, других негосударственных субъектов в инновационные социальные практики. При этом многоакторный состав социальной политики требует от государства реализации функции координации и интеграции потребностей и интересов всех заинтересованных сторон в систему публичного управления на основе принципов сетевого сотрудничества и сетевого управления. Ключевыми характеристиками данной объяснительной модели социальной политики, основанной на сетевых компонентах, являются: структурные компоненты социальной политики,

представляющие собой субъектов политики (как субъектов, так и сетевых структур, их объединяющих); процессуальные компоненты в виде этапов цифровой эволюции, характеризующие уровень включенности субъектов социальной политики и ее благополучателей в цифровое пространство; технологические компоненты как конкретные цифровые технологии, способствующие эффективной деятельности субъектов, реализации инструментов социальной политики, получение гражданами социальных услуг и общественных благ, успешному развитию человеческого и социального капитала. Сетевые ресурсы, которые формируются в сетевых компонентах преобразующей социальной политики, позволяют достигать новые результаты развития в социальной сфере государства.

Результатом эволюции социальной политики в современной России стало формирование синтетической модели, основанной на взаимодействии государства, работодателя и населения на принципах субъект-субъектной солидарной ответственности; активном включении государства через рынок в социальную сферу; общедоступности социальных сервисов в сфере образования, здравоохранения и культуры; приоритете демографического роста и выстраивании системы финансово-материального стимулирования семей к деторождению; сетевизации и цифровизации социальной сферы; усилении роли и функций государственных органов власти на уровне субъектов РФ в решении социальных задач регионов.

Потенциал преобразования российской социальной политики в современных российских условиях раскрывается через ее сетевые ресурсы (сетевые акторы и структуры, а также комплекс сетевых технологий и решений). Сетевые ресурсы (социально-дискурсивные, гражданско-дискурсивные, социально и политически проактивные на платформах популярных социальных сетей) актуализируются как на дискурсивном, так и на институциональном уровне. На дискурсивном уровне социальной публичной политики происходит конструирование социально-политической повестки, определение новых социальных приоритетов посредством таких технологий, как создание топовых социальных тем в социальных сетях, их

распространение блогволнами, метаосвещение в онлайн- и офлайн-СМИ, организация коллективных петиций и краудсорсинговых решений. На институциональном уровне сетевые сообщества и структуры интегрируются в реальные институциональные структуры социальной политики (социально ориентированные некоммерческие организации, экспертно-консультативные и общественные советы при законодательных и исполнительных органах власти различного уровня), а также в многоуровневые и многосоставные партнерства для решения социально значимых проблем территорий и сообществ.

Межсекторное партнерство в РФ наиболее успешно реализуется в сегментах образования, науки, здравоохранения и социального обслуживания населения на основе гибридных, организационно-структурных, конкурсных, социально-технологических и информационно-коммуникативных институциональных механизмов в формах государственно-частного, государственно-общественного и общественно-частного партнерства. Дальнейшее развитие межсекторного партнерства как сетевого ресурса в новой модели социальной политики будет обеспечиваться формированием высокого уровня институционального доверия к институтам управления обществом. Это возможно за счет включения в практики сотрудничества по решению социальных проблем граждан, в том числе и в волонтерском формате, а также закрепления политических приоритетов в отношении институциональной поддержки многоуровневых и многосоставных межсекторных социальных партнерств.

Цифровизация является ключевым фактором трансформации социальной политики современной России, которая проявляется в изменении конфигураций социального ландшафта общества, основанного на цифровых расколах технологического, регионального, поколенческого, гендерного характера, что усугубляет дифференциацию населения по доступу к системе непрерывного образования, различным сегментам рынка труда и занятости, комплексу социальных сервисов и услуг. Политика по преодолению цифрового неравенства усилиями государства обеспечивает институциональные условия для создания единых платформенных решений социальных услуг и сервисов различного уровня

и одновременно повсеместный доступ всех граждан к информационно-коммуникационной инфраструктуре независимо от территории их проживания. В практиках межсекторного партнерства в политике цифровой инклюзии реализуются программные мероприятия и проекты (в том числе национальные проекты), нацеленные на социализирующее воздействие различных социальных групп для формирования цифровых компетенций, мотивации их использования, а также осознания преимуществ, которые появляются у граждан как благополучателей при использовании цифровых технологий. Политика по преодолению цифрового неравенства в краткосрочной перспективе позволит сформировать компетенции у граждан и представителей разных секторов для эффективного использования цифровых сервисов в сфере социальной политики.

Период пандемии ускорил процесс цифровой трансформации управления социальной сферой, что нашло отражение в практиках перевода широкого перечня социальных услуг и мер социальной поддержки в цифровой формат через портал «Госуслуги» и создании платформы «Единая государственная информационная система социального обеспечения» для координации деятельности различных субъектов социальной политики федерального, регионального и локального уровней. Успешность внедрения цифровых политико-управленческих технологий в институциональную систему социальной политики будет зависеть от степени воплощения организационно-технологической модели государственного управления в государство как платформу, в которой все структуры органов исполнительной власти федерального и регионального уровней взаимодействуют в цифровой экосистеме по бесшовному принципу с непрерывной перестройкой всех бизнес-процессов с использованием прорывных цифровых технологий. Это позволит использовать ресурсный потенциал негосударственных субъектов в решении социальных проблем в условиях актуализации потребностей граждан в повышении социальных обязательств со стороны государства и необходимости сокращения государством социальных расходов для оптимизации бюджетной политики.

Исследование сетевых ресурсов социальной политики открывает широкие возможности для проектирования адекватных общественных и технологических трансформаций, новых формирующихся социальных императивов институционального дизайна социальной политики, прежде всего на уровне субъектов РФ, как наиболее приближенного к потребностям и интересам граждан уровня государственного управления. Дискурсивный ресурс сетевых сообществ и структур, формирующийся в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве может быть использован на основе различных цифровых технологий в диагностике острых социальных проблем, не входящих в систему действующих приоритетов органов власти, а также в продвижении, тиражировании инновационных практик их решения среди целевых групп граждан и субъектов социальной политики. Сетевой ресурс онлайн-солидарности, который проявляется не только в общности интересов и проблем, но и в готовности участников сетевого онлайн-сообщества осуществлять взаимопомощь в решении социальных проблем в повседневных практиках с опорой на собственные силы, будет полезен при проектировании и реализации мероприятий антикризисной направленности в условиях ресурсных ограничений у органов власти. Ресурсы цифровых сервисов в сфере социальной политики открывают новые возможности для создания институциональных сетевых структур разноуровневого межсекторного партнерства, объединяющих разнообразных социальных акторов для выработки инновационных способов решения общественно значимых проблем и/или их реализации на практике. Такой подход к развитию социальной политики не только трансформирует ее институциональный дизайн, но и включает в выработку и реализацию самих благополучателей, переводя их из потребительской позиции в преобразовательную с высоким уровнем индивидуальной и коллективной социальной ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акрамовская А.Г. Межсекторное социальное партнерство в России: состояние, механизмы, стратегии и управление развитием в регионах: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.
2. Александрова Т.В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // *Journal of Economy and Business*. 2019. Т. 8. С. 9–12.
3. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002.
4. Антропов В.В. Шведская модель социальной защиты // *Народонаселение*. 2005. № 4. С. 122–129.
5. Астафурова А.В. Вспомогательные инструментарию полярных исследований: развитие гражданской науки с помощью индустрии морского туризма // *Российская Арктика*. 2021. № 13. С. 40–61. DOI: 10.24412/2658-4255-2021-2-40-61
6. Астахова Н.В., Большаков Н.В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(1). С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-51-66>
7. Бардин А.Л. Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 6. С. 73–88. DOI: 10.17976/jpps/2021.06.06
8. Баскакова М.Е. Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. М.: Гелиос АРВ, 2002.
9. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
10. Башева О.А., Ермолаева П.О. Волонтеры в экстремальных ситуациях: исследовательское поле // *Вестник Института социологии*. 2020. № 32. С. 49–71.
11. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

12. Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // The Journal of Social Policy Studies. 2016. № 14(4). С. 535–550.
13. Бондаренко С. Цифровое неравенство // Наука и жизнь. 2001. № 6. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6053/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
14. Борисова Н.В. Социальная политика в области инклюзивного образования: контекст либерализации и российские реалии // The Journal of Social Policy Studies. 2010. № 4(1). С. 103–120.
15. Борисова-Сале А. Гражданская наука в действии: как ученые-любители помогают исследовать COVID-19, дикую природу и другие галактики. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/414229-grazhdanskaya-nauka-v-deystvii-kak-uchenye-lyubiteli-pomogayut-issledovat-covid-19> (дата обращения: 23.06.2022 г.).
16. Бородина А.В. Социальное партнерство как общественно-исторический феномен и принцип регулирования взаимоотношений социальных групп: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2005.
17. Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. №. 1. С. 52–58.
18. Бригс П., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени с 1789 года и до наших дней. М.: Весь мир, 2008.
19. Буров В.В., Петров М.В., Шаров А.В. «Государство как платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 3. С. 6–17.
20. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.
21. В Воронеже разгорелись страсти вокруг природного парка «Северный лес». URL: <https://rg.ru/2020/09/15/reg-cfo/v-voronezhe-razgorelis-strasti-vokrug-prirodnogo-parka-severnyj-les.html> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

22. В России подготовят новые меры поддержки семей с детьми. URL: <https://www.interfax.ru/russia/826581> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
23. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.
24. Вартанова Е.Л. Концептуализация цифрового неравенства: основные этапы // Медиаальманах. 2018. № 5. С. 8–12.
25. Василенко И.В. Ожидания населения от пенсионной реформы 2018 г. как основа формирования социальной напряженности // The Journal of Social Policy Studies. 2020. № 18(2). С. 269–282. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-269-282>
26. Век цифровой взаимозависимости: доклад Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству // Официальный сайт ООН. 2019. 10 июня. URL: <https://www.un.org/ru/digital-cooperation-panel/> (дата обращения: 27.11.2021).
27. Владимир Путин подписал Указ «О долгосрочной государственной экономической политике», 7 мая 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15232> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
28. Владиславлева Т.Б., Керов В.А. Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 22–46.
29. Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России: монография / под ред. А.В.Глухой. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. 248 с.
30. Волкова А.В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования. 2019. № 1. С. 41–50.
31. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №. 6. С. 97–118.

32. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу. М.: Проспект, 2021.
33. Волонтеры-медики.рф – официальный сайт. URL: <https://xn----ctbhcbtardmikb4a2a0m.xn--p1ai/actions/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).
34. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182.
35. Гавра Д.П., Декалов В.В. Коммуникативный капитализм: методологические предпосылки и парадигмальное позиционирование // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, №. 1. С. 27–43.
36. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век // Официальный сайт ООН. 2013. 19 декабря. URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/12/1234451> (дата обращения: 27.11.2021).
37. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 16–28.
38. Гнедаш А. А. Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4(76-77). С. 96-108.
39. Гнедаш А.А. Модернизация государственной семейной политики в современной России: (экстра)ординарный поворот к пронатализму // Политика семьи и детства в постсоциализме: коллективная монография. М.: ООО Вариант; ЦСПГИ, 2014.
40. Говорова Н.В. Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19 // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С.75–87.
41. Гонтмахер Е., Трубин В. Эволюция системы социальной поддержки населения // Общество и экономика. 2000. № 9-10. С. 30–69.

42. Государственная программа «Информационное общество» утверждена Постановлением Правительства от 15 апреля 2014 года № 313. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/825/events/?page=2> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
43. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2020.
44. Государство как платформа: люди и технологии / под ред. М.С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2019.
45. Госуслуги в цифрах за 2020 год. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 23.05.2022 г.).
46. «Госуслуги» отмечают 12 лет: что было достигнуто с момента запуска. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/12/15/gosuslugi-otmechajut-12-let-chto-bylo-dostignuto-s-momenta-zapuska.html> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
47. Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН, 2020.
48. Григорьева И.А. Российская социальная политика в последние годы: между уже пройденным путем и все еще неопределенным будущим // The Journal of Social Policy Studies. 2010. № 5(1). С. 7–24.
49. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 29–44.
50. Григорьева И.А. Сто лет трансформаций социальной политики в России // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15(4). С. 497–514.
51. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (1). С. 7–22.

52. Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанина В., Шарова М.А. Социальная политика в области родительства: сравнительный анализ (Россия–Франция) // *The Journal of Social Policy Studies*. 2014. № 12(1). С. 21–38.
53. Гурвич Е. Приоритеты нового этапа пенсионной реформы // *SPERO*. 2008. № 8 (Весна-лето).
54. Гутник В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии: монография. М.: Экономика, 2002.
55. Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление // *Studia Humanitatis*. 2017. № 2. С. 23.
56. Демушина О.Н. Порталы электронных петиций как форма взаимодействия институтов власти и граждан в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 176–181.
57. Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации // *Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право*. 2019. № 4. С. 166–181. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-4-166-180
58. Дидерикс Г.А., Линдбланд И.Т. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы в XV в. до 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 1998.
59. Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху Интернета // *Вестник Московского университета. Сер.: 18. Социология и политология*. 2018. № 24(4). С. 59–79. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-4-59-79>
60. Дэли М., Льюис Дж. Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // *SPERO*. 2014. № 19. С. 117–136.
61. Единая государственная информационная система социального обеспечения – официальный сайт. URL: <http://egisso.ru/#/social> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
62. Езерская А. Цифровое неравенство: почему в сфере IT так мало женщин и как гендерный дисбаланс при сборе данных вредит науке. URL: <https://knife.media/digital-patriarchy/> (дата обращения: 10.04.2022).

63. Елютина М.Э., Трофимова О.А. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(1). С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2017-15-1-37-50>.
64. Ермаков С.П., Захарова О.Д. Демографическое развитие России в первой половине XXI века. М.: ИСПИ РАН, 2000.
65. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии: 1815–1917. М.: ИМО, 1959
66. Жеребин В.М., Махрова О.Н. Цифровой раскол между поколениями // *ФЭС: Финансы, экономика, стратегия*. 2015. № 4. С. 5–9.
67. Жидкова Н.Г., Тулаева С.А. Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. № 18(3). С. 429–444. DOI: <https://doi.org/10.17323/1727-0634-2020-18-3-429-444>
68. Зенков А.Р. Образование в условиях пандемии: возможности и ограничения цифрового обучения // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 3. С. 51–64.
69. Зенков А.Р., Удовенко И.П. Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4. С. 7–19.
70. Золотарева О.А., Давлетшина Л.А. О мониторинге социально-экономических последствий цифровой трансформации // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 228, № 2. С. 380–404.
71. Зубков С. Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60>. (дата обращения: 13.12.2021).
72. Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 4. С. 362–391.
73. Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Анализ моделей экосистем в ракурсе социальной деполяризации в обществе // *Власть*. 2022. Т. 30, № 1. С. 157–171.

74. Ильичева Л.Е., Авдои Д.Т. Власть и гражданское общество: взаимодействие как ответ на вызовы и риски новой социально-политической реальности (на примере Приморского края) // Власть. 2022. Т. 30, № 3. С. 140–150.
75. Ильичева Л.Е., Пирожков Н.С. Механизмы электронной демократии в современной России: условия формирования и тенденции развития // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 2. С. 21–26.
76. Исследование ООН: электронное правительство – 2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2018. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.)
77. Исследование ООН: электронное правительство–2018. Применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2018. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).
78. История женщин на Западе: в 5 т. Т. 5. Становление культурной идентичности в XX столетии / под ред Ф. Тебо, Ж. Дюби, М. Перро. СПб.: Алетейя, 2018.
79. Исупова О.Г., Уткина В.В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // The Journal of Social Policy Studies. 2018. № 16(3). С. 473–486. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-473-486>
80. Ищенко-Падукова О.А., Мовчан И.В. Трансформация институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной вирусной пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 116–120.

81. Казаков А.А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 138–143.
82. Казун А.Д. Откуда берется повестка дня? Роль СМИ в конструировании значимости событий // Вестник общественного мнения. 2017. Т. 124, № 1-2. С. 182–189.
83. Карасев А.Т., Кожевников О.А., Савоськин А.В. Отдельные вопросы конституционной трансформации публичного управления в России // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2021. № 2. С. 24–37.
84. Кастельс М. Информационная эпоха / под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ВШЭ, 2000.
85. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
86. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М.: Academia, 1999.
87. Квашнин Ю.Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 94–104.
88. Кертман Л.Е., Рахшмир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков. (На путях к общему кризису капитализма). М.: Высшая школа, 1984.
89. Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // The Journal of Social Policy Studies. 2015. № 13(2). С. 289–302.
90. Кислицына О.А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической политики в России // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15(4). С. 547–558. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-547-55>

91. Кичерова М.Н., Гильтман М.А. Инвестиции в неформальное образование: проблемы измерения отдачи и разработки рекомендаций для социальной политики // The Journal of Social Policy Studies. 2021. № 19(3). С. 523–532. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-523-532>
92. Кожумратова А.К. Реализация государственной политики в экономической и социальной сферах в условиях пандемии COVID-19 // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 2. С. 45–55.
93. Комаров О.Е., Соколов А.В. Перспективы развития краудсорсинга как формы диалога органов управления и общества // PolitBook. 2021. № 1. С. 150–176.
94. Конкурсная поддержка фундаментальных научно-исследовательских работ, призванная построить новые отношения между учеными и государством // Российский фонд фундаментальных исследований. Официальный сайт. URL: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/contest> (дата обращения: 23.06.2022 г.).
95. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.05.2022 г.).
96. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации. Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (6). С. 6–28.
97. Коровкин В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Сколково, 2020. С. 7.
98. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Издательство «Алетейя», 2018.
99. Кочеткова Л.Н. Социальное государство: опыт философского исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
100. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 69–79.

101. Красильникова Ю. Манифест Четвертой промышленной революции. 21 января 2016. URL: https://hightech.fm/2016/01/21/industrial_revolution_the4th (дата обращения: 23.05.2022).
102. Краснопольская И.И., Мерсиянова И.В. Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации. Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 29–52.
103. Кукареко В.В., Соколов И.С. Цифровизация социальной сферы: преимущества и этические риски. URL: https://ethics.cdto.center/7_3 (дата обращения: 23.05.2022 г.).
104. Кулик А.Т. «Электронное государство» как вызов для отечественной политической науки // Управление государством: проблемы и тенденции развития. Политическая наука: ежегодник. 2007 / гл. ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2008.
105. Кулькова В.Ю. Цифровая эволюция социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях COVID-19 // Общественные науки и современность. 2021. № 3. С. 88–100.
106. Курникова М.В., Придатченко М.В. Семья ребенка с инвалидностью в сфере адаптивной физической культуры: социально-правовые аспекты // The Journal of Social Policy Studies. 2021. № 19(4). С. 727–736. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-727-736>
107. Кучинский Ю. История положения рабочего класса при капитализме. Мировой обзор. М.: Прогресс, 1970.
108. Кучинский Ю. История условий труда в Германии / пер. с нем. и вступ. Б. Герцовича. М.: Изд. Иностранная литература, 1949.
109. Латов Ю.В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
110. Липасова А. Отцовство в российской провинции: теоретический и эмпирический анализ // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15(4). С. 629–642. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-629-642>

111. Лоскутова И.М., Панич Н.А., Юдина Е.Н. Социальные аспекты дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 // Теория и практика общественного развития. 2021. №3(157). С. 30–34.
112. «Люди возмущены, вся страна собирала». Ройзман – об отказе на закупку лекарства для мальчика из Краснодара. URL: <https://93.ru/text/health/2022/02/03/70421525/>
113. Малахова П. Национальный проект против цифрового неравенства в России // Hi-Tech. URL: https://hi-tech.mail.ru/review/56952-russia-connects-to-the-internet/?utm_partner_id=936 (дата обращения: 21.02. 2022 г.).
114. Малева Т., Синявская О. Прогнозная оценка перспектив пенсионной системы до 2012 г. Итоги и уроки пенсионной реформы в России // Финансовый контроль. 2006. № 2 (51)-3 (52).
115. Малева Т., Синявская О. Социально-экономические факторы рождаемости в современной России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5 (Осень-зима)
116. Малева Т.М. Политика на рынке труда на этапе экономического роста // Человек и труд. 2008. № 1. С. 18–25.
117. Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Социальная модернизация в России: теория, история, вызовы // SPERO. 2009. № 10. С. 11–32.
118. Малеева Т., Васин С. Инвалиды в России – узел старых и новых проблем. URL: http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2001/3/ProEtContra_2001_3_05.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).
119. Малышева Г.А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 3. С. 60–74.
120. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

121. Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Гражданская наука в социально-психологических исследованиях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4(16). С. 43–70.
122. Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. № 3. С. 21–28.
123. Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.
124. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 135–149. DOI: 10.21638/srbu23.2021.202
125. Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Поляризация дискурсивного пространства (на примере хэштэга #RUSSIA в социальной сети TWITTER) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 53–62.
126. Митрохина Т.Н. Политическая повестка дня: понятие, специфика, субъекты формирования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. №. 1 (75). С. 176–180.
127. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87.
128. Михайлова А.А. Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-9.
129. Михайлова О.В. Оценка эффективности сетевого взаимодействия в государственном управлении: возможности и вызовы // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021.

Российская Ассоциация политической науки; Томский государственный университет. Томск, 2021. С. 88–102.

130. Михайлова О.В. Сетевые альянсы как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 137–155.

131. Михайлова О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // Политическая наука. 2021. № 4. С. 14–30.

132. Михайлова О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 23–39.

133. Михайлова О.В. Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 167–175.

134. Морозова Е.В. Цифровое неравенство: поколенческое измерение // Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Краснодар: Вика-Принт, 2020. С. 206–207.

135. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика: контуры проблемного поля // Полис: Политические исследования. 2017. № 2. С. 82–102.

136. Мухарямова Л.М., Кузнецова И.Б. Равенство и справедливость в отношении здоровья: к поиску аналитических инструментов оценки // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15(4). С. 651–659. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-651-659>

137. Мухарямова Л.М., Кузнецова И.Б., Петрова Р.Г., Салахатдинова Л.Н. Региональное здравоохранение в условиях реализации национального проекта

«Здоровье» и разграничения бюджетных полномочий // The Journal of Social Policy Studies. 2010. № 6(4). С. 483–504.

138. Мывместе.рф – официальный сайт. URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/volunteers/tpost/89dopeism1-itogi-mezhdunarodnoi-premii-mivmeste-lau> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

139. Наберушкина Э. Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальных дистанций // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15(2). С. 333–340. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-333-340>

140. «Нецелесообразно». Люди собрали 121 млн рублей на лечение мальчика из Краснодара, а медики не разрешили купить лекарство. URL: <https://93.ru/text/health/2022/02/03/70421168/>

141. Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы // Материалы международной конференции. М.: Фонд народонаселения ООН, 2006.

142. Никовская Л.И., Молокова М.А. Социальное государство и социальная политика: вызовы для некоммерческого сектора // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 74–79.

143. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

144. О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/10164333/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

145. О Кубанском научном фонде: Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30 октября 2019 г. № 366-Р // https://www.kubsf.ru/_files/ugd/c5effb_827d66d328894503b0ac9397f89865e7.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.).

146. О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»: Постановление Правительства Российской

Федерации от 13.05.2021 № 729. URL: <https://base.garant.ru/400793960/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

147. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

148. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утверждена Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

149. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р (ред. от 07.06.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378135 (дата обращения: 23.05.2022 г.).

150. Обзор мирового опыта по борьбе с коронавирусом от 16 апреля 2020 г. Обзор сформирован Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации. URL: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/obzor-mirovogo-opyta-po-borbe-s-koronavirusom-16042020%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/obzor-mirovogo-opyta-po-borbe-s-koronavirusom-16042020%20(2).pdf) (дата обращения: 23.05.2022 г.).

151. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малевой, Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др. М.: НИСП, 2007.

152. Обучение пожилых людей работе за компьютером и пользованию гаджетами // АНО СО «Социальные инновации». URL: <https://www.socinnovations.ru/2020/04/28/obuchenie-pozhilyh-ljudej-rabote-za-kompjuterom-i-polzovaniju-gadzhetaми/> (дата обращения: 27.02.2022 г.).

153. Овчарова Л., Пишняк А., Попова Д. Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости? М.: ЮНИСЭФ-НИСП, 2007.

154. Овчарова Л.Н. Опасность неравенства: нашим детям грозит бедность. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/362011-opasnost-neravenstva-nashim-detyam-grozit-bednost> (дата обращения: 23.06.2022 г.).
155. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // The Journal of Social Policy Studies. 2010. № 4(2). С. 151–182.
156. Опросы по тегу «здравоохранение». URL: <https://www.levada.ru/tag/zdravooohranenie/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
157. Основные работы: Stein, L. von. Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unserc Tage. Bd. III. Munchen, 1921.
158. Отраслевая справка МОТ: Кризис COVID-19 и сектор здравоохранения. Международная организация труда. 11 апреля 2020 г. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_747870.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.)
159. Официальный сайт газеты «Новороссийский рабочий». URL: <https://novorab.ru/2022/02/22/v-2022-godu-ktk-v-soczialnye-proekty-novorossijska-vlozhit-130-millionov-rublej/> (дата обращения: 27.02.2022 г.).
160. Официальный сайт конкурса «Цифровой прорыв». URL: <https://hacks-ai.ru/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
161. Официальный сайт КТК. URL: <https://www.cpc.ru/ru/about/Pages/default.aspx> (дата обращения: 27.02.2022 г.).
162. Официальный сайт национальной социальной программы «Бабушка и дедушка онлайн». URL: <http://babushka-on-line.ru> (дата обращения: 29.12.2019).
163. Официальный сайт Ростелеком. URL: <https://www.company.rt.ru/social/programms/education/azbuka/> (дата обращения: 2.05.2020 г.)
164. Оценка.гранты.рф – официальный сайт. URL: <https://xn--80ajpld2c.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/award/about/A847160B-1BF2-4B13-9049-62E6FF5FFC60> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

165. Очевидец: без волонтеров Крымск бы не спасли // ТАСС – официальный сайт. URL: <https://tass.ru/v-strane/4391433> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

166. Павлов В.С. Социальная политика западноевропейских государств в рыночной экономике // Вестник Нижегородского университета. 2008. № 6. С. 165–170.

167. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден 16.01.2020 президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018 во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

168. Патрушев В.И., Горбунова Г.Д. Межсубъектное социальное партнёрство в Республике Башкортостан: этапы эволюции и основные акторы // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 1. С. 63–69.

169. Паутов И.С., Паутова Н.И. Продвижение здорового образа жизни как инструмент реализации государственной политики в сфере охраны здоровья в современной России // The Journal of Social Policy Studies. 2014. № 12(4). С. 493–508.

170. Певная М.В., Шуклина Е.А., Асоян Л.А. Социальное участие студентов России и Армении: институциональный контекст и нереализованный потенциал некоммерческого сектора в социокультурном развитии региональных городов // The Journal of Social Policy Studies. 2020. № 18(3). С. 445–460. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-445-460>

171. Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

172. Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: Центр стратегических разработок, 2018.

173. Пинчук О., Миняжев Т. Рынки и рестораны Москвы: сетевые сообщества трудовых мигрантов из Азербайджана // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(2). С. 251–266. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-251-266>
174. Плотичкина Н.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 4. С. 70–83.
175. Подольский В.А. Социальное государство в Великобритании: формирование и функционирование // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 90. С. 183–197.
176. Подольский В.А. Социальная политика в Германии // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2021. Т. 11, № 6. С. 145–155.
177. Подольский В.А. Социальная политика в Китае // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 10 (160). С. 98–105.
178. Подольский В.А. Хрупкое общество: генезис, смысл и издержки социальной политики // *Социодинамика*. 2022. № 11. С. 16–27.
179. Подольский В.А. Сравнение эффективности систем социальной политики // *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4182–4191.
180. Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии: материалы Всерос. науч. конференции (с международным участием) / под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Курочкина, О.А. Игнатьева. М.: Аспект Пресс, 2022.
181. Попов Д., Стрельникова А. Работа, образование и грамотность в России: проблема неконсистентности // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. № 15(2). С. 267–280. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>
182. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ».

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/) (дата обращения: 23.05.2022 г.).

183. Правительство утвердило проекты по цифровой трансформации социальной сферы. URL: <http://government.ru/news/43660/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

184. Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», 7 мая 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

185. Приоритет 2030. Официальный сайт государственной программы. URL: <https://priority2030.ru/> (дата обращения: 23.06.2022 г.).

186. Прокопьев Е.А. Факторы внутрирегионального цифрового разрыва: оценка сайтов поселений (на примере Республики Карелия) // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 4. С. 50–71. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-4-50-71>

187. Пророк В., Ильичева Л.Е., Сафиуллин В.А. Гражданское общество в условиях возрастающего неравенства современного общества // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 1. С. 36.

188. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие: коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018.

189. Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24–34.

190. Рождественская Е.Ю. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // The Journal of Social Policy Studies. 2012. № 9(4). С. 439–454.

191. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.

192. Российское здравоохранение: мотивация врачей и общественная доступность / отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2008.

193. Россиян начнут уведомлять о праве на получение мер соцподдержки. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/rossiyan-nachnut-vedomlyat-ob-ikh-prave-na-mery-sotspodderzhki> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

194. Рябова Л.А., Ключникова Е.М. Боровичев Е.А., Маслобоев В.А. Гражданская наука как инструмент информационного обеспечения принятия решений в российской Арктике в условиях изменения климата // Север и рынок. Формирование экономического порядка. 2020. № 3. С. 40–55. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.69.003

195. Рябченко Н.А., Гнедаш А.А. Online и offline социальные сети: к вопросу о математическом обосновании стохастической модели функционирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 3 (22). С. 91–100.

196. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «Конституционные поправки» и «Пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация VS сдерживание в официальных СМИ // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 2. С. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-2-142-155>

197. Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012.

198. Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В., Гнедаш А.А. От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях рунета (практики сетевых сообществ) // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 3. С. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-20-36>

199. Садовая Е.В. Социальные вызовы цифровой экономики: Россия в глобальном контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 9. С. 14–24.

200. Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019.

201. Сапрыкина Д.И., Волохович А.А. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
202. Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602
203. Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М., 2005.
204. Сидорина Т.Ю. Социальная политика между экономикой и социологией. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/16/1214863195/Sidorina.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
205. Сизоненко А.Ю., Гнедаш А.А., Катермина В.В. Сетевой дискурс и российский мэр: формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 100–111. DOI: 10.37972/chgpu.2021.112.3.013.
206. Синявская О.В. Пандемия коронавируса: ключ к решению или катализатор социальных проблем? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pandemiya-koronavirusa-klyuch-ili-katalizator/> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
207. Скворцов И.П. Социальная политика региона. Теория и практика. М.: Кнорус, 2010.
208. Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика. М.: ГУ ВШЭ, 2009
209. Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 6–19.
210. Сморгунов Л.В. Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. Т. 27, № 5. С. 9–19.

211. Сморгунов Л.В. Партисипаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4 (61). С. 43–49.

212. Сморгунов Л.В. Совместное управление и сотрудничество в системе публичной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 14–20.

213. Сморгунов Л.В. Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий // Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021. Российская Ассоциация политической науки; Томский государственный университет. Томск, 2021. С. 9–33.

214. Сморгунов Л.В., Игнатъева О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 101–112.

215. Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018.

216. Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 1 (21). С. 30–45.

217. Соколов А.В., Барский Я.В. Интернет-активизм как феномен цифровизирующейся гражданской активности // Власть. 2021. Т. 29. № 6. С. 42–47.

218. Соколов А.В., Комаров О.Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 26–37.

219. Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216–230.

220. Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. №. 4. С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>.
221. Соловьев А.И. Фронтальные зоны публичной политики // Политическая наука. 2021. № 3. С. 183–204.
222. Соловьёв А.И., Пушкарёва Г.В. Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 67–75.
223. Сосунов Д.В. Формирование политической повестки дня современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2018. №. 1. С. 143–146.
224. Социальная политика бизнеса в российских регионах: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2005.
225. Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии: Социальный бюллетень. Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/social/social.2020.3.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.)
226. Социальное государство в зеркале общественных трансформаций / отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2020
227. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. ВЦИОМ, 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnoe-samochuvstvie-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 23.05.2022 г.)
228. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019.
229. Статистическая история США. XVII — начало XXI в. / под ред. В.В. Согрина. М.: ИВИ РАН, 2012.
230. Стрижов С.А. Барьеры и риски цифровой экономики // Управление экономическими системами. 2018. № 12 (118). С. 86–95.

231. Субботин А.Л. Общественный договор // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2675521> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
232. Тезадова Д.А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 3. С. 90–106.
233. Тимофеева Л.Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 64–69.
234. Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.04>
235. Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 23–39. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.03>.
236. Трахтенберг А.Д. Традиционные тактики взаимодействия с властью и готовность к электронному правительству // Современные исследования социальных проблем: электронный журнал. 2011. Т. 7, № 3. С. 57
237. Тюков Н.А., Никулин Е.Р., Шаповалов В.Л. Сетевая аудитория политической повестки в республике Беларусь в 2020-2021 годах: цифровой портрет, мотивации и модели поведения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 2. С. 97–108.
238. Устимова О.В. Соотношение повесток дня и возможности управленческих стратегий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 4, № 6. С. 81–86.

239. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» утверждена Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65. URL: <http://www.erus.ru/site.shtml?id=15> (дата обращения: 23.05.2022 г.)
240. Фонд президентских грантов – официальный сайт. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 23.06.2022 г.).
241. Фонд развития межсекторного социального партнерства – официальный сайт. <https://spdfund.org/> (дата обращения: 14.02.2022 г.).
242. Фридман и Хайек о свободе / пер. с англ. под ред. А. Бабича. Минск, 1990.
243. Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига, 2006.
244. Холоденко Ю.А. Социальные риски цифровой революции: фактор глобализации // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 9. С. 88–93.
245. Холявин А. Отношение к чаепитию как маркер профессионализации сообщества третьего сектора в Санкт-Петербурге // *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. № 18(1). С. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-99-114>
246. Хоткина З.А. Преодоление цифрового гендерного разрыва // *Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всерос. конф. с междунар. участием*. Иваново: ИвГУ, 2018.
247. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Сколково, 2020. URL: www.skolkovo.ru (дата обращения: 23.05.2022 г.).
248. Цифровая культура. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/kultura/tsifrovaya_kulturae (дата обращения: 23.05.2022 г.).
249. Цифровая образовательная среда. URL: https://xn--80aapratpemtсchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/obrazovanie/umnaya_shkola (дата обращения: 23.05.2022 г.).

250. Цифровая платформа с механизмом подбора адресных мер поддержки. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/msp/p-tsifrovaya-platforma-s-nbsp-mekhanizmom-adresnogo-podbora-mer-podderzhki-p> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

251. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: доклад НИУ ВШЭ при участии Всемирного банка. М., 2019. URL: http://gos.hse.ru/upload/Libv/Cifrovaya_transformatsiya_doklad_2019.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

252. Цифровая трансформация социальной сферы: экспресс-анализ грядущих изменений. URL: <https://www.comnews.ru/content/213334/2021-03-02/2021-w09/socialnuyu-sferu-zhdet-cifrovaya-transformatsiya> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

253. Цифровизация малого и среднего бизнеса. URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/tsifrovizatsiya-malogo-i-srednego-biznesa> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

254. Четвертая промышленная революция: целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. Информационный документ. Всемирный экономический форум, Женева, 2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).

255. Чечулин В.Л., Смыслов В.И. Модели социально-экономической ситуации в России 1990–2010 годов и сценарные прогнозы до 2100 года: монография. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013.

256. Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4, № 4. С. 501–525.

257. Чисто российское цифровое неравенство // Телеспутник. URL: <https://telesputnik.ru/materials/gov/article/chisto-rossiyskoe-tsifrovое-neravenstvo/> (дата обращения: 22.07.2021 г.).

258. Чорный О.В. Социально-экономические факторы государственной политики здравоохранения в современных условиях пандемии и карантинных ограничений в обществе // *Sciences of Europe*. 2020. № 59-2 (59). С. 73–77.
259. Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // *Проблемы развития территории*. 2020. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
260. Швецов А.Н. Цифровое неравенство российских городов и регионов: методы оценки и политика выравнивания // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2014. № 3. С. 51–63.
261. Шевченко Е. С. Концептуальные основы формирования и реализации политической повестки Д. Трампом: выбор инструментария принятия решений // *PolitBook*. 2018. №. 2. С. 58-71.
262. Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 2. С. 7–24.
263. Шиняева О.В., Слепова О.М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // *Известия Саратовского университета. Сер.: Социология. Политология*. 2019. Т. 19, №. 1. С. 53–61. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61
264. Шлепаков А. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М.: Мысль, 1966.
265. Шпаковская Л.Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // *The Journal of Social Policy Studies*. 2015. № 13(2). С. 211–224.
266. Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.
267. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А.С. Гиероглифов, 1874.
268. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы // *Институт системного анализа РАН*. М., 2004.

269. Якимец В.Н. Социальное партнерство в России: исследования, механизмы, опыт // Социальное партнерство. Российский опыт. 2000. СПб.: Интерлэнт, 2001.
270. Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 11–28.
271. Ясницкая Я.С., Роднянский Д.В. Межсекторное взаимодействие и его роль в развитии регионов России // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С.104–106.
272. Abrahamson P. Welfare Pluralism: Towards a New Consensus for a European Social Policy? // Current Politics and Economics of Europe. 1995. Vol. 5, № 1. P. 29–42.
273. Allen R.C. Engels' Pause: Technical Change, Capital Accumulation, And Inequality in The British Industrial Revolution. URL: https://istmat.org/files/uploads/58305/allen_engels_pause.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).
274. Al-Muwil A., Weerakkody V., El-haddadeh R., Dwivedi Y. Balancing Digital-By-Default with Inclusion: A Study of the Factors Influencing E-Inclusion in the UK // Information Systems Frontiers. 2019. № 21. P. 635–659.
275. Anderson K.M. Social Policy in the European Union. London: Palgrave, 2015.
276. Bellamy C. From Automation to Knowledge Management: Modernizing British Government with ICTs // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68, № 1. P. 213–230.
277. Bonoli G. Political Institutions, Veto Points, And the Process of Welfare State Adaptation // The New Politics of the Welfare State / ed. by P. Pierson. New York: Oxford University Press, 2001.
278. Booth Ch. Life and Labour of the People in London. London, 1969.
279. Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective // European Journal of Sociology. 1961. Vol. 2(2). P. 221–258.

280. Building Digital Competencies to Benefit from Frontier Technologies. UNCTAD New York, United Nations Publications, 2019. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2449> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
281. Bussolo M., Dávalos M.E., Peragine V., Sundaram R. Toward A New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. Washington, DC, USA: World Bank Group, 2019.
282. Candranestri F.A Handbook of Comparative Social Policy. UK: Edward Elgar Publishing, 2004.
283. Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory / ed. by M.E. McCombs, D.L. Shaw, D.H. Weaver. New York: Routledge, 2013. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203810880>
284. Connecting the Nation: Libraries and Health Care Organizations in the Information Age: prepared by National telecommunications and information administration, June 28, 1995. URL: <http://www.ntia.doc.gov/report/1995/connecting-nation-libraries-and-health-care-organizations-information-age> (дата обращения: 09.05.2020 г.).
285. Cook L. Russia's Welfare Regime: The Shift toward Statism // Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries / ed. by M. Jäppinen, M. Kulmala, A. Saarinen. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011.
286. De Vreese C. Elenbaas M. Media in the Game Politics: Effects of Strategic Metacoverage on Political Cynicism // The International Journal of Press/Politics. 2008. № 13. P. 285–309.
287. Deacon B. Global Social Policy and Governance. London: Sage, 2007.
288. Digital 2020. Global Digital Yearbook. URL: <https://Media.rbcdn.ru> (дата обращения: 29.11.2021 г.).
289. Digital Around the World in 2020. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
290. Digital around the world in 2020». URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 02.05.2020 г.).

291. Donati P. Towards an Integrated and Synergized Social Policy. Concepts and Strategies // Innovation in Social Science Research. 1992. № 5. P. 97–107.
292. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.
293. Evers A. Part of the Welfare Mix: The Third Sector as an Intermediate Area // Voluntas. 1995. Vol. 6, № 2. P. 159–182.
294. Feezell J.T. Agenda Setting Through Social Media: The Importance Of Incidental News Exposure And Social Filtering In The Digital Era // Political Research Quarterly. 2018. № 72(2). С. 482–494. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912917744895>
295. Fischer F. Citizens, Experts, and the Environment: The Politics of Local Knowledge. Duke University Press, 2000.
296. Gartner. 5 Levels of Digital Government Maturity. 2017. November 6. URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/-levelsof-digital-government-maturity> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
297. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social Media and Political Agenda Setting // Political Communication. 2021. Vol. 39. P. 39–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584609.2021.1910390>
298. Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives – Summary, OECD. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: www.oecd.org/going-digital/going-digital-synthesis-summary.pdf (дата обращения: 23.05.2022 г.).
299. Goldsmith S. Eggers W.D. Governing by Network – The New Shape of the Public Sector. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004.
300. Government as a Platform, 2018 GaaP Readiness Index. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf- (дата обращения: 23.06.2022 г.).
301. Grimma R., Fоха С., Bainesb S., Albertsonc K. Social Innovation, an Answer to Contemporary Societal Challenges? Locating the Concept in Theory and Practice // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2013. Vol. 26, № 4. P. 436–455.
302. Grindle M.S. Social Policy in Development: Coherence and Cooperation in the Real-World CID Working Paper. 2010. № 203. October. URL:

<https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/203.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

303. Grindle M.S. Social Policy in Development: Coherence and Cooperation in the Real World. CID Working Paper № 203. October 2010. URL: <https://www.hks.harvard.edu/sites/default/files/centers/cid/files/publications/faculty-working-papers/203.pdf> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

304. Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.

305. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt a/M, 1995.

306. Hargittai E., Jennrich K. The Online Participation Divide // The Communication Crisis in America, and How to Fix It / ed. by M. Lloyd, L. A. Fried-land. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

307. Hartmann T. «Arbeitgeberzusammenschlüsse in Deutschland – Kooperationsmodell für die Zukunft» (Employer associations in Germany – Cooperation Model for the Future), conference presentation FlexStrat, Dortmund, 20 June. Dortmund, 2012.

308. Helsper E., van Deursen A. J.A.M. Digital Skills in Europe: Research and Policy // Digital Divides / ed. by K. Andreasson. Boca Raton: CRC Press, Taylor & Francis Group, 2015.

309. Hilbert M. Technological Information Inequality as an Incessantly Moving Target: The Redistribution of Information and Communication Capacities between 1986 and 2010 // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2014. T. 65, № 4. P. 821–835.

310. Hirst P. Democracy and Governance // Debating Governance. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 13–35.

311. Holden Ch. Global Social Policy: An Application of Welfare State Theory // Journal of International and Comparative Social Policy. 2018. Vol. 34, Is. 1. P. 40–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/21699763.2017.1413993>

312. Irwin A. Citizen Science. London: Routledge.1995.

313. Jenson J. Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism // Moving towards Social Investment. Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges / ed. by N. Morel, B. Palier, J. Palme. Bristol: Policy Press, 2012.
314. Jessop B. The Future of the Capitalist State. Cambridge: Polity Press, 2002.
315. Kainu M., Kulmala M., Nikula J., Kivinen M. The Russian Welfare State System // The Routledge International Handbook of Welfare State Systems / ed. by C. Aspalter. Routledge: Oxon. 2017.
316. Klass G. Explaining America and The Welfare State // British Journal of Political Science. 1985. № 15. P. 427–450.
317. Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M. Public Management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. 2000. Vol. 2, № 2. P. 135–158.
318. Kooiman J. Governing as Governance. London: Sage Publications, 2003.
319. Kooiman J. Modern Governance: New Government-society Interactions. London: Sage, 1993.
320. Kooiman J. Social-Political Governance: Introduction // Modern Governance. New Government – Society Interactions. London: Sage, 1993. P. 1–6.
321. Kooiman J., Jentoft D. Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices // Public Administration. 2009. Vol. 87. P. 818–836
322. Laybourn K. The Evolution of British Social Policy and The Welfare State. Keele University Press, 1995.
323. Leaning M. Digital Divides: Access, Skills and Participation // Media and Information Literacy: An Integrated Approach for the 21st Century. Chandos Publishing, 2017. P. 101–114.
324. Marx P., Nguyen C.G. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25(6). P. 912–943.
325. McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. New Directions in Agenda-Setting Theory and Research // Mass Communication and Society. 2014. Vol. 17, № 6. P. 781–802.

326. McCombs, M.E., Shaw, D.L., Weaver, D.H. Communication and Democracy: Exploring the Intellectual Frontiers in Agenda-Setting Theory // The Power of Information Networks. New Directions for Agenda Setting / ed. by L. Guo, M. McCombs. New York: Routledge, 2015.
327. McCulloch J.R. A Descriptive and Statistical Account of the British Empire. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1847.
328. McGregor S.C. Social Media as Public Opinion: How Journalists Use Social Media to Represent Public Opinion // Journalism. 2019. № 20(8). P. 1070–1086. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884919845458>
329. McQuail D. Media Performance. Mass Communication and the Public Interest. Trowbridge, Wiltshire: Sage Publication, 1992.
330. Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A., Gnedash A.A. Online Communities in The Public Space of Politics: Subjective Features and Possibility for Control (Exemplified by “ВКонтакте” Russian Social Networking Platform) // Webology. 2021. Vol. 18, Special Issue. P. 1342–1359.
331. Misuraca G., Pasi G., Urzi Brancati C. ICT – Enabled Social Innovation: Evidence & Prospective. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.
332. Mitch D. Education and Skill of the British Labour Force // The Cambridge Economic History of Modern Britain, Industrialisation, 1700–1860 / ed. by R. Floud, P. Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Vol. I.
333. Moore M. Harley J. Innovations in Governance // Public Management. Review. 2008. Vol. 10, № 1. P. 3–20.
334. Moroney R. The Family and the State. Considerations for Social Policy. London: Longman, 1976.
335. Multisectoral and Intersectoral Action for Improved Health and Well-Being for All: Mapping of The WHO European Region Governance for A Sustainable Future: Improving Health and Well-being for All. World Health Organization 2018. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/371435/multisectoral-report-h1720-eng.pdf (дата обращения: 23.06.2022 г.).

336. Norris P. Digital divide: Civic Engagement, Information Poverty, And The Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press. 2001.
337. O'Reilly T. Government as a Platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / ed. by D. Lathrop. Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media, 2010.
338. O'Reilly T. Government as a Platform, 2011. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/pdfplus/10.1162/INOV_a_00056 (дата обращения: 23.05.2022 г.).
339. OECD Digital Economy Outlook 2019. Paris: OECD Publishing, 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284en> (дата обращения: 23.05.2022 г.).
340. OECD Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas. OECD Publishing, Paris. 2016. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Digital-Government-Strategies-Welfare-Service.pdf> (дата обращения: 23.06.2022 г.)
341. Orlik J., Casasbuenas J., Helkkula K. Digital Frontrunners – Designing Inclusive Skills Policy for the Digital Age. London: NESTA, 2018.
342. Ottinger G. Buckets of Resistance: Standards and the Effectiveness of Citizen Science // Science, Technology, & Human Values, 2010. № 35(2). P. 244–270. DOI: 10.1177/0162243909337121.
343. Palier B. Work, Social Protection and The Middle Classes: What Future in The digital Age? // International Social Security Review. 2019. Vol. 72(3). P. 113–133.
344. Pierre J. Debating Governance. Oxford: Oxford University Press, 2000.
345. Pierre J., Peters B. Guy Governance, Politics and the State. London: Macmillan Press, 2000.
346. Pinker R. A. The Welfare State: A Comparative Perspective. London: Bookstall Publications, 1973.
347. Policy Innovations for Transformative Change / United Nations Research Institute for Social Development. 2017. URL: [https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210601023c005#:~:text=Innovations%20in%20social%](https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210601023c005#:~:text=Innovations%20in%20social%20policy)

20policy%20that,development%3B%20more%20inclusive%20forms%20of (дата обращения: 23.05.2022 г.).

348. Popova D., Matytsin M., Sinnot E. Distributional Impact of Taxes and Social Transfers in Russia Over the Downturn. 2018. URL: <https://doi.org/10.1177%2F0958928718767608> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

349. Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // Harvard Business Review. 2007. № 84(12). С. 78–92.

350. Rigby D.K., Sutherland J., Takeuchi H. Embracing Agile // Harvard Business Review. 2016. Vol. 94, №. 5. P. 40–50.

351. Rosa Ribeiro F. Digital Inclusion as Public Policy Disputes in The Human Rights Field // International Journal of Human Rights. 2013. Vol. 10, № 18. P. 33–54.

352. Sapir A. Globalisation and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005). URL: <http://www.bruegel.org> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

353. Social Insurance and Allied Services. Report by Sir William Beveridge. URL: https://www-sochealth-co-uk.translate.google.com/national-health-service/public-health-and-wellbeing/beveridge-report/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (дата обращения: 23.05.2022 г.).

354. Sorensen E., Torfing J. The Democratic Anchorage of Governance Networks // Scandinavian Political Studies. 2005. Vol. 28, № 3. P. 195–218. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2005.00129.x

355. Stein L. von. Geschichte dersozialen Bewegungin Frankreich von 1789 bis auf unserc Tage. Bd. III. Munchen, 1921.

356. Sztompka P. Sprawiedliwość // Fundamenty dobrego społeczeństwa. Wartości / pod red. Małgorzaty Boguni-Borowskiej. Kraków: Znak, 2015. S. 232–250.

357. Termeer C.J.A.M., Koppenjan J.F.M. Managing Perceptions in Networks // Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector / ed. by W.J.M. Kickert, E.-H. Klijn, J.F.M. Koppenjan. London: Sage, 1997.

358. The “Next Billion”: Unconnected Audiences // ITU; GlobalWebIndex; GSMA Intelligence; Eurostat; Social Media platforms’ self-service advertising tools local government bodies and regulatory authorities; APJII Kepios analysis. URL: <https://www.web-canape.ru/files/352/map-of-the-worlds-digital.png> (дата обращения: 10.05.2020 г.).

359. The Origins of Modern Welfare: Juan Luis Vives: On The Relief of the Poor, Or of Human Need / ed. by P. Spicker Oxford: Peter Lang, 2020. DOI: <https://doi.org/10.3726/978-3-0353-0017-8>

360. Titmuss R.M. Essays on the Welfare State. London: Allen and Unwin, 1963.

361. UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development). Building Digital Competencies to Benefit from Frontier Technologies. New York: United Nations Publications, 2019. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2449> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

362. Van Deursen A. J.A.M., Helsper E., Eynon R., van Dijk J. A.G.M. The Compoundness and Sequentiality of Digital Inequality // International Journal of Communication. 2017. № 11. P. 452–473.

363. Vu H.T., Guo L., McCombs, M.E. Exploring «the World Outside and the Pictures in Our Heads»: A Network Agenda-Setting Study // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2014. Vol. 91, № 4. P. 669–686. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077699014550090>

364. Winners of the European Digital Skills Awards 2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/winners-european-digital-skills-awards-2018> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

365. With Schools Remaining Closed During Coronavirus Outbreak, China Launches National Remote Learning Platforms // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3050940/schoolsremaining-closed-during-coronavirus-outbreak-china-launches> (дата обращения: 23.05.2022 г.).

366. World Summit on the Information Society, 10–12 December 2003, Geneva. URL: <http://www.itu.int/wsis/geneva/index.html> (дата обращения: 10.05.2020 г.).

